ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО

ЧАША „МАРАКАНЫ“

ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО

ЧАША „МАРАКАНЫ“,

ИЛИ
РАССКАЗ О ПОСЛЕДНЕМ
ПУТЕШЕСТВИИ БОГИНИ
НИКЕ

МОСКВА, «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ». 1972

Фесуненко И. С.

Ф44 «Чаша «Мараканы». М., «Молодая гвардия», 1972.

288 с. с илл. 150 000 экз. 65 коп.

Новая книга И. Фесуиенко — рассказ о последнем путешествии богини Ннке, о футбольной и околофутбольной жизни Бразилии. Автор ведет читателя от незаметных матчей в маленьких, затерянных в глубине страны городках до грандиозных встреч сборной Бразилии, трехкратиого чемпиона мира, обладателя золотого кубка богини Ннке.

$\frac{6-9-2}{225-72}$ **7А8.5**

Редактор **М. Лаврик**
Художник **Л. Мороз**
Художественный редактор **Л. Белов**
Технический редактор **В. Савельева**
Корректор **Н. Павлова**

Сдано в набор 23/V 1972 г. Подписано к печати 27/XI 1972 г. А01326. Формат 70×108[1]/32. Бумага № 2. Печ. л. 9 (усл. 12,6). + + 16 вкл. Уч.-изд. л. 15,5. Тираж 150 000 экз. (1-й завод 75 000). Цена 65 коп., Т. П. 1972 г., № 225. Заказ 884.

Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

ОГЛАВЛЕНИЕ

МАРАКАНА

Самый большой в мире стадион, вмещающий свыше 200 тысяч его почитателей.

Первый матч состоялся здесь 15 июня 1950 года (играли сборная Рио-де-Жанейро — сборная Сан-Паулу).

Первый гол забил Диди, выступавший в вышеупомянутом матче за сборную Рио.

Самый знаменитый гол в истории «Мараканы» забит 19 ноября 1969 года в матче «Сантос» — «Васко-да-Гама» (см. главу «Стартовая площадка «три-кампеонов»).

Самый трагический матч в истории «Мараканы» состоялся 16 июля 1950 года (см. главу «Двадцать лет спустя»).

АРХИБАНКАДА

Второй (верхний) ярус «Мараканы» (см.), на котором размещается ТОРСИДА (см.) со своими флагами, петардами, рисовой пудрой (см. главу «Сквозь тернии к звездам»), со своими надеждами, страданиями и бутербродами.

Стоимость билета на архибанкаду — 6 крузейро (1,15 доллара) в 1972 году.

ТОРСИДА

93 миллиона бразильцев, то есть все население страны. У каждого клуба своя торсида. Каждый бразилец определяет себя и своих друзей по принадлежности к той или иной торсиде. Президент страны Эмилио Гаррастазу Медиси принадлежит к торсиде «Фламенго». Зека — завсегдатай кабачка «Лузитания» (см. главу «Пусть неудачник плачет») является «торседором» клуба «Америка». Пеле, хотя и играет в «Сантосе», считает себя «торседором» клуба «Васко-да-Гама».

На матче две торсиды играющих команд располагаются на противоположных сторонах архибанкады (см.) и ведут ожесточенный бой друг с другом с помощью петард, барабанов, знамен, трещоток и других подручных средств.

Примечание. Автор настоящей книги и составитель «Малой энциклопедии футбола» принадлежит к торсиде «Ботафого».

ПЕЛАДА

Уличный неорганизованный футбол, наблюдаемый на всей территории страны от джунглей Амазонки до степей Рио-Гранде. Для организации пелады достаточно иметь любой пригодный, не очень пригодный или совсем не пригодный клочок земли. Мяч желателен, но отнюдь не обязателен. Пелада может осуществляться с помощью консервной банки, апельсина средних размеров, дамского чулка, набитого старой бумагой.

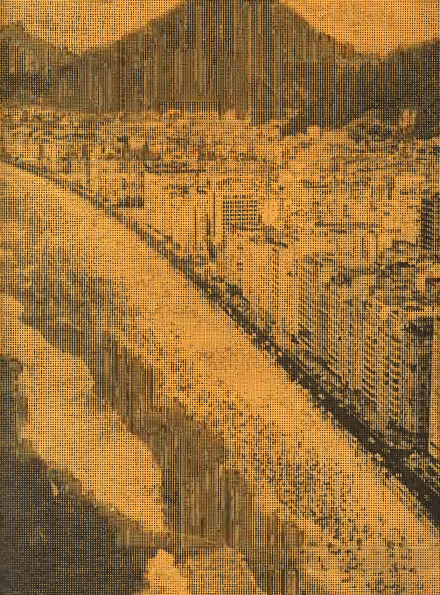
В Бразилии пелада заменяет (и, судя по всему, небезуспешно) институты физкультуры, группы подготовки при командах мастеров и футбольные школы молодежи. Одним из известных мастеров пелады являлся в свое время Эдсон Арантес до Насименто, добившийся затем некоторых успехов и в обычном футболе, в котором он стал известен по прозвищу Пеле.

КОПАКАБАНА

1) Место, где проводятся самые популярные и самые знаменитые в Бразилии пелады (см.).

Пятикилометровый песчаный пляж, расположенный в южной зоне Рио-де-Жанейро. Многие утверждают, что он служит также для приема солнечных ванн и осуществления морских купаний;

2) район города Рио-де-Жанейро, в котором находится отель «Плаза-Копакабана», ставший всемирно известным после того, как в нем сделала первую остановку после прибытия в Рио-де-Жанейро «Золотая богиня» НИКЕ.

Выстрел в „Лузитании"

Выстрел грохнул оглушительно и, как всегда, неожиданно. Низенький мулат, стоящий у залитой пивом стойки, схватился за живот, замер, словно прислушиваясь к чему-то, и медленно опустился на грязный пол. Кто-то вскрикнул, кто-то, опрокинув стул, бросился к выходу.

— Стой! Назад! — закричал Старый Педро. Он знал, что добрая половина посетителей «Лузитании» постарается улизнуть, под шумок не заплатив. И не только ради экономии двух-трех крузейро: едва ли не каждый из завсегдатаев этого кабачка имел свои — и весьма серьезные — причины избегать встреч с полицией.

А вот и полиция: расталкивая моментально сгрудившуюся у входа в «Лузитанию» толпу, сюда пробирался Лопес де Соуза. Гордая улыбка сияла на его начальственном челе: сей выстрел был послан сержанту небом специально, чтобы разорвать рутину его нудной службы. Ведь за три месяца, прошедших после назначения его на этот участок, тут не случилось ни одного происшествия, на соседнем же — три вооруженных налета на банки (о них даже запрашивали из Национальной службы безопасности!) и два убийства. Везет же людям...

Словом, выстрел в кабаке Старого Педро — этой гнусной скареды, который жалеет поставить полбутылки пива усталому стражу порядка, разбудил в сердце сержанта добрые надежды. Наконец-то он,

Лопес де Соуза, покажет миру, что такое настоящая полиция, власть и закон!

Он протолкался через толпу к съежившемуся на полу телу. Сидящая на корточках негритянка Сильвия подняла голову и кивнула сержанту.

— Ну что? — строго спросил он.

— Упокой, господи, душу его, — ответила она, кладя голову мулата на расстеленную газету. Потом закрыла лицо покойника грязным полотенцем. Откуда-то появилась свечка. Ее поставили рядом с трупом, и серый дымок миролюбиво заструился к потолку.

— Ну, кто видел убийцу? Кто заметил, куда он сбежал? Каким калибром воспользовался? — спрашивая это, сержант неторопливо доставал блокнот. Точно так в разгар сражения в Арденнах брал в руки свой боевой планшет с картой бравый генерал Паттон, которого сержант видел вчера в кино. Сейчас важно было первым собрать сливки. Зафиксировать все, что знают эти люди об обстоятельствах и мотивах убийства, приметах преступника, оружии... Пока эксперты-криминалисты будут входить в курс дела и разбираться, что к чему, именно на него, на сержанта Лопеса де Соузу, набросятся репортеры и фотографы в поисках подробностей!

Он потрогал носком ботинка труп мулата. Конечно, это не такое уж интересное дело, как, например, то, что случилось однажды, года два назад, кажется, напротив Ботанического сада, где террористы прихлопнули бывшего немецкого нациста. Об этом, говорят, писали даже в Европе! И к регулировщику уличного движения, что стоял напротив дома, приходили репортеры даже из Израиля! Но такое достается

только счастливчикам. Одному из миллиона. А ему... Ладно, будем довольствоваться тем, что есть. Вероятно, этого парня пристрелили из-за женщины. Репортеры на это клюнут.

Он представил себе шапку через всю первую полосу «Нотисии»: «ЛЮБОВЬ, ОБОРВАННАЯ ПУЛЕЙ...», и чуть ниже — фотография: «...детектив Лопес де Соуза информирует нашего корреспондента об обстоятельствах трагедии...» Он, правда, не был детективом, но вдруг репортер ошибется?..

— Ну, так как? Кто видел, куда скрылся убийца? — строго повторил сержант.

— Да вот он, — сказал Старый Педро, махнув салфеткой на парнишку лет примерно двадцати. Обхватив руками голову, он тупо смотрел на убитого.

— Это... ты... убил? — недоверчиво спросил полицейский.

Парнишка кивнул головой и всхлипнул.

— Почему?

Все вокруг замолчали и придвинулись поближе, нетерпеливо дыша в затылок сержанта жареным чесноком, лимонной настойкой и перекисшим пивом.

— Я его убил... за то, что он сказал... он сказал... он сказал...

— Ну что? — рявкнул сержант.

— Он сказал, что Салданью давно нужно было выгнать из сборной.

* * *

Сей печальный эпизод отнюдь не выдуман автором ради привлечения читательского внимания к книге. Скептики могут обратиться к бразильским газетам за 19 апреля 1970 года, описавшим сей факт в колон-

ках полицейской хроники, или заявиться в «Лузитанию» к Старому Педро, или Лопесу де Соузе, который продолжает исправно отбывать службу на перекрестке под бездействующим светофором, или у Сильвии, попрежнему несущей нелегкое бремя своей древнейшей профессии в окрестностях этого кабака, или у прочих его завсегдатаев, собирающихся у стойки Старого Педро после полудня.

Проще всего, однако, будет поверить автору на слово и, не тратя попусту времени и сил, обратиться вместе с ним к исследованию причин и мотивов этой драмы. Для этого нам понадобится повернуть колесо истории на несколько оборотов вспять.

„Человек, который разбирается в людях“

И педантичные историки футбола, коллекционирующие пожелтевшие газетные вырезки, и вдохновенные поэты этого спорта, хранящие в сердцах своих трепетно-живые картины минувших чемпионатов, помнят, конечно, о том, что после «трагического», «постыдного», «катастрофического» проигрыша сборной Бразилии 19 июля 1966 года матча с португальцами в Ливерпуле страну — несмотря на уже имевшийся печальный опыт подобного поражения в 1950 году — захлестнула волна отчаяния и печали. Дело не ограничилось потасовкой (а кое-где и перестрелкой!), битьем стекол да сожжением чучел тренера Висенте Феолы и его помощников. Группа депутатов конгресса потребовала военно-полицейского расследования деятельности руководителей бразильского футбола. Газета «Жорнал до Бразил» мрачно пророчествовала: «В кругах оппозиции имеется убежденность, что деклассификация нашей команды на первенстве мира окажет фатальное влияние на политическую ситуацию в стране. Теперь в гуще народных масс неизбежно возрастут настроения разочарования финансово-экономической политикой правительства, разочарования, которое могло бы быть смягчено в случае победы бразильской команды в Англии...»

Долго не стихали взаимные попреки, угрозы и

брань в кабинетах футбольных федераций и на страницах прессы, вновь продемонстрировав старую истину о том, что бразильцы умеют красиво побеждать, но еще не научились красиво проигрывать.

В результате первые полтора года после поражения в Англии были потеряны. До конца 1967 года бразильская сборная всего лишь трижды встречалась с серьезным соперником, и все три матча закончились вничью (с командой Уругвая), после чего руководящие футбольные чиновники вдруг протрезвели и, выяснив, во-первых, что в результате «ливерпульской трагедии» конец света не наступил и жизнь продолжает идти своим ходом (причем таким быстрым, что очередной чемпионат мира приближался с устрашающей скоростью), сделали второе и еще менее приятное открытие, которое состояло в том, что на сей раз бразильской команде предстоит пройти неприятную процедуру отборочных игр, от которых она была освобождена свыше десятка лет. И оказывается, до начала этих игр остается полтора года. Всего полтора года! Началась лихорадочная суета, новые споры, старые препирательства из-за распределения начальственных мандатов и руководящих должностей. В конце концов тренером был назначен один из трех братьев Морейра — Айморе, тот самый, что руководил национальной командой на победоносном чемпионате 1962 года в Чили.

Под его руководством сборная провела в 1968 году свыше 20 матчей. Блистательные победы (2 : 1 — над сборной ФИФА или 6 : 3 — над сборной Чехословакии) чередовались с меланхолическими ничьими и удручающими поражениями. К концу сезона бразильская пресса открыла кинжальный огонь по руководству СБД (Бразильской конфедерации

спорта) во главе с Авеланжем. В воздухе пахло грозой: до первого отборочного матча оставалось восемь месяцев, а по-настоящему сильной, сыгранной команды Бразилия так и не имела. Морейра был, по сути дела, игрушкой в руках конфедерации и назначенного ею руководителем команды банкира, биржевого дельца, промышленника и владельца радио и телестанций Карвальо. В матчах 1968 года в сборной было перепробовано 57 футболистов, но сколько-нибудь постоянного состава так и не определили. И кое-кто из тренеров и обозревателей уже мрачно прогнозировал, что сборной Бразилии не удастся даже пробиться в число шестнадцати финалистов мексиканского турнира.

Летние январские футбольные каникулы на рубеже сезонов 1968 и 1969 годов слегка пригасили бушевавшие страсти. И, вероятно, поэтому сенсация получилась особенно оглушительной, когда 4 февраля 1969 года передачи всех бразильских телестудий и радиостанций страны были прерваны экстренным сообщением о том, что тренером сборной назначен Жоао Салданья.

«Человек, который разбирается в людях». Так охарактеризовал его патриарх бразильской литературы Жоржи Амаду, которого репортеры, разумеется, не смогли оставить в стороне от полемики, охватившей всю страну и вызвавшей реакцию более бурную, чем в иных странах смена кабинета министров. «О Жоао я имею право судить, поскольку мы с ним старые друзья. Это человек, который разбирается в людях и умеет ими руководить».

«Мы потеряли сборную!» — этот трагический вывод был переброшен через разворот одной из крупнейших газет Сан-Паулу, «Жорнал да тарде», подвергав-

шей уничтожающей критике и Салданью, и конфедерацию спорта. Она отражала разочарование футбольных хозяев этого крупнейшего латиноамериканского города, надеявшихся, что тренер будет выдвинут из Сан-Паулу. «Наша первая победа», — не без ехидства отпарировала выпад «паулистов» выходящая в Рио-де-Жанейро газета «Жорнал дос спортс»: «СВЕРКНУЛ НАКОНЕЦ-ТО ЛУЧ СВЕТА В БРАЗИЛЬСКОМ ФУТБОЛЕ!»

Кто же он такой, этот Салданья? Следует признать, что его назначение на пост тренера сборной не могло не вызвать полемики. С одной стороны, он, безусловно, зарекомендовал себя как один из наиболее компетентных знатоков футбола: Салданья побывал в 62 странах и мог аргументированно говорить о югославском футболе и турнирной таблице штата Амазонас, о творческих спорах французских тренеров и стратегических концепциях, изобретаемых в Марокко. С другой стороны, опыт его тренерской работы был невелик: до назначения в сборную он работал тренером «Ботафого» в течение всего лишь двух с половиной сезонов, а потом хлопнул дверью, разругавшись с директорией клуба из-за продажи кого-то из своих игроков.

Но, между прочим, именно в эти два с половиной сезона команда «Ботафого» и прославилась на весь мир, одержав свои самые сенсационные победы в Бразилии и за ее пределами, ибо не кто иной, как Салданья, создал ту легендарную команду, где играли Гарринча и Диди, Амарилдо и Загало.

— Но с тех пор он уже двенадцать лет смотрит футбол не с тренерской скамьи, а из кабины комментатора! — кричали оппоненты. И правда, все эти годы Жоао работал в прессе, ежедневно выступая

с обозрениями на тему футбола в газете «Ултима ора», а также комментируя матчи для радиостанции «Насиональ» и телестанции «Глобо». И именно в качестве журналиста прославился как непримиримый и последовательный борец против клубных заправил, превративших футбол в средство политической саморекламы, личной карьеры. Высмеивая их остро и язвительно, Салданья вывернул наизнанку этот темный закулисный мирок в своей книжке «Подземелья футбола».

Однако не только это вызывало бурную полемику вокруг назначения Салданьи. Далеко не все из его читателей и почитателей знали о том, что этому человеку многое ведомо и помимо футбола, что он изучал политэкономию в Париже и Праге, был первым бразильцем, добравшимся (в качестве корреспондента итальянского журнала) до Кореи и Китая в годы, когда корейский народ мужественно сражался против американских интервентов, а народ Китая завершал свою победоносную революцию. Благонамеренные соседи Жоао по истомленному пляжной негой кварталу Ипанема в недоумении пожали бы плечами, узнав, что в молодости он неоднократно бывал на конгрессах Всемирной федерации демократической молодежи и приезжал в Москву в составе бразильских делегаций, представлявших прогрессивные молодежные организации страны.

Но те, кто ничего не забывает, знали о Салданье все и, в частности, хорошо помнили, что в годы, когда компартия в стране находилась на легальном положении, он был организатором предвыборной кампании одного из коммунистических депутатов парламента.

За все время работы в Бразилии я, пожалуй, не

встречал более стопроцентного бразильца, чем он. Веселый и насмешливый, остроумный и вспыльчивый, Жоао любит испытывать судьбы. Он азартен и горяч, как каждый его соотечественник. Он умен, но о нем не скажешь «умный в гору не пойдет, умный гору обойдет». Салданья не только не станет обходить гору, он бросится штурмовать ее бегом.

Его острословие принесло ему необычайную популярность и непримиримых врагов. Однажды после одного из матчей сборной некий маститый спортивный журналист из Сан-Паулу, прославившийся среди коллег своим невежеством и апломбом, снисходительно поинтересовался:

— Жоао, почему это твои полузащитники все время шли вперед, все время атаковали и не возвращались назад, в защиту?

Не задумываясь ни на секунду, Жоао ответил прямо в микрофон:

— Если бы это было так, если бы они все время шли в атаку и не возвращались бы назад, то уже через пару минут после начала матча они пересекли бы линию ворот, перебрались бы через ров и оказались бы на трибунах.

В телестудии Гамбурга во время транслировавшегося на всю Западную Германию интервью комментатор вдруг прервал беседу о футболе неожиданным вопросом:

— Что вы думаете о массовых убийствах индейцев в вашей стране?

Кровь ударила Салданье в виски, но он не потерял самообладания и спокойно ответил:

— Моя страна имеет 470 лет истории. Количество индейцев, умерших и убитых за все это время, не пре-

вышает количества жертв за десять минут последней мировой войны, развязанной вашими фашистами.

Передача была прервана, комментатор больше не показывался на глаза Салданье.

Однажды, перебегая дорогу по пути на пляж, он чуть не попал под машину. Взвизгнули тормоза. Жоао обронил по адресу водителя нечто не поддающееся цитированию. Открыв дверцу, из-за руля вылез долговязый детина. Тщедушный Жоао казался гномом рядом с этим взбешенным великаном. Гора мускулов и жира, сопя, надвигалась на Салданью, сжимая в руке заводную ручку. Публика столпилась на тротуаре, приготовившись наблюдать бесплатный урок кэтча. Еще через секунду Жоао пришлось бы туго, но он вдруг крикнул противнику:

— Эй ты, трус! Ты боишься меня и поэтому схватил этот дурацкий рычаг. Брось его, если ты настоящий мужчина.

Детина побагровел: этот тощий мозгляк думает, что сможет побить его на кулаках?!

В гневе шофер бросил под ноги свою рукоятку, Жоао тут же нагнулся, схватил ее и трахнул соперника по лбу. Гигант рухнул на горячий асфальт. Жоао шагнул через покоящееся в нокауте тело и гордо удалился, не забыв поклониться бурно приветствовавшим его зрителям.

Да, Жоао принадлежит к числу тех людей, которые не привыкли извиняться, когда им наступают на ноги, но никогда не станут носить камень за пазухой, выжидая удобного момента для удара. Он говорит то, что думает, а поступает, как говорит. И именно поэтому его тренерская карьера оказалась гораздо более короткой, чем можно было бы предположить.

Впрочем, поначалу все шло хорошо: уже первые

шаги Салданьи вызвали не только одобрение друзей, но и смирили гнев противников, ибо он за двадцать четыре часа решил проблему, над которой четыре последних года безуспешно бились несколько тренеров: создал сборную страны. Точнее, решительно объявил ее состав, тогда как его предшественники беспрерывно консультировались с начальством, маневрируя между сциллами и харибдами сан-паульских и рио-де-жанейрских футбольных хозяев. Салданья же в первый же вечер после своего назначения, сидя в собственном доме, сказал сбежавшимся к нему репортерам:

— В Бразилии, как известно, футбольных тренеров девяносто миллионов, и они могут предложить девяносто миллионов вариантов сборной. Но поскольку руководство поручено мне, на поле выйдет моя команда!

И продиктовал двадцать два имени. По два на каждую позицию. И каждый из двадцати двух был сразу же точно определен как основной или запасной. Уже наутро вся страна знала свою сборную, получив наконец-то благодатную возможность анализировать состав, спорить и соглашаться с Салданьей, выдвигать новые варианты, тем более что для бразильца нет, вероятно, более сладостного занятия, чем нескончаемый спор о футболе за кружкой пива с непременными проклятиями по адресу того, кто в настоящее время занимает должность тренера сборной. Салданья подлил масла в огонь, и уже за одно это каждый бразилец, может быть и не замечая этого, был где-то в глубине души ему благодарен.

Потом начались медицинские осмотры футболистов, первые тренировки, экзамены по физподготовке, словом, сборная страны зажила своей обычной беспокойной жизнью, поскольку за деятельностью нового

тренера и его футболистов следили миллионы глаз, газеты публиковали ежедневные отчеты о положении дел в команде, о меню столовой на тренировочной базе, о репертуаре фильмов, которые по вечерам смотрят футболисты, о любых, самых незначительных, казалось бы, мелочах жизни и быта «хищников», как шутливо прозвал своих игроков Салданья. В долгой истории бразильской сборной невозможно, пожалуй, вспомнить другого тренера, который отличался бы такой поразительной предусмотрительностью, такой заботой о деталях, поручаемых обычно на усмотрение кастелянш или сапожников, администраторов или массажистов. Во время поездки в Европу в конце 1969 года Салданья не только просматривал матчи будущих соперников, но и знакомился с бесчисленными образцами и новинками спортивного обмундирования.

Вернувшись домой, он рассказывал:

— Наша обычная футболка столь сильно впитывает пот, что к концу матча на плечах у игрока, который пробегает второй десяток километров, висит несколько килограммов лишнего веса. Я заказал футболки из сверхлегкой, хорошо вентилируемой, водоотталкивающей ткани. Решил отказаться от воротничков. В новых трусах модернизированного раскроя предусмотрены специальные вентиляционные отверстия. Благодаря этому мы экономим тут около ста граммов накануне матча и почти килограмм — к концу игры. Бутсы, естественно, шьются по индивидуальным меркам с учетом особенностей стопы, пальцев и суставов. Экономим на бутсах еще двести граммов веса. В общей сложности новое обмундирование примерно на два килограмма легче прежнего.

Под руководством Салданьи сборная блестяще

провела отборочные встречи, выиграв в августе 1969 года все шесть матчей у команд Колумбии, Венесуэлы и Парагвая с общим счетом 23 : 2. Затем она была на время распущена, а когда игроков созвали вновь — за два с половиной месяца до начала чемпионата в Мексике и годом спустя после назначения Салданьи, — сам он от руководства был отстранен. Это решение СБД вызвало такую бурю, что выстрел в «Лузитании», о котором шла речь на первых страницах этой книжки, даже и не привлек особого внимания прессы, заслужив лишь несколько строк в графе полицейской хроники. Подумаешь: убийство какого-то там мулата, пытавшегося оправдать отставку Салданьи! Уход тренера вызвал шквал волнений и комментариев во всем мире.

Надрывались от перегрузки и международные телефонные линии, связывающие Рио-де-Жанейро с европейскими столицами: газеты жаждали подробностей и объяснений. Сразу же заметно снизились акции Бразилии на футбольной бирже в Лондоне, где заключались пари.

В самой Бразилии страсти достигли такого накала, что впервые в истории правительство активно вмешалось в дела конфедерации спорта, приказав немедленно прекратить полемику и отложить выяснение отношений до осени 1970 года. С этой целью министр просвещения и культуры, которому подчинены спортивные организации страны, специально вызывал Аveланжа и Салданью, пообещав принять после чемпионата мира меры и к наведению порядка в бразильском футболе, и к выяснению правых и виноватых. Если учесть, что до начала чемпионата оставалось немногим более двух месяцев, все это было вполне своевременным. Но обещанное расследование так и не состоя-

лось, утонув в грохоте победных гимнов после возвращения из Мехико.

Главной же причиной отставки Салданьи явилось его активное нежелание повиноваться влиятельным закулисным советникам из конфедерации. А его назначение, как это теперь совершенно понятно, было попыткой спортивных дельцов приручить своего самого принципиального и непримиримого противника. Они надеялись, что, заняв место тех, кого он ранее критиковал, Салданья под бременем ответственности будет вынужден склонить голову перед истинными хозяевами бразильского футбола. О, они знали, конечно, цену его таланту, верили в его громадный опыт, в его понимание игры!

Но коль скоро он не смирился, руководители Национальной конфедерации спорта и футбольных федераций Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу быстро нашли общий язык.

Разрабатывая планы тренировки команды, Салданья избрал местом двухмесячного сбора Сан-Паулу, но конфедерация не согласилась с этим, сославшись на конфликтные отношения с местными спортивными чиновниками и прессой. Обмундирование, заказанное в Европе, намертво застряло на таможне в Рио-де-Жанейро. Когда сборной понадобилось провести тренировочный матч с одной из команд Рио, оказалась закрытой «Маракана». Федерация же футбола штата Гуанабара отказалась предоставить сборной стадион, мотивируя это необходимостью сберечь травяной покров для местного чемпионата. И Пеле, Тостао, Жаирзиньо — все будущие триумфаторы Мехико — тащились на автобусе через весь город на убогий заводской стадион ткацкой фабрики «Бангу».

Таких примеров можно было бы привести еще

много. Салданья, сцепив зубы, продолжал работать. Терпение его хозяев окончательно лопнуло, когда он решил не ставить Пеле на товарищеский матч с командой Чили. Этого чиновники конфедерации вынести уже не смогли: отсутствие «короля» неизбежно отразилось бы на кассовой выручке, они же в этот самый момент занимались изысканием средств для поездки команды в Мексику, а заодно заканчивали строительство многоэтажного роскошного здания конфедерации в центре Рио. Здания, названного именем Авеланжа. Заметим попутно, что на его строительство, как писал журнал «Плакар», была направлена часть средств, ассигнованных на подготовку сборной.

Накануне матча с Чили Салданья и был снят.

В письме министру просвещения и культуры он изложил свои взгляды на положение дел в бразильском профессиональном футболе и предложил ряд мер, направленных на его оздоровление. Салданья предлагал, в частности, ограничить количество матчей для каждого клуба до 52 игр в год; установить в законодательном порядке обязательные месячные отпуска для футболистов; усилить медицинский контроль в клубах и создать федеральную медицинскую комиссию, которая контролировала бы медицинские секторы клубов. В письме предлагалось учредить антидопинговую комиссию; запретить контракты, которые ограничивают свободу тренеров сборной, предусматривая обязательные выступления в ее товарищеских и показательных матчах лучших футболистов (в первую очередь Пеле), а также отменить обязательные вознаграждения за победу, которые приводят к тому, что руководители команд и врачи выставляют на матчи игроков, не считаясь с их физическим состоянием. Наиболее важным, однако, был тот раздел письма,

в котором говорилось о правах футболистов. Салданья требовал пересмотра унизительного закона о переходе игроков, превратившего бразильских футболистов в живой товар. Этот закон оставляет за клубом полную свободу действий в отношении своих футболистов. Купля-продажа, обмен и даже предоставление игрока в аренду другому клубу на какой-то срок — все это может быть решено клубом без ведома футболиста, которому в этом случае причитаются (и то — на бумаге, в жизни это правило выполняется не всегда) лишь 15 процентов от суммы его собственной «стоимости», точнее говоря, продажной цены.

Комментируя письмо Салданьи, известный бразильский общественный деятель и журналист Карлос Ласерда опубликовал статью «Рабство», где убедительно сравнил нынешнее положение футболистов с положением рабов. Закон о переходе игроков является узловым пунктом дискуссий и поныне. Дискуссий, споров, но не более того. Не смог сдвинуть дело с мертвой точки даже фантастически гротескный скандал, разразившийся в 1970 году в «Сантосе» в те самые дни, когда сборная команда страны, на добрую треть составленная из футболистов этого клуба, готовилась к турниру в Мексике, совпав с кризисом, вызванным отставкой Салданьи. Он лишь подтвердил факты и мысли его письма, о котором было сказано выше. И все же я уверен, что многие читатели воспримут эту историю, о которой пойдет речь в следующей главе, как анекдотический курьез.

„Сантос"- оптом и в розницу

Собственно говоря, начало этой истории относится к 1965 году, когда «Сантос» находился в зените своей славы, завоевав звание двукратного чемпиона мира среди клубных команд, двукратного клубного чемпиона Южной Америки и массу иных призов и кубков. Имея в своих рядах семь футболистов во главе с Пеле, входивших в состав сборной, выигравшей в 1962 году в Чили звание чемпиона мира, «Сантос» шел от победы к победе, и руководители клуба, взимая солидные суммы за каждый международный матч, буквально потеряли голову. Тщеславие, честолюбие и звон золота подсказали им, что лучшая в мире футбольная команда должна обладать и самым лучшим в мире зданием клуба. И вскоре президентский совет «Сантоса» решил купить — для проведения балов, коктейлей, концертов и торжественных приемов — роскошный дворец-отель, расположенный на аристократической набережной города.

Мне довелось однажды три дня прожить в нем. И, бродя по его зимним садам, бесчисленным салонам (в стиле «неофлорентийского ренессанса»), по залу для танцев (в стиле «строгого ренессанса»), ресторану (в стиле «неоклассическом»), я содрогался при мысли о том, что храм, предназначенный, казалось бы, для международных конгрессов, музыкальных конкурсов или художественных выставок, служит... конторой футбольной команды. Ведь вся эта роскошь предназначалась исключительно для антуража при вручении чемпион-

ских лент и кубков. Да разве еще для приема иностранных визитеров, прибывающих с целью заключения контрактов на заграничные турне «Сантос-футбол-клуба» и проведения — в два года раз! — ассамблей президентского совета клуба.

Владельцы дворца — семейство Фракаролли — согласились продать его за шесть с половиной миллиардов крузейро, которые клуб обязывался выплатить в течение пяти лет «с учетом инфляции и с процентами». Причем такой детали, как выплата процентов, хозяева «Сантоса» в 1965 году значения не придали. Однако стремительное падение бразильской валюты и ряд других факторов сыграли роковую роль. Не вдаваясь в сложный и диковинный механизм инфляции, скажем только, что к концу установленного срока, то есть к 1970 году, «Сантос» сумел выплатить только четыре и оставался должен еще... 14 миллиардов, которых не было в кассе клуба и которые «Сантос» не имел никакой надежды заработать в обозримом будущем. Клуб оказался на грани банкротства. Все это немедля пронюхали газетчики, и по стране поползли слухи о том, что единственной возможностью расплатиться с долгами и предотвратить неминуемую катастрофу является продажа главного и наиболее дорогого достояния «Сантоса» — соперничающего по своей ценности с валовой стоимостью дворца-отеля — Пеле. Появились сообщения о предложениях, сделанных клубу мексиканским предпринимателем Аскаррагой и некоторыми итальянскими клубами. Противоречивые интервью директоров «Сантоса» усиливали волнение и беспокойство.

Тут-то и появился на сцене некий гражданин по имени Карлос Калдейра Фильо. Один из тех, о ком коротко сказал поэт: «владелец заводов, газет, паро-

ходов...» Действительно, Карлос Калдейра Фильо является владельцем нескольких газет, громадных земельных участков, солидных банковских счетов, промышленных предприятий, а что до «пароходов», то их ему с лихвой заменяет знаменитый автобусный вокзал Сан-Паулу — крупнейшего города Латинской Америки. Через этот вокзал ежедневно проходят свыше ста тысяч пассажиров, каждый из которых умножает и без того сказочное состояние этого провинциального Поля Гетти. Сеньор Калдейра Фильо был в курсе всех забот и передряг любимого клуба: всю жизнь он фанатично «болел» за него и долгие годы являлся почетным членом правления. Присмотревшись к складывающейся ситуации, он решил, что пришла пора действовать: яблоко созрело, и достаточно было легкого толчка по стволу дерева, чтобы плод упал в руки.

И вот однажды Калдейра попросил собрать президентский совет клуба и предложил почтенным хозяевам «Сантоса» сделку. Ее условия были приняты без колебаний, после чего Калдейра направил своих адвокатов к семейству Фракаролли (которое уже раздирали сомнения относительно возможности получения своих денег). Калдейра Фильо царственным жестом забрал у этих отпрысков благородного итальянского семейства все долговые обязательства «Сантоса» и обязался погасить их в течение пяти лет.

Так было предотвращено банкротство «Сантоса». Во всяком случае, на ближайшие пять лет. За «Сантосом» осталось даже право пользования дворцом-отелем. И исчезла необходимость продавать Пеле. А что же получил в обмен за свою щедрость сеньор Калдейра Фильо?

Благодетель получил именно то, что хотел и доби-

вался: «Сантос». Легендарный, воспетый в песнях и гимнах, увитый муаровыми лентами и увенчанный лавровыми венками, «знаменитейший из знаменитых, величайший из великих, гордый и непобедимый» «Сантос-футбол-клуб», как именуется он в исторических хрониках, футбольных репортажах и заметках полицейских репортеров (последние заинтересовались клубом в связи с разгаром тяжбы и угрозами Фракаролли передать дело в суд). Директорат клуба подписал обязательство, согласно которому отныне и впредь ни один контракт с футболистами не может быть заключен без согласия сеньора Калдейры Фильо. Покупка и продажа игроков, гастрольные турне, турнирные обязательства, одним словом, вся жизнь команды должна теперь согласоваться с честолюбивым меценатом. Более того: он стал контролером всех доходов «Сантоса», на которые по его первому требованию может быть наложен арест. Иными словами, Пеле, Карлос Альберто, Клодоальдо, Эду и прочие игроки «Сантоса» отныне получают зарплату из кармана сеньора Калдейры Фильо...

Так этот господин — известный коллекционер немецких овчарок и курительных трубок — стал единоличным и всемогущим хозяином всемирно известного клуба со всеми его спортивными базами, музеями трофеев, салонами для бриджа и танцев, бассейнами, со всеми его тренерами, массажистами и неудачливыми бухгалтерами и ни в чем не повинными футболистами во главе с «королем» Пеле. А как реагировала на это бразильская пресса? И болельщики?

Овацией. Первое же публичное заявление нового хозяина «Сантоса» было встречено с восторгом. Скромно потупив глаза и поглаживая тугое брюшко, сей патриот сказал:

— Теперь, друзья мои, вы можете быть спокойны: мы... (нужно было слышать, как было сказано это трогательно-скромное «мы»!) ...мы не продадим Пеле!

Да. Отныне Бразилия может спать спокойно. Во всяком случае, до тех пор, пока сеньор Калдейра пребывает в добром расположении духа. Пока он не придумал более выгодного вложения для своих капиталов. Или не узрел в какой-нибудь Австралии или Шотландии какую-нибудь диковинную овчарку, на покупку которой понадобятся такие большие средства, что ему придется сбыть «Сантос» по дешевке очередному покупателю. Если такой, конечно, найдется...

* * *

Вся эта история, которая может показаться невероятной, отнюдь не избавила картол «Сантоса» от головных болей. Заткнув глотки семейству Фракаролли, они оказались в лапах нового патрона, который отнюдь не собирался выкидывать свои деньги на ветер, тем паче, что при внимательном анализе сделка с Фильо оказалась лишь отсрочкой банкротства «Сантоса». Чтобы его предотвратить, нужны были деньги. Много денег. И в судорожных поисках выхода руководители «Сантоса» пустились в новые авантюры. Вот одна из них, самая нашумевшая.

Апрельским утром 1970 года в дверь кабинета вице-президента клуба генерала Османа Рибейро постучала секретарша. Генерал нехотя отвлекся от газет, смакованию которых уделял первую половину дня, но, выслушав сообщение о том, что в приемной находится некий господин Ибрагим Зайдан, прибыв-

ший из-за границы по какому-то срочному и важному делу, определенно оживился. Через несколько минут в кабинет вошел смуглый молодой человек, отрекомендовавшийся представителем «Маракеш-футбол-клуба» из Рабата. Гость был энергичен и немногословен. Он сообщил, что прибыл в Бразилию по поручению влиятельных нефтяных компаний Марокко, которые задались целью создать мощную футбольную команду, для чего намерены купить нескольких бразильских игроков. Генерал понимающе кивнул, нажал кнопку и сказал впорхнувшей секретарше, чтобы в кабинет никого не впускали до обеда и прислали кофе.

После этого обе высокие договаривающиеся стороны закурили и, погрузившись в пухлые кресла, продолжили беседу. Марокканец выдвинул условие: игроки обязательно должны быть из основного состава. Желательно из тех, кто входит в состав сборной страны.

— А чемпионат мира в Мексике?! — воскликнул генерал.

— Не страшно, — ответил покупатель. — Мы купим их сейчас, а заберем их после окончания чемпионата.

Генерал задумался, гость же заметил, что марокканские нефтяные короли не испытывают недостатка в средствах. И к тому же заинтересованы в том, чтобы сделка была заключена быстро. Такой подход к делу обрадовал генерала, прославившегося своей склонностью по-военному решать любые житейские проблемы. Взяв лист бумаги, он принялся набрасывать стратегический план операции и в течение нескольких минут, исходя из курса доллара, выразил в математически точных величинах хладнокровную технику капитана «Сантоса» и сборной Карлоса Альберто, пушечный удар Дорвала, стремительность Рилдо, опыт

Лима и Жоэла... Карлос Альберто — 180 тысяч долларов. Жоэл — центральный защитник клуба и сборной — 180 тысяч, Рилдо (он, к сожалению, только что был выведен из состава сборной) — 150 тысяч. Знаменитый напарник Пеле — Коутиньо, а также полузащитник Лима пошли по 120 тысяч. А Дорвал (бедняга уже перешагнул роковой тридцатилетний рубеж) был оценен генералом всего лишь в 100 тысяч долларов. Таким образом, шесть футболистов основного состава «Сантоса» во главе с капитаном команды были пущены с торгов за 850 тысяч. Вручая список, генерал шепнул представителю «Маракеш-футбол-клуба», что, коль скоро сделка состоится, того ждут солидные комиссионные...

Сутки спустя, отказавшись от покупки Дорвала, марокканские нефтяные короли остальные условия сделки в целом подтвердили и затребовали официальное письмо. Пожалуйста! По команде генерала было отпечатано и немедля вручено энергичному Зайдану официальное послание «Сантос-футбол-клуба», в котором выражалось согласие на продажу поименованного товара. В специальных анкетах на каждого игрока указывались его возраст и титулы, завоеванные под славными стягами «Сантоса». Получая документы, представитель солнечного Марокко решил немного поторговаться: ведь плата за товар будет произведена сразу. А в соответствии с неписаными, но общепринятыми законами бизнеса покупатель в таких случаях имеет право на скидку, не правда ли? Генерал подумал и согласился. После нескольких чашечек кофе объем операции был снижен до 600 тысяч долларов.

Уже около лифта марокканец с письмом «Сантоса» в руках поинтересовался, не согласится ли генерал

на продажу, ежели возникнет дополнительная нужда, еще каких-либо игроков.

— Да, пожалуйста. Джалма Диас и Пиколе к вашим услугам.

Дверь лифта бесшумно распахивается. Лифтер в синем мундире, завидев генерала, застывает в почтительной позе. Представитель «Маракеш-футбол-клуба», войдя в кабину, приветственно машет рукой.

Генерал спрашивает вдогонку:

— Значит, окончательный ответ во вторник?

— Во вторник, генерал, во вторник...

До вторника еще далеко, но генерал объят нетерпением. Собрав у себя в кабинете репортеров, он сообщает им сенсационную новость. Половина игроков основного состава «Сантоса» продана дружественной африканской стране, которая решила развивать свой футбол. Бразилия приходит на помощь молодым футбольным нациям! Слава и искусство «Сантоса» оплодотворяют футбол Африканского континента!

Лихорадочно затрещали «телексы», связывающие Сантос с Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро, Бело-Оризонте и остальными футбольными центрами страны. Радиостанции сообщили новость в экстренных выпусках. В типографиях срочно переверстывались газетные полосы. Заметим попутно, что из сообщений радио и газет одновременно с остальными девяноста миллионами бразильцев узнали о сделке и сами футболисты, проданные генералом Рибейро.

Не будем цитировать противоречивые комментарии и взволнованные реплики прессы, а сразу же сообщим о неожиданной развязке этой истории.

Прошло несколько часов после выхода утренних газет, когда на прилавки киосков лег очередной номер спортивного еженедельника «Плакар», издающегося

в Сан-Паулу. На его темной обложке резала золотым блеском глаз читателя безжалостная, неумолимая в своей разоблачающей наготе фраза:

«СЕНСАЦИЯ: НАШ РЕПОРТЕР КУПИЛ ПОЛОВИНУ «САНТОСА»...»

Да, все было именно так. Ибрагим Зайдан — «представитель «Маракеш-футбол-клуба» и влиятельных нефтяных кругов Марокко» — оказался на самом деле бразильским журналистом Жоржем Бурдокяном, корреспондентом журнала «Плакар». На трех полосах журнал подробно рассказывал эту историю, публиковал фотокопию письма генерала Османа и не без ехидства сообщал, что взволнованный возможностью пустить с торгов вверенных его попечению футболистов вице-президент «Сантоса» ни разу не спросил у «представителя» Марокко документов, удостоверяющих его полномочия или хотя бы личность. И что визит посланца «нефтяных компаний» имел место... 1 апреля! «Мы хотели доказать, — говорилось в журнале, — что хозяева нашего футбола не имеют ни малейшей подготовки и не способны выполнять сложную работу по руководству клубами. Мы хотели доказать, что лучшая футбольная команда мира оказалась в труднейшем положении, в фактически безвыходной ситуации. И мы, наконец, хотели обратить внимание на необходимость изменить правила перехода игроков-профессионалов, судьбы которых целиком и полностью зависят от прихоти их хозяев...».

К сказанному остается только добавить, что хитрая операция редакции «Плакара», весь этот полемический запал, остроумие и злость были растрачены впустую.

Спустя несколько дней президент «Сантоса» на

очередной пресс-конференции на вопрос одного из журналистов о том, что он думает по поводу скандала с «продажей» своих игроков в Марокко, невозмутимо ответил:

— А что тут, собственно говоря, такого? Я и сам готов продать всю команду. За исключением, пожалуй, Пеле и Эду...

Ну а как отнеслись ко всему этому сами футболисты? Этот вопрос я задал год спустя Карлосу Альберто, интервьюируя его в Рио-де-Жанейро в связи с переходом в команду «Ботафого». Карлос Альберто сказал:

— И до этого случая мы знали, что генерал Осман не обладает и минимальными способностями руководителя футбольного клуба. Именно поэтому он и подобные ему развалили «Сантос». Недавно, правда, карьера генерала в «Сантосе», к счастью, завершилась. И вполне бесславно. Он вынужден был уйти в отставку.

— Вы полагаете, что это дает возможность «Сантосу» оправиться и вновь занять свое место среди сильнейших команд Бразилии и мира?

Карлос Альберто развел руками.

Человек, которому очень везет

Двое суток после изгнания Салданьи сборная жила без тренера. Вдруг выяснилось, что единодушные в своей вражде к Салданье руководители конфедерации бразильского спорта имеют каждый своего протеже. На страницах газет замелькали имена Отто Глория, возглавлявшего на чемпионате мира 1966 года португальскую сборную, Дино Сани из «Коринтианса» и других не менее знаменитых тренеров. Но на третьи сутки восторжествовала кандидатура Марио Жорже Лобо Загало.

Участник мировых чемпионатов 1958 и 1962 годов, тихий, осторожный, предусмотрительный Загало по характеру своему полная противоположность Салданьи. Но в тонкостях футбола разбирается не хуже его. В специфических условиях Бразилии, где суеверия доведены до абсурда и каждый игрок обязательно имеет своих святых покровителей, где футболисты ступают на поле обязательно с правой ноги, осеняя себя крестным знамением и целуя «приносящие счастье» амулеты, Загало, помимо своей уравновешенности и спокойствия, вселяющих в футболистов уверенность в своих силах, обладал еще одним достоинством: он считался счастливчиком, баловнем судьбы.

Эта репутация укрепилась за ним с первых же его шагов на футбольном поле. Едва он появился в начале пятидесятых годов во «Фламенго», как команда завоевала один из самых почетных титулов в бразиль-

ском футболе — чемпиона Рио-де-Жанейро. На следующий год Загало стал вместе с «Фламенго» дважды чемпионом Рио. Выехав в 1958 году на чемпионат мира в Швецию, он числился в резерве на позиции левого крайнего нападающего (после считавшегося сильнейшим в этом амплуа Пепе из «Сантоса»), и никто не верил, что Загало получит возможность ударить хотя бы раз ногой по мячу. Но на одной из тренировок Пепе получил травму, и Загало был временно введен в основной состав. А когда Пепе оправился, было уже поздно: от добра добра не ищут, и тренер Висенте Феола не решился возвратить на скамейку запасных невысокого щупленького парнишку, ставшего основным элементом трансформаций атакующей схемы 4 — 2 — 4 в оборонительную — 4—3—3.

Перейдя из «Фламенго» в «Ботафого», Загало и туда принес счастье: клуб в течение двух лет подряд выигрывал чемпионат Рио-де-Жанейро. Затем был победный чемпионат мира 1962 года в Чили, после которого пришло время и Загало, как говорят в Бразилии, «подвешивать бутсы». Баловень футбольной судьбы был приглашен тренировать юношескую команду «Ботафого» — и в мгновение ока сделал ее чемпионом штата! После этого ему доверили руководство «командой мастеров», как сказали бы у нас. И опять счастливая звезда озарила путь молодого тренера: за три сезона он дал клубу пять победных титулов, в том числе заветный Кубок Бразилии!

К этому времени слухи о невероятном везении Загало достигли, если можно так выразиться, общенационального масштаба, причем наиболее усердно распространяли и подогревали их коллеги Загало. Парадокс? Нет. Просто многим тренерам удобно было объяснять успехи Загало улыбкой судьбы, а не его

талантом и трудолюбием. Впрочем, те, кто знает Загало поближе, уверяют, что его везучесть не ограничивается прямоугольником футбольного поля и что, участвуя в лотереях, он, если и не выигрывает крупных сумм, то как минимум окупает расходы. «Все, к чему он прикасается, превращается в золото», — сказал как-то в шутку его друг и коллега по сборной, дважды выигрывавшей золотые медали, Нилтон Сантос. И, как мы знаем, чемпионат мира 1970 года подтвердил эту репутацию Загало.

Он вырос в семье мелкого служащего, обучился профессии бухгалтера, а в футбол начал играть вопреки воле отца. В конце концов, правда, последний смирился с этим увлечением сына, тем более что оно стало источником куда больших доходов, нежели унылое корпение над приходо-расходными ведомостями.

Незадолго до назначения в сборную, будучи тренером «Ботафого», Загало отвечал на вопросы журнала «Маншете». Это интервью дает некоторое представление о его взглядах.

— Загало, можно ли считать, что футбол является самым важным делом вашей жизни?

— Нет, самое важное для меня — семья: я женат и у нас четверо детей...

— Чего бы вы хотели иметь в жизни больше всего?

— Здоровья.

— Как вы расцениваете футбол? Это искусство? Способ самовыражения личности?

— Футбол высокого класса — это врожденный дар. Его можно усовершенствовать, но ему нельзя научиться. Здесь есть нечто схожее с озарением, знакомым писателю и певцу.

Говорят, что если бы Загало не посвятил себя

футболу, из него мог бы выйти неплохой дипломат. Впрочем, посудите сами. О том, что центральный нападающий из команды «Атлетико» Дарио, игрок таранного типа, является кумиром президента республики, в Бразилии знают все. И когда Салданье в пору его руководства сборной намекнули, что неплохо бы найти в ней местечко для Дарио, он ответствовал, что, не претендуя на какую бы то ни было роль в формировании кабинета министров, определит состав своего «футбольного кабинета» без сторонней помощи и советов. Загало же на следующий день после своего прихода в сборную объявил об уточнении ее состава и в числе пяти вновь приглашенных игроков назвал, как и следовало ожидать, Дарио. После чего посадил президентского любимца (манера действий которого никак не согласовывалась с игрой Пеле, Тостао и Жаирзиньо) на скамейку запасных, где тот благополучно просидел в Мехико все матчи.

Итак, придя в команду, созданную Салданьей, за два месяца до начала мирового чемпионата, Загало не стал ее перекраивать. И дело не только в том, что для радикальных перемен уже не было времени: просто Загало понимал, что Салданья действительно отобрал лучших. В самом деле, из одиннадцати игроков, участвовавших в полуфинальном и финальном матчах в Мексике, восемь было полтора года назад отобрано Салданьей. Да и трое остальных — Клодоальдо, Ривелино и Эверальдо — были названы им тогда же, но в числе запасных.

Все это не значит, конечно, что Загало механически пошел по чужому пути. Вовсе нет. В первые недели он проделал массу экспериментов. Достаточно сказать, что из десяти международных товарищеских матчей, проведенных сборной дома накануне отъезда

в Мексику, не было и двух, в которых бы она выступала одним составом. И хотя трое основных нападающих — Жаирзиньо, Пеле и Тостао — перекочевали в команду Загало от Салданьи, новый тренер счел целесообразным изменить тактику нападения. Если Салданья считал необходимым выдвигать фланговых нападающих (Жаирзинью — справа и Эду — слева) вперед, Загало предпочел держать левое крыло оттянутым — по примеру того, как играл в сборной 1958—1962 годов он сам (и как играл, по его предписанию, в «Ботафого» Пауло Цезар). К слову сказать, Пауло Цезар первоначально планировался на основную позицию и в сборной, однако впоследствии был заменен Ривелино.

Загало — счастливчик? В Бразилии сейчас уже мало кто помнит, что первые его шаги в сборной были встречены отнюдь не овацией. «Ударив по Салданье, ударили по сборной, — писал журнал «Маншете». — Теперь она должна подниматься на ноги раненая — пока еще не знаем, сколь сильно». Загало, однако, выдержал период раздражения и недоверия с достоинством. Работал, не откликаясь на выпады прессы. А между тем многие журналисты чувствовали свою правоту, ибо в поступи сборной не было, по их мнению, уверенности, хотя до старта в Мехико оставались считанные недели. Масла в огонь подливали товарищеские матчи, проведенные в последние перед отъездом дни: неубедительная победа над сборной Чили (2 : 1), бесцветные нулевые ничьи с командами Парагвая и Болгарии. Особенно остро переживалась ничья с командой Болгарии, которая, как выяснилось, была не столько национальной сборной, сколько чем-то вроде юношеского ее варианта.

Именно после этого матча в сердца бразильцев

глубоко проникли отчаяние и пессимизм, а газеты заполонили унылые комментарии специалистов и панические прогнозы тотчас взявшихся за перо бесчисленных дилетантов. Кто только в эти дни не писал и не говорил в Бразилии о футболе! Болтливые модные портные и обычно немногословные армейские генералы, куплетисты из ночных кабаре и чиновники губернаторских канцелярий, банкиры и дамские парикмахеры, политические обозреватели и музыкальные критики, элегантно-усталые герои светской хроники и замученные безжалостной борьбой за существование обитатели рабочих предместий — все они, интервьюируемые столь же взволнованными репортерами прессы, радио и телевидения, делились своими соображениями о роли «чистильщика» в организации обороны, о преимуществах длинного паса на выход перед короткими поперечными передачами и т. д. и т. п. Последовательному и детальному освещению подвергалась личная жизнь футболистов, их близких и дальних родственников, однокашников и соседей по дому, действительных и мнимых подруг. И разумеется, все непрерывно поучали Загало и сокрушались о неминуемом поражении, которое ждет команду Бразилии под его руководством.

С каждым днем страсти на этой обезумевшей ярмарке футбольных и околофутбольных новостей накалялись все более. И с каждым часом росла волна газетного прибоя, выплескивая на головы обалдевших обывателей серую пену «достоверностей», прогнозов и мнений. Так продолжалось до того всколыхнувшего весь Рио-де-Жанейро дня, когда команда отправилась в Мексику.

Первый блин, но не комом

3 июня 1970 года... После полудня жизнь страны просто залихорадило! Необычно рано заполнились автобусы на линиях, соединяющих центральные районы Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу и других городов с предместьями. Закончив работу раньше обычного, люди спешили домой, к телевизорам. Старый кассир банка «Боа-Виста» Жоаким Перейра впервые не сердился на торопливость клиента: как и я, он торопился домой... Спешили разносчики телеграмм и бродячие торговцы, налоговые инспекторы и сборщики мусора, вывозящие из подвальных этажей небоскребов старые газеты и пивные бутылки. Вечерние школы отменили свои занятия, магазины закрылись на два часа раньше, почтовые отделения перестали принимать корреспонденцию, правительственная радиопрограмма «Голос Бразилии» была перенесена на другие часы. И торопливо семенящие по Копакабане мулатки в мини-юбках не получали обычных комплиментов: мысли самых горячих поклонников женской красоты сосредоточились в этот день на других ногах. Куда менее красивых и гораздо более далеких...

Время приближалось к семи часам вечера, и на улицах, связывающих деловой центр Рио с жилыми кварталами — Ботафого, Копакабаной, Леблоном, возникла грандиозная автомобильная пробка: все бежали домой. Проложенные в век дилижансов и газовых фонарей, эти улицы не были рассчитаны на телевизионно-футбольный психоз. На улице Сан-Кле-

менте в нескончаемой веренице «виллисов», «фольксвагенов», автобусов, «шевроле» и грузовиков, стиснутой между облупившимися стенами старых домов, жалобно взвизгивала, умоляя уступить ей дорогу, белая машина «скорой кардиологической помощи». Напрасно! Незавидна была судьба человека, ожидавшего ее в этот драматический час. В миллионах домов дрожащие от нетерпения пальцы поворачивали рукоятки и нажимали кнопки телевизоров. Серебристые тени бегали по скуластым лицам мулатов и негров, белых и китайцев, итальянцев и арабов, японцев и... кого только нет в этой громадной Бразилии!..

Во дворце Ларанжейрас сел к телевизору в окружении членов семьи и ближайших чиновников своей канцелярии президент страны генерал Гарастазу Медиси. Сюда получили также доступ фотографы, аккредитованные при правительстве. Но с условием: закончить съемку до первого удара по мячу. Губернатор Рио-де-Жанейро Неграо де Лима чувствовал себя на седьмом небе: он был одним из маленькой группы счастливчиков, для которых министерство связи организовало трансляцию матча в цветном варианте.

В эти же минуты, вспотев от напряжения и страха заблудиться в безбрежном мире эфира, ловя волну Гвадалахары, крутили тумблеры своих потрепанных транзисторов сборщики каучука с берегов Тапажос, одного из притоков Амазонки. В тех краях еще нет телевизоров, да и радио легче услышать из Гаваны или Москвы, чем из Рио-де-Жанейро или Сан-Паулу: уж больно невелики мощности бразильских станций. Но вот, отмахиваясь от москитов, закладывающих угрожающие виражи над их головами, сборщики каучука вылавливают наконец из суматошной и истеричной какофонии чуть слышные призывы Валдира Ама-

рала — знаменитого футбольного комментатора радиостанции «Глобо»: «Внимание! Говорит Гвадалахара! 15 часов 58 минут по местному времени! Сеньоры, друзья, соотечественники! Вы слышите, как на стадионе «Халиско» звучит гимн нашей великой родины — Бразилии!»

А в автомобильной пробке на Сан-Клементе, взывая о милосердии, по-прежнему воет белый автофургон «Скорой помощи». Нервно трепещут на прохладном ветру желто-зеленые бразильские флаги, кое-где ввинчиваются в потемневшее небо первые робкие ракеты, рассыпаясь над городом горячими нетерпеливыми брызгами. Пустеют бары, обычно переполненные в этот час.

Но Старый Педро — смекалистый португалец, все знавший, все предвидевший заранее, — притащил из дому свой старенький телевизор и торжественно водрузил его на шкаф с посудой. Повыше. Чтобы было видно всем. И «Лузитания», озаряемая неверным трепетным светом телеэкрана, заполнилась волнующимся людом. Даже Лопес де Соуза бросил свой пост и пришел сюда, усевшись на самое удобное место. Сильвия притащила свою дочку. Флавио — щупленький лифтер из отеля «Плаза» — потребовал бутылку шампанского, чтобы отметить первый гол в ворота чехов.

Телевизор в «Лузитании» был, конечно, бесплатный: заходи и смотри. Но вот за пиво и лимонную батиду нужно было, разумеется, платить. И Старый Педро благословлял небеса за это великое изобретение — телевидение, благодаря которому за один этот вечер «Лузитания» сделала недельную выручку.

...С грязного шкафа на затаивший дыхание бар — «ботекин» падали вызывавшие нервную дрожь слова:

«Внимание, Бразилия! Судья Рамон Баррето смотрит на часы! Внимание! Он проверяет, все ли готово к началу матча. Внимание, Бразилия! Внимание! Начинается наш первый матч девятого чемпионата мира!..»

И матч начался.

Начался как-то нервно, судорожно. Как, впрочем, всегда начинаются, наверное, футбольные премьеры такого значения. Атака одних ворот — контратака — несколько потерь мяча... Ривелино прорывается по левому краю, передает мяч Пеле — удар выше ворот. Спустя полторы минуты Феликс берет удар Веселы.

Тренер чехословацкой команды Марко узнал из газет, что левый защитник бразильцев Эверальдо запасной игрок и вышел на поле лишь потому, что заболел Марко-Антонио. И он предписывает своим форвардам создавать то и дело в зоне Эверальдо численное преимущество. Этот маневр кажется удачным, однако первый гол рождается после атаки по центру. На 11-й минуте Петраш, ворвавшись в штрафную, обманывает Брито, делая вид, что оставляет мяч. Потом неожиданно подбирает его и, обойдя Брито, бьет с левой ноги мимо бросившегося к нему Феликса. Гол! Чехословакия ведет 1 : 0...

Вся Бразилия напряженно затихла у телевизоров и радиоприемников. Но серьезных переживаний этот гол ей не причинил. Все чувствовали, что вряд ли он останется без ответа. И вот уже мяч, пущенный Тостао, проходит рядом со штангой, потом Пеле падает в штрафной в последний момент борьбы с Мигасом. Темп матча нарастает, бразильские атаки все чаще накатываются на ворота Виктора. На 24-й минуте Мигас сносит Пеле близ линии штрафной площадки — прямо перед воротами. Начинается обычная в таких

случаях процедура сооружения «стенки», отодвигания ее, препирательств с судьей.

Я рассказываю об этом подробно не только потому, что в результате все закончилось голом в ворота сборной ЧССР. Такое ведь бывало не раз — в разных матчах, но прежде всего потому, что этот гол был признан классическим: тренеры и игроки и сегодня изучают его, разлагая на составные элементы и пытаясь постичь тайны ювелирной точности его исполнения и удивительного взаимодействия всех участвовавших в розыгрыше этой комбинации футболистов.

Слева крайним в «стенке», выстроенной соперниками, пристроился Жаирзиньо. Но чехословацкие игроки не обратили на это особого внимания, пытаясь угадать, кто произведет удар: Пеле или Ривелино? И тот и другой стояли чуть поодаль мяча, ожидая свистка. И, услышав его, одновременно начали разбег. Пеле замахнулся, но в последнее мгновение перепрыгнул через мяч. Ривелино же, вынырнув из-за его спины, нанес страшный удар, целясь в игрока, стоявшего крайним слева в «стенке». О, я никому не желал бы оказаться на его месте, если бы «бомба» (как называют бразильцы удар Ривелино) попала в цель! Но и Жаирзиньо (а крайним слева был он) тоже не хотел этого. И в самый последний момент рванулся в сторону. Мяч пролетел сквозь брешь словно пушечное ядро и всколыхнул сеть ворот позади захваченного врасплох Виктора.

«РИ-ВЕ-ЛИ-НО!.. РИ-ВЕ-ЛИ-НО!..» — захлебнулись в хриплом восторженном реве теле- и радиокомментаторы, повергая 90 миллионов своих соотечественников в состояние экстаза. Может быть, вы думаете, я преувеличиваю? Но стены моей квартиры, расположенной на одиннадцатом этаже большого до-

ма, задрожали от произведенных в нашем дворе взрывов петард. Заливая город праздничным блеском, над Рио поднялись тысячи ракет, по улицам прокатился приветственный рев, столь знакомый по матчам на «Маракане», прокатился и замер. Игра продолжалась!..

Первый тайм матча Бразилия — ЧССР подходил к концу, когда Пеле едва не забил гол, о котором мечтает все последние годы — гол с центра поля. Пусть в этой мечте его есть что-то от снобизма, однако же человеку, который перешагнул отметку тысячного гола, позволены, наверное, такие капризы. Перехватив мяч и находясь в центральном круге на своей (!) половине поля, Пеле увидел, что Виктор вышел вперед к линии штрафной площадки. И тотчас — без подготовки! — неожиданно послал мяч за спину вратаря. Советские телезрители видели эту ситуацию, в Бразилии ее показывали сотни раз: летящий по длинной дуге мяч и в панике спешащий к своим воротам Виктор. Он бежал, оглядываясь, спотыкаясь, и, очевидно, холодел от ужаса. Стадион встал. Миллионы болельщиков во всем мире затаили дыхание. Описав кривую, мяч прошел в полуметре от штанги...

Потом был второй тайм. И головокружительный штурм ворот сборной Чехословакии. Под торжествующие вопли трибун один за другим влетели в ее ворота три гола. Один красивее другого. Сначала Пеле, приняв на грудь пас Жерсона, видящего поле с поразительной зоркостью, расстрелял ворота метров с восьми. Четырьмя минутами позже Жаирзиньо, получив длинный пас (опять от Жерсона!), перебросил мяч через выскочившего навстречу Виктора и забил гол в пустые ворота. А за девять минут до конца он же довел счет до 4 : 1, забив один из красивейших

своих голов. Пройдя от центра поля и обыграв «оптом и в розницу» всех попавшихся на его пути защитников, Жаирзиньо нанес в заключение удар столь же точный, сколь и неумолимый...

Можно ли описать восторг, охвативший в тот вечер Бразилию! Караваны гудящих машин и оркестры на площадях. Поздравительные телеграммы президента и губернаторов. Впрочем, все это нарастало затем в геометрической прогрессии с каждым матчем, с каждой новой победой. И, не тратя лишних слов, перейдем к рассказу о матче, который Загало впоследствии назвал самым трудным и самым важным матчем своей команды. Речь пойдет о поединке чемпионов. О схватке сборных Англии и Бразилии.

Матч чемпионов

Встреча двух сильных национальных команд имеет, как правило, какой-то подспудный смысл, накладывающий отпечаток на сегодняшний матч и придающий ему особый колорит и неповторимость. А каждый новый поединок сборных Бразилии и Англии является этапом в развитии футбола. Потому что за каждой такой встречей скрывается долгая и увлекательная история соперничества не просто двух сильнейших команд мира, а двух школ футбола.

Разговор об этом можно начать издалека. С момента появления футбола в Бразилии, которым бразильцы обязаны... англичанам. Некий Чарльз Миллер привез в 1894 году в Рио-де-Жанейро несколько первых футбольных мячей, трусы, рубашки и даже бутсы! Сей факт официально признан здешними летописцами в качестве отправной точки, с которой начинается история национального футбола.

Впрочем, не будем пока углубляться в нее и перешагнем сразу же в 1956 год: 9 мая в Лондоне состоялась первая товарищеская встреча сборных двух великих футбольных держав. Говорят, это был один из лучших матчей Стэнли Мэтьюза, который, растерзав Нилтона Сантоса, обеспечил своей команде победу со счетом, не оставлявшим у белокурых бриттов никаких сомнений в своем превосходстве, — 4 : 2! Увы, тогда они еще не знали, что эта первая победа на долгое время останется единственной.

Затем была нулевая ничья на первенстве мира

1958 года, после чего на следующий год, будучи уже чемпионами мира, бразильцы обыграли англичан на «Маракане» со счетом 2 : 0. Это поражение принесло англичанам куда меньше огорчений, чем следующее, которое они потерпели со счетом 1 : 3 10 июня 1962 года в Винья-дель-Мар. То был знаменитый «матч Гарринчи», один из лучших спектаклей этого кривоногого «Чарли Чаплина футбола», затмившего славу сэра Стэнли Мэтьюза.

Потом, в мае следующего года, была ничья на «Уэмбли» (1 : 1), а в 1964 году во время ответного визита англичан в Бразилию команда Пеле наконец-то почувствовала себя полностью удовлетворенной после поражения 1956 года: 30 мая на «Маракане» англичане потерпели одно из самых сокрушительных в своей истории поражений с катастрофическим счетом 1 : 5.

Это, однако, не помешало им два года спустя стать чемпионами мира. Последняя встреча старых соперников состоялась в июне 1969 года. Она прошла в нервной борьбе с преимуществом англичан, которые надломились лишь в самом конце матча, пропустив подряд два гола. Бразильцы выиграли 2 : 1, но эта победа, казалось, не доставила им полного удовлетворения. В конце концов, англичане продолжали оставаться, черт возьми, чемпионами мира! И «позор» 1966 года продолжал жечь их сердца жаждой мщения.

Итак, накануне встречи в Гвадалахаре сборные Бразилии и Англии провели семь матчей, баланс которых складывался явно в пользу бразильцев: у них на счету были четыре победы, лишь одно поражение при двух ничьих. Соотношение мячей демонстрировало двойное превосходство южноамериканцев — 16 : 8!

Это позволяло им надеяться на очередной успех. Но не только в этих математических подсчетах, тешащих душу бразильских торседорес, заключался главный «подтекст» матча, которого с таким нетерпением ожидал футбольный мир. 7 июня в Гвадалахаре должны были встретиться не просто две лучшие сборные мира, а два ЧЕМПИОНА: прежний и нынешний! Прежним чемпионом в то время была бразильская команда, безраздельно царствовавшая восемь лет подряд! Нынешним чемпионом тогда, в июне 1970 года, являлась сборная Англии, сменившая бразильцев на пьедестале почета в 1966 году. Футбольный мир видел в матче бразильцев и англичан нечто вроде досрочного финала. Или генеральной репетиции финала... Разве мог кто-нибудь тогда предположить, что англичанам придется досрочно уезжать из Мексики после драматического поражения, нанесенного им в четвертьфинале командой ФРГ?!

И, наконец, самое главное: 7 июня в Гвадалахаре встречались, как уже было сказано, две школы футбола. Две лучшие команды — представители европейского и южноамериканского стилей — сошлись в матче на первенство мира, которое к этому времени было поделено поровну между Европой и Америкой: ровно по четыре раза кубок Жюля Риме завоевывали южноамериканцы (Уругвай и Бразилия) и европейцы (Италия, ФРГ, Англия). Принципиальный, никогда не угасающий спор возобновлялся с новой силой. И с новой силой, как четыре, двадцать и сорок лет назад, вставал все тот же вопрос: «Кто лучше?..»

Короче говоря, 7 июня в Гвадалахаре состоялся «матч века».

Поскольку большинство советских любителей футбола имело удовольствие посмотреть его в видео-

записи, не будем подробно описывать ход этой увлекательной встречи. Вспомним лишь самые яркие, самые волнующие моменты. Вспомним, например, как вскочил стадион и схватились за сердце на Британских островах потрясенные «подданные ее величества», когда на 10-й минуте игры Пеле, взвившись в воздух метрах в шести от ворот, послал головой неотразимый мяч в правый от вратаря Бэнкса нижний угол. Мяч был пробит наверняка и с коварством: он должен был удариться в землю перед руками летевшего в угол вратаря и отскочить вверх. Так и случилось, но фантастическая реакция Бэнкса успела сработать, и он отразил этот мяч на угловой... После игры Пеле вспоминал с улыбкой: «В то мгновение я буквально возненавидел Бэнкса. А потом проникся глубочайшим уважением к нему».

Вспомним, как несколько минут спустя, увлекшаяся опекой Херста, бразильская защита просмотрела рывок Бобби Чарльтона, нанесшего с близкого расстояния удар головой, исторгший крик ужаса у миллионов бразильцев. Феликс отбил мяч, к нему устремился Ли... и бразильский вратарь успел броситься в ноги английского форварда. Вспомним ожесточенный поединок Жаирзиньо с Купером, который, отчаявшись обезопасить неудержимую «семерку», начал прибегать к подножкам. Вспомним дуэль Пеле и Мюллери! И, наконец, вспомним единственный гол этой встречи, увенчавший на 14-й минуте второго тайма усилия тех, кто, быть может, не был сильнее, но кто был чуть-чуть вдохновеннее... Гол, который впоследствии показывали по телевидению в День независимости страны как один из самых ярких эпизодов национальной истории.

А потом были настойчивые атаки англичан. Белые

волны накатывались на ворота Феликса, удары следовали один за другим, но с каждой минутой уходило время, и постепенно начала таять спокойная уверенность и хладнокровие чемпионов мира. Математический розыгрыш комбинаций сменился нервными навесами в центр штрафной площадки. Строгий расчет уступил место мятущейся надежде на ошибку бразильских защитников, о слабости которых так много говорил Алф Рамсей. Увы, как назло, они не ошибались! Брито выигрывал почти все «верховые бои», и Феликс, который, в общем-то, не был лучшим вратарем чемпионата, на сей раз оказался в ударе.

И когда прозвучал финальный свисток судьи Клейна, многие, наверно, подумали, что, может быть, этот свисток возвестил смену чемпионов.

Трудно сказать, кто был главным героем этого матча: забивший гол Жаир или взявший несколько «мертвых мячей» Бэнкс? Пеле или Бобби Мур? Неутомимый Клодоальдо или хладнокровный Бобби Чарльтон? «Матч века» вошел в летопись чемпионата как образец коллективного творчества двух выдающихся ансамблей, в каждом из которых блистательное мастерство солистов было подчинено логике и дисциплине командных действий.

Впрочем, такая постановка вопроса не удовлетворяла спортивных обозревателей, направленных газетой «Жорнал до Бразил» в Мексику. Они провели опрос коллег, сравнили свои собственные наблюдения и составили таблицу оценок для всех футболистов, участвовавших в матче. Высший балл — 4,75 (по пятибалльной системе) получил все-таки Жаирзиньо. Не только потому, что он забил гол. Но и потому, что в этом матче он сумел показать все яркие стороны своего таланта, несмотря на необычайно трудные усло-

вия для такой «демонстрации». В самом деле: легко демонстрировать свои финты, свои стремительные проходы, удары по воротам и прочие технические трюки в матче с более слабой командой. Но попробуйте блеснуть, когда вам противостоят лучшие в мире защитники: Мур, Купер, Мюллер!..

(Когда я упомянул о «демонстрации», я отнюдь не хотел сказать, что Жаир играл на публику или стремился поразить зрителей своей техникой. В отличие от многих своих соотечественников он не грешит такой слабостью.)

Впоследствии мировая пресса единодушно признала Жаира лучшим или одним из лучших нападающих чемпионата. Он вошел во все символические «сборные мира», заняв второе после Мюллера место в списке самых результативных бомбардиров турнира. Против него играли лучшие или считавшиеся (до встречи с ним) лучшими левые защитники сильнейших команд мира: итальянец Факкетти, уругваец Мухика и англичанин Купер. Все они оказались бессильными против этого парня, который вызвал одинаково бурные восторги и у седовласых специалистов, помнивших Стэнли Мэтьюза и Гарринчу, и у юных дилетантов, для которых Жаирзиньо стал символом и воплощением современного футбола. Кто же он такой, этот Жаирзиньо?

* * *

Его полное имя звучит довольно пышно: Жаир Вентура Филью. Или просто Жаир. «Жаирзиньо» — это уменьшительно-ласковое имя. Нечто вроде нашего Петеньки или Сереженьки. Его судьба ничем не отличалась от судеб миллионов его сверстников: скудные

школьные занятия, бесконечные футбольные «пелады» во дворе и раннее начало трудовой жизни. Совсем мальчишкой он вынужден был поступить учеником, то есть мальчиком на побегушках, в соседнюю авторемонтную мастерскую сеньора Пауло. Ему необычайно повезло: буквально через дорогу от дома находился стадион знаменитого «Ботафого», где дважды в неделю тренировались «великие» Загало, Амарилдо, Гарринча... Вместе с группой сверстников Жаир подавал мячи за воротами. И когда вратари уходили в душевую, в знак благодарности они разрешали мальчишкам погонять мяч минут пять-десять. До тех пор, пока строгий кладовщик не запрет калитку высокой проволочной ограды, отделявшей поле от низких цементных трибун.

Первый «заход» Жаира в большой футбол оказался неудачным: он заявился во «Фламенго», где его посмотрели, но сказали «мест нет». Говорят, до сих пор кое-кто во «Фламенго» кусает локти, вспоминая об этом... Спустя еще год один из приятелей уговорил тренера юношеской команды «Ботафого» посмотреть Жаирзиньо. Парнишку взяли. Он стал тренироваться и неожиданно быстро для сверстников и родных оказался в числе кандидатов в основной состав.

Учителем Жаира был «сам» Гарринча. Именно он показал ему свой знаменитый финт, научил его искусству неожиданного рывка и точной передачи в центр. Именно у Гарринчи научился Жаир стоически выносить удары, толчки, грязные подкаты и подножки «деревянных ног», которых в Бразилии ничуть не меньше, чем в любой другой футбольной стране. Здесь, в «Ботафого», Жаир уже в 1961 году стал появляться в основном составе, подменяя Гарринчу. А в 1963 году заключил свой первый профессиональный контракт.

Спустя еще год он был призван под знамена сборной в качестве дублера своего великого учителя. Как раз в этом качестве и познакомились впервые с Жаиром советские любители футбола, наблюдавшие матч сборных СССР и Бразилии в Лужниках в 1965 году: Жаирзиньо играл тогда минут семьдесят пять на правом фланге (Гарринча появился лишь в самом конце матча). Кстати, сам он помнит ли этот матч?..

Этот вопрос был первым, который я задал Жаирзиньо, встретившись с ним вскоре после возвращения «три-кампеонов» из Мексики.

— Конечно, помню, — ответил он. — Мы выиграли тогда, по-моему, 3 : 0. Матч был очень интересный, напряженный, и мне понравилась игра вратаря вашей команды и правого крайнего, которого мы впоследствии видели у нас, в Бразилии, в ответном матче.

Он говорил о Банникове и Метревели. В то время, в 1965 году, когда он делал свои первые шаги в сборной, она готовилась к чемпионату мира 1966 года в Англии, который, как мы помним, не явился украшением творческой биографии ни самого Жаира, ни всей команды. Выступая в непривычной для него в то время роли левого крайнего, он не сумел найти общего языка с партнерами, в чем, вообще-то, не было ничего удивительного, если учесть, что в трех матчах, в которых участвовали тогда бразильцы, состав команды менялся так радикально, что из 22 заявленных футболистов на поле выходил 21 спортсмен!

Потом пришли трудные времена: получив травму в товарищеском матче, Жаир целый год лечил ногу, едва не потеряв надежду на возвращение в футбол. Поскольку травма произошла во время матча, клуб по условиям контракта был обязан обеспечить футболисту

бесплатное лечение. Сколько косых взглядов вынес из-за этого Жаир! Сколько насмешек! Сколько язвительных реплик раздавалось за его спиной, когда, опираясь на палочку, он ковылял в медицинский кабинет на очередной сеанс процедур... Его подозревали в саботаже, в лодырничанье, затянутые в шелковые галстуки сеньоры намекали, что он сознательно затягивает лечение, чтобы подольше «висеть на шее клуба». Даже этим судьба его удивительно напоминала недавние мытарства его предшественника — Гарринчи.

Железное здоровье Жаира и его стальные нервы выдержали. Он не только восстановил свои силы, не только вернул былую форму, но заиграл еще лучше, чем прежде. И оказался одним из тех, кому было доверено попытаться реабилитировать бразильский футбол: он активно участвовал во всех вариантах сборной в матчах 1968—1969 годов, и его включение в состав основной команды в Мексике не вызвало сомнения ни у Салданьи, ни у Загало. И в Гвадалахаре Жаир явился в глазах футбольного мира таким же открытием, каким стало появление в 1958 году Пеле или в 1962 году — блистательное выступление Гарринчи в Чили.

— Какой матч был для вас самым трудным на чемпионате в Мексике?

— Без сомнения — игра с англичанами. Ведь мы выходили бороться с чемпионами, которые отобрали у нас титул в 1966 году. И нам, естественно, хотелось доказать, что мы не хуже их. Ну и, кроме этого, мне удалось забить в этом матче гол, который стал самым важным голом в моей жизни.

...Вспомним все же, как был забит этот гол. Овладев мячом вблизи штрафной площадки англичан, Тостао сместился несколько влево, обыграл трех защит-

ников, но срезавший угол Мур вновь преградил ему дорогу. Тогда Тостао перекинул мяч в центр штрафной на Пеле, который замахнулся, имитируя удар по воротам, а затем откинул мяч еще правее на выбегавшего Жаирзиньо. Спустя мгновение мяч с силой вонзился в сетку, мимо Бэнкса, выбросившегося в безнадежном усилии спасти ворота, и спортивные комментаторы десятков стран захлебнулись в дружном, едином на всех языках, радостном (для одних) и горестном (для других) вопле: «Го-оол!». И сконфуженно смолкли последние из скептиков, оспаривавших накануне чемпионата целесообразность включения Жаира в число «титуларес» команды. А таких, кстати, тоже было не так уж мало: в прессе ранее раздавались голоса, что-де Жаир — это игрок «чуть выше среднего уровня», «далеко не звезда», «бравый боец, и только», «лишенный глубокого понимания секретов игры, способный ломиться напролом, рассудку вопреки, наперекор стихиям».

Да, сейчас в это трудно поверить, но в то время многих «эстетов» смущала сила и мощь Жаирзиньо. Сегодня они молчат, эти скептики.

Гол, забитый в ворота англичан, был одним из красивейших голов Жаира и, пожалуй, лучшим из семи, забитых им в Мексике. Кстати, из этих семи четыре были проведены в ворота соперников с позиций, которые строгие теоретики вряд ли отнесут к традиционно именуемой «зоне правого крайнего»: Жаир показал новую школу, новый стиль игры крайнего нападающего. Он умело перемещался в центр и даже на левый фланг, оттягивался назад, помогая защитникам. Строго говоря, в этом не было открытия Америки: перемещения футболистов, смена мест и позиций были известны давно, однако Жаир и его напар-

ники — Пеле, Тостао, Ривелино, Карлос Альберто, Жерсон — довели этот прием до совершенства, продемонстрировав почти автоматическое взаимодействие, подстраховку, взаимозаменяемость разных игроков и звеньев.

Жаиру привычна такая манера игры, ибо у себя в клубе — в «Ботафого» — он всегда играл и продолжает играть по сей день центральным нападающим.

— Где же легче и интереснее играть: в центре или на фланге?

— Пожалуй, все равно, — улыбается он. — Где поставит тренер, там я и играю. Лишь бы не в воротах.

Конечно, он слегка рисуется, купаясь в лучах собственной славы. Но в принципе он прав: сегодня нужно уметь играть в футбол по-разному. В нескольких амплуа. Как Пеле, Тостао, Ривелино, Клодоальдо... Отличившийся в матчах с англичанами и румынами Пауло Цезар, например, поистине поражает своей универсальностью. Он играет сейчас в «Ботафого» роль «свободного полузащитника», выполняя в ходе каждого матча попеременно функции полузащитника-диспетчера, организующего игру, вроде Жерсона в сборной, левого крайнего, центрального и правого крайнего! И никогда не забывает оттягиваться в защиту, если у своих ворот «запахло жареным». Первую половину матча Пауло Цезар обычно тратит на поиски уязвимой точки в обороне противника. В перерыве анализирует с тренером и товарищами по команде результаты этих «опытов», а во втором тайме с удивительным постоянством забивает один, а то и пару голов в ворота противника либо организует голевые ситуации для Жаира.

— Можно ли заметить какую-либо разницу в ма-

нере игры защитных линий европейских и латиноамериканских команд?

— Пожалуй, можно, — отвечает Жаир. — Европейские защитники, как правило, более тесно привязаны к своим позициям, более строго выполняют свои обязанности, более резки и грубы в игре. В их поведении на поле чувствуется математический расчет и высокая организация. Латиноамериканские же защитники играют более импровизированно. Но мне кажется, что основное деление между защитными линиями удобнее провести не по «географическому» признаку, а по манере игры: персональной опеке или зонной защите.

— Легче играть против «зоны» или «персоналки»?

— Конечно, против «персоналки».

— Ну а когда вы почувствовали, что можете стать чемпионами?

— Многие из нас, и я в том числе, поверили в это после победы над чехами.

— Так легко был выигран этот матч?

— Нет, дело не в этом. Просто мы убедились тогда, сколь хорошо мы подготовлены физически. Мы почувствовали, что у нас много сил. А ведь это всегда было нашим слабым местом. И мы всегда верили и знали — без ложной скромности! — что как только мы догоним лучшие европейские команды по физической подготовке, нам будет у них гораздо легче выиграть, чем им у нас. Потому что индивидуально бразильский футболист, как правило, сильнее европейца.

Жаир сделал удивительно точное замечание. Оно совпало с мнением, которое впоследствии высказывали Карлос Альберто, Ривелино, другие игроки сборной да и сам Пеле: основная причина — или одна из

основных, если уж быть скрупулезно точным, — отличной психологической подготовки бразильской команды на мексиканском чемпионате, ее целеустремленной настроенности на победу заключалось в ее отличной физической подготовке.

Как же случилось, что бразильцы сумели «перебегать» европейцев, которые всегда были, казалось, сильнее этих изнеженных «артистов» — латинцев?

Эта «революция», этот поворот лицом к проблемам физической подготовки произошел после прихода в сборную Жоао Салданьи, который поступил как некогда Петр Первый — обязал своих помощников изучить передовой опыт развитых стран и самое ценное, самое важное из этого опыта привести домой. Помощники уложили чемоданы и отправились в Европу и США. Когда они вернулись в Рио, их дневники были полны таблицами и записями, чемоданы вспухали от отснятой пленки, а головы были полны свежих впечатлений от контактов и встреч с тренерами, врачами и прочими светилами в области спортивной медицины и спорта вообще. Обо всем этом подробно не расскажешь. Да и вряд ли стоит делать это в популярной книжке. Но об одном новшестве бразильских тренеров стоит рассказать. Речь идет о так называемых «тестах Купера» — простых и эффективных экзаменах, позволяющих установить динамичный контроль за физическим состоянием футболистов. Тренер по физподготовке Коутиньо познакомился с этим методом в лаборатории американского профессора Кеннета Купера, одного из крупнейших авторитетов в области спортивной медицины.

Профессор Купер разработал серию простейших физических упражнений, которые позволяли не только сравнительно быстро совершенствовать физические

способности человека, но и вести постоянное наблюдение за результатами тренировок с помощью объективных и весьма простых показателей. Наиболее известными среди футболистов и тренеров Бразилии стали тесты по бегу, которыми определялась степень физподготовки спортсменов в зависимости от дистанции, которую сможет пробежать каждый из них за 12 минут. Кеннет Купер разработал следующую таблицу показателей и оценок:

1-я категория — «очень слабо» — менее 1600 метров.

2-я категория — «слабо» — от 1600 до 2000 метров.

3-я категория — «удовлетворительно» — от 2000 до 2400 метров.

4-я категория — «хорошо» — от 2400 до 2800 метров.

5-я категория — «отлично» — свыше 2800 метров.

В самом начале подготовки, когда Салданья ввел эти тесты, большинство участников сборной пробегали за 12 минут от 2 до 2,5 тысячи метров, едва натягивая на оценку «хорошо». Тренеры решили нажать: был установлен суровый режим, обязательные ежедневные занятия легкой атлетикой, акробатикой, поднятием тяжестей. Еженедельно проводились кроссы. И уже через несколько недель показатели в 12-минутном беге стали расти. Отдельные атлеты, вроде Брито и Зе Марии, вскоре пробегали свыше 3 тысяч метров. Спортсмены поняли, что они и их тренеры находятся на верном пути, почувствовали прилив оптимизма, энтузиазма, поверили в свои силы.

Простота и наглядность этой системы понравились и остальным тренерам, и вскоре «тесты Купера» были

внедрены в тренировочные занятия подавляющего большинства бразильских клубов.

...Но вернемся к Жаиру. Сейчас он находится в расцвете лет. Он вступил в тот самый «золотой» этап жизни футболиста, когда еще не растрачена молодость и уже нажит опыт. Он еще удивит нас атаками, финтами и голами. Однако печальный опыт своего предшественника — Гарринчи, оставшегося к концу карьеры без средств к существованию, многому научил Жаира. И поэтому на последний вопрос, чем он занимается, кроме футбола, парень отвечает с нескрываемым удовольствием, явно любуясь своей распорядительностью, своей житейской смекалкой и умением ковать железо, пока оно горячо:

— Помимо футбола, занимаюсь множеством дел. Стремлюсь обеспечить будущее, чтобы не бегать в поисках работы, когда придется «подвесить бутсы». Для этого открыл киоск спортивной лотереи в центре Рио, в столице Бразилиа купил небольшую фабрику сыра и творожных изделий. Кроме того, покупаю акции и недвижимое имущество.

— И на все это хватает времени? — изумился я.

— Нет, — засмеялся удивленный моей наивностью Жаир. — Для этого у меня есть доверенные лица, адвокаты.

— Ну а для души? Какое-нибудь занятие? Хобби?

Он зарделся от удовольствия и сообщил, что известная фирма грампластинок предложила ему выпустить «лонгплей». Он действительно любит петь, как любой стопроцентный бразилец. На любом карнавале он идет в первых рядах известной всей стране «школы самбы» вместе с Брито и Роберто. И тележиссеры не дают покоя этому веселому парню, при-

глашая его для участия в музыкальных шоу и концертах.

Таков он, этот Жаир, ставший кумиром болельщиков и объектом теоретических изысканий всюду, где любят футбол. Учитывая, что трон и почетное звание «короля» футбола уже заняты великим Пеле, бразильская торсида нашла остроумный выход. Раз уж на троне нет места для двух королей, Жаир получил титул «Император футбола», который сейчас услышишь в футбольных репортажах чаще, чем имя «Жаир». Кое-кто настаивает на ином прозвище: «Ураган». Не будем судить, какое из этих имен более точно определяет место и роль этого парня в развитии бразильского футбола. Отметим лишь то бесспорное обстоятельство, что он сумел сделать, казалось бы, невозможное: после Гарринчи удивить нас интересным и — что еще важнее — новым футболом. А это значит, он просто доказал, что футбол неисчерпаем. Что как бы хорошо ни играли вчера, сегодня можно играть лучше. А завтра... а завтра придет новый Жаир, который сегодня гоняет тряпичные мячи в пыльных переулках и на пустырях какой-нибудь Пиратининги и со слезами восторга на глазах вырезает из газет фотографии Жаира. Как Жаир когда-то вырезал портреты Гарринчи.

Двадцать одна минута футбола

Не было для бразильцев другого матча, на который они выходили бы с таким спокойствием, с такой уверенностью в своих силах... Не потому, что они считали победу над сборной Румынии гарантированной. Не потому, что они не уважали этого соперника или не считались с ним. А потому, что победами над Чехословакией и Англией они уже практически гарантировали себе выход в четвертьфинал: им можно было свести этот матч вничью или даже проиграть его с разницей не более двух мячей! Может быть, именно поэтому начало встречи превратилось в спектакль, напоминающий баскетбольные шоу «Гарлем-глоб-троттерс». Это был даже не совсем бразильский футбол: слишком уж он был академичен, спокоен и уверен в себе. Этакая лекция на тему «Как надо играть в футбол», прочитанная группой профессоров под руководством президента Академии футбольных наук Эдсона Арантеса до Насименто, известного в мире футбольных академиков, аспирантов и приготовишек по имени Пеле.

...Уже к 7-й минуте лишь чудо в союзе с мастерством вратаря спасло ворота румын от трех голов. К 10-й минуте дважды стонали штанги этих ворот, потрясенные ударами Пауло Цезара и защитника Эверальдо. Румыны отбивались с героизмом осажденных и обреченностью смертников. Гол неотвратимо надвигался, и боги футбола, в которых верит черный массажист Сантана, довольно потирали руки, предвидя близкую развязку.

Просматривая впоследствии неоднократно в видеозаписи и в фильмах эти первые 20 минут матча, я пытался разобраться в механизме бразильской игры. В причинах, обеспечивших ей такое неоспоримое и спокойное преимущество над командой — заметим: отнюдь не слабой! Над командой, которой — и это очень важно! — победа нужна была как воздух. Ведь румыны в то время еще не утратили надежд на выход в четвертьфинал. Конечно, сыграло свою роль спокойствие бразильцев. Оно «развязало им ноги», раскрепостило их. Но дело не только в этом. Очень важно понять, как, почему, какими путями бразильцы добились столь подавляющего преимущества. Мне думается, что теоретики футбола, найдя ответ на этот вопрос, разгадают секрет победы бразильцев в чемпионате. Мне, например, показалось, что в эти первые двадцать минут матча с румынами бразильцы с особой силой продемонстрировали одно из своих главных качеств, с еще большей силой проявившееся в финальном матче с итальянцами. Речь идет об их умении «держать мяч», разыгрывать его спокойно, не торопясь, готовя атаку, готовя неожиданный взрыв, выпад на уязвимом участке поля. Это очень напоминало баскетбол, спокойное маневрирование в средней зоне поля с подключением защитников, пробные «набеги», отвлекающие вылазки то на одном фланге, то на другом. Не получилось? Защитники преградили дорогу? Мяч спокойно возвращается в центральную зону поля, где начинает зарождаться новая атака.

Конечно, каждый играет в футбол по-своему. И трудно механически копировать тактические приемы бразильцев, не обладая их техникой. И тем не менее опыт этих двадцати минут чрезвычайно поучите-

лен. Особенно когда вспоминаешь некоторые утверждения наших теоретиков футбола, категорически призывавших к немедленному, безоговорочному «росту скоростей» наших команд, считая это чуть ли не панацеей от всех бед. И забывая при этом, что самозабвенный «рост скоростей» неизбежно ведет к увеличению технического брака, которого у нас и на малых скоростях достаточно... Мне вспоминается начало матча советской сборной с уругвайцами, отмеченное именно такой реактивной и не очень осмысленной беготней. Замысел тренеров был очевиден и понятен: подавить соперника темпом, сокрушить его, измотать. Может быть, это было бы оправданным в матче с какой-то иной командой, обладавшей менее опытной и — что еще важнее — не такой плотной, не такой «закрытой» защитой, как уругвайская сборная. А воздвигнутую уругвайцами «линию Мажино», укрепленную, хорошо эшелонированную, трудно было сокрушить кавалерийскими наскоками.

Спокойная осмысленность «академической» игры бразильцев в матче с румынами ничуть не пострадала от того, что в их составе (уже вторую игру подряд) отсутствовал травмированный Жерсон, являющийся мозгом команды, главным или одним из главных архитекторов ее атаки. Функции Жерсона, которого Загало берег к финальным матчам, взяли на себя Клодоальдо и в известной степени Пеле, игравший на сей раз чуть более сзади, чем обычно.

На 19-й минуте случилось то, чего со все возрастающим нетерпением ждали и стадион и телезрители: гол! Это был близнец первого гола, забитого Ривелино в ворота чехов. Пеле пробивал штрафной неподалеку от линии штрафной площадки. Первым устремился к мячу Тостао, перепрыгнул через него, шедший сле-

дом Пеле ударил мимо «стенки» (где, кстати, опять «мутил воду» Жаир) под правую штангу. Второй раз спортивные обозреватели пометили в своих блокнотах, как это важно, как это необходимо сегодня — уметь разыгрывать так называемые «стандартные» положения и комбинации... Спустя 2 минуты отметил свое присутствие в матче Жаир: после очередного прохода Пауло Цезара по левому флангу и прострела в центр он успевает опередить защитников и подставить ногу, вбивая мяч мимо вратаря ... 2 : 0. 21-я минута матча...

Теперь бразильцам, чтобы не попасть в четвертьфинал, нужно «суметь» пропустить четыре гола! А румынам? А румынам практически не остается уже никакой надежды. Им можно думать о покупке сувениров, укладке чемоданов и билетах на обратный путь. Источающие благодушие теле- и радиокомментаторы, ведущие репортаж на Бразилию, заключают астрономические пари на размеры «голеады», которая ожидает румын. Один утверждает, что счет к концу матча будет 5 : 0, другой еще более оптимистичен: он готов выставить ящик виски, если его соотечественники не добьются преимущества в шесть голов. По всей Бразилии идут лихорадочные приготовления к послематчевому карнавалу, заряжаются петарды, рвется бумага, которая вместо конфетти будет сыпаться из окон домов в момент, когда судья даст финальный свисток. Служанки посланы в близлежащие лавки за пивом. Губернаторы и префекты уже звонят в радиотелефонную компанию, заказывая срочно Гвадалахару. Тут тоже идет соперничество: каждый хочет первым поздравить «от имени торсиды и народа вверенного мне штата» отважных рыцарей, сражающихся под родным стягом в защиту великих идеалов и ге-

роических традиций нации... Короче говоря, страна ждет триумфа и требует «голеады».

...И если бы футболу была свойственна хоть какая-то логика, именно так бы все и получилось. Но вечная прелесть этой игры заключается также и в ее полнейшей иррациональности.

В конце концов, бразильцы не были бы бразильцами, если бы они умудрились сохранить до конца матча то английское хладнокровие, ту немецкую педантичность в розыгрыше мяча и в конструировании атак, с которыми они начали встречу и играли первые 20 минут. Увы... после второго гола «все смешалось в доме Облонских». Румыны, решив, видимо, что нет особой разницы, проигрывать 2 : 0 или 5 : 0, поклялись забить «гол чести». А бразильцы, уже размышлявшие в это время о своих возможных соперниках в четвертьфинале, как-то забыли, что матч еще не кончен. Игра испортилась. Стала нервной, грубой. Подножки, удары по ногам. Забитый на 33-й минуте очень красивый, кстати сказать, гол Думитраке вселил смятение в сердца бразильских болельщиков и окончательно вывел из равновесия их любимцев. Во втором тайме картина не изменилась. Даже чудесный гол в падении, забитый Пеле, получившим передачу от Тостао (в прыжке, за спину, не глядя, он откинул мяч пяткой, находясь в воздухе), не охладил ярости, с которой продолжалась эта встреча. Бразильские защитники, где первый (и, к счастью для них, последний) раз выступал по недоразумению попавший в сборную Фонтана, вдруг растерялись и начали все чаще и чаще ошибаться, демонстрируя поразительную несыгранность. На 38-й минуте второго тайма Дембровски головой забивает второй мяч. 3 : 2. Настроение игроков и болельщиков испортилось.

О претензиях на «голеаду» все давным-давно забыли. Речь идет о том, чтобы хоть как-то удержать победу. Любой ценой. Атаки румын не ослабевают, грубость тоже. Сбивают с ног Жаирзиньо, который едва не ломает себе шею, переворачиваясь через голову, потом летят наземь Пеле и Пауло Цезар. Матч испорчен, трибуны свистят. Раздраженный корреспондент «Жорнал до Бразил» пишет в блокноте слова, которые завтра прочтут в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу: «Румыния вновь доказала, что является всего лишь скромной командой, которая хорошо умеет только одно: бить противника по ногам. Она возвратится в Европу со славой команды, которая пытается восполнить свои недостатки грубостью и насилием...»

За две минуты до конца, словно очнувшись от нервного шока, словно вспыхнув жаждой мести, бразильцы бросаются в атаку. Знаменитое трио — Жаир, Пеле и Тостао — проходит сквозь защиту, увертываясь от ударов и подножек, и Тостао бьет с выгоднейшей позиции, попадая в тело вратаря. Вслед за этим матч кончается. Румыны проиграли. На табло маячит 3 : 2.

Вспоминая сейчас этот матч, мне хочется выделить одного из его участников: Тостао.

Впервые футбольный мир обратил пристальное внимание на этого молодого парня (ему было тогда 22 года) во время отборочных игр бразильцев в 1969 году. Его нельзя было не заметить: из 23 голов, забитых в шести матчах, на долю Тостао пришлось десять! Почти половина! Конечно, можно скептически пожимать плечами, ссылаясь на тот факт, что противники бразильцев в тех матчах — команды Венесуэлы, Колумбии и Парагвая — не являлись звездами первой величины на футбольном небосклоне.

Не будем спорить. Заметим только, что ни колумбийскую сборную, ни тем более парагвайцев нельзя считать откровенно слабыми противниками. Отборочные матчи, впрочем, не были «премьерой» Тостао в национальной сборной, где он играл уже четыре года. Однако за пределами Бразилии о нем писалось и говорилось мало, несмотря на то, что на лицевом счету этого футболиста был решающий гол, принесший победу сборной Бразилии в матче против сборной «всего остального мира» (6 ноября 1968 года на «Маракане»), забитый на последней минуте встречи.

Когда биографы какой-то выдающейся личности с восторгом сообщают нам о том, что уже в начальных классах школы будущее светило проявило гениальные способности в заучивании таблицы умножения, мы вольны придавать этому какое-то значение или иронически улыбнуться. Но когда речь заходит о бразильском футболисте, тут уж разговор о детстве более чем уместен. И даже поучителен для тех, кто наивно полагает, что в футбол можно научиться играть в комсомольском возрасте.

Бразильцы доказали нам, что знакомство с футбольным мячом должно происходить в тот момент, когда счастливая мамаша сообщает взволнованному папаше, что ребенок сегодня утром, самостоятельно встав с горшка, сделал свой первый шаг...

И не будем иронически улыбаться! Лучше вспомним, что Пеле в пятилетнем возрасте уже участвовал в мальчишеских, но вполне «официальных» турнирах. Что для шестилетних мальчишек в бразильских городах устраиваются чемпионаты под названием «молочные зубы». Что детский мини-футбол (или, как здесь говорят, «футбол-де-салон») в спортзалах и на

маленьких площадках давно приобрел в Бразилии характер национальной «эпидемии» и захватил даже взрослых. Поэтому-то ни у кого в Бразилии не вызвала недоверия или насмешки сказанная вполне серьезно одним из биографов Тостао фраза: «Его (Тостао) характерный дриблинг, оригинальный и элегантный, появился, когда ему было четыре года, а окончательно оформился в шесть лет в матче «молочных зубов» между командами «Атлетико» и «Спортивной ассоциацией индустриариев». В этой встрече Тостао, не обращая внимания на дождь, изящно обыграл защитника, прошел по левому краю и послал навесной мяч в угол ворот...».

Мастерство мальчика отточилось в бесчисленных матчах «футбол-де-салон». В одном из таких турниров и был замечен тренером «Крузейро» этот тринадцатилетний Эдуардо Гонкалвес де Андраде, которого сверстники прозвали за щуплость и невзрачную внешность «Тостао». Так именовалась тогда в стране самая мелкая монетка, которая впоследствии совсем обесценилась и исчезла из обращения. С Тостао произошел противоположный процесс: в 17 лет он уже играл за «Крузейро» — лучший клуб Белу-Оризонте, третьего после Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу футбольного центра Бразилии. А спустя еще два года — в 1966 году — он был включен в сборную страны и получил тяжелое «боевое крещение» на чемпионате мира в Англии.

В 1967—1968 годах его талант раскрылся во всем великолепии, и к моменту, когда Бразилии нужно было оспаривать путевку в Мексику, кандидатура Тостао в сборную страны называлась с той же категоричностью, что и имя Пеле или Жерсона. Впрочем, бразильцев надо все же упрекнуть за то, что они дол-

Жоао Салданья.
Последний раз в ложе тренера.

Дворец «Парке Бальнеарио».

▶ На тренировке...

...и перед матчем. ▶

Сеньор Калдейра Фильо — коллекционер курительных трубок, немецких овчарок и футбольных клубов.

В учении...

...как в бою.

Валдир Перейра — Диди.

◀

РИ-ВЕ-ЛИ-НО!

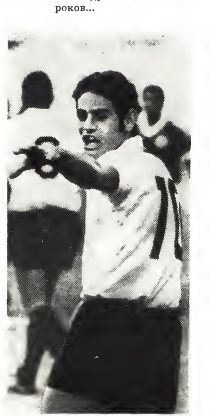

...«бомба» Ривелино пошла в цель.

...и отмечая забитый гол.

Командуя стенкой игроков...

Неудержимый
Жаирзиньо.

Кому достанется Нике?

◀
После очередной победы.

Тостао — человек, который превращает футбол в искусство.

Не счесть мячей, украденных им у зазевавшихся защитников.

Здесь, на берегу притока Амазонки — Шингу, начинается большой бразильский футбол.

Пеле и Диди — великие негры бразильского футбола (1958 г.).

Изобретатель «сухого листа» (см. следующую вкладку)...

гое время относились к этому парню с некоторой подозрительностью. Скепсис объяснялся, видимо, тем, что Тостао являлся, пожалуй, единственным футболистом в стране, игравшим в «европейский», футбол. Точнее говоря, в футбол, который бразильцам казался «европейским».

И лишь очень немногие (среди них — бывшие тренеры сборной Айморе Морейра и Жоао Салданья) поверили, что в этой схожести с «европейскими догмами» кроется едва ли не самая сильная сторона футбольного дарования Тостао: он сумел объединить бразильский артистизм с европейской рассудительностью, хладнокровием. Он словно в воду глядел: именно этот сплав страсти и спокойствия, эмоций и холодного расчета стал сильной стороной бразильской команды в Мексике.

Внешне Тостао похож на кого угодно, но только не на неудержимого лидера бразильской атаки: он и в зрелом возрасте продолжает оставаться щуплым, худым, одним словом, не отличается атлетической внешностью. С мячом в ногах он преображается, становится элегантен, изящен, красив: Тостао играет с гордо поднятой головой, словно бросая вызов! Нет, он не собирается швырять перчатку в лицо сопернику. Ни разу в своей жизни он не участвовал в драках и препирательствах с судьями! Поднятая голова — это не украшательство, а естественное следствие его мастерства: Тостао настолько хорошо чувствует мяч, что предпочитает глядеть на партнеров и соперников, ежесекундно оценивая игровую ситуацию.

Своей виртуозностью он выделяется даже в созвездии «сверхзвезд», которые играют в сборной плечом к плечу с ним. И об этом лучше всего сказал один из лучших «знатоков Тостао» — журналист Же-

ральдо Магальяэс: «Он превращает футбол в искусство. Тот самый миллиметр пространства, который он отыскивает и использует для того, чтобы изменить полет мяча или послать его между двумя противниками, тот самый миллиметр, который другие простонапросто не видят, свидетельствует о том, что для него футбольное поле разделено не на метры, а на эти квадратные миллиметры, подобно тому, как полотно художника, на котором каждая точка — чистая или покрытая краской — имеет свое специфическое значение и работает на весь ансамбль в целом...».

Сейчас кажется невероятным, что сравнительно недавно хор критиков скептически ныл, что Тостао и Пеле могут «не ужиться» в сборной, так как в своих клубах — «Крузейро» и «Сантосе» — оба они выполняют одинаковые функции.

Они ужились!.. Сейчас и сам Пеле, и спортивная пресса единодушно признают, что никогда еще в бразильской сборной у Пеле не было такого превосходного партнера, как Тостао. Впрочем, это не совсем точно. Тостао — это не просто партнер Пеле, как, например, Коутиньо в «Сантосе», прозванный «тенью короля». Тостао не подлаживается под Пеле. Каждый из них играет в своей манере, но оба стиля удивительно гармонируют друг с другом!

Пеле обладает колоссальной стартовой скоростью, поэтому он позволяет себе играть медленно. Он любит, получив мяч где-то в средней зоне поля, подержать его, наблюдая за развитием событий, неторопливо продвигаясь вперед, готовый в любое мгновение пойти на стремительное обострение, рвануться и выскочить за спины зазевавшихся, успокоенных его кажущейся медлительностью защитников. (Напомним, кстати, что старожилы Лужников имели возможность

наблюдать гол, забитый Пеле в результате именно такого маневра в матче против нашей сборной в 1965 году.)

А Тостао не обладает хорошим рывком, скорость его бега по современным представлениям весьма скромна, поэтому он в отличие от Пеле стремится играть... быстро! Он любит обрабатывать мяч в одно-два касания, любит быстрые передачи партнерам незаметным движением ноги или головы. Он любит получать мяч на бегу, тут же освобождаться от него в одно касание, а затем, спустя еще мгновение, получать его обратно за спиной противника. Он неутомим, он все время в движении, он всегда выбегает на ворота, когда кто-то из товарищей по команде производит удар: не счесть голов, добитых им в ворота соперников. Не счесть мячей, «украденных» им у зазевавшихся защитников. В то же время он исключительно тонко разбирается в игре, мгновенно ориентируется в самых сложных ситуациях, находя тот самый «миллиметр пространства», который виден только ему! Кто-то назвал его «инженером атаки», и с этим нельзя не согласиться, глядя на удивительно осмысленный, я бы сказал, интеллектуальный футбол Тостао.

Далеко не все, кто восхищался игрой Тостао в Мексике, знали о драме, которую пережил он совсем недавно: в одном из матчей национального турнира он получил тяжелую травму глаза, которая за полгода до чемпионата мира вывела его из строя на несколько месяцев... Несколько хирургических операций в США, длительные процедуры и истовая, неугасимая вера футболиста в выздоровление позволили ему «встать в строй» буквально накануне отъезда в Гвадалахару. Встать-то он встал! Но... с полдюжиной кило-

граммов лишнего веса! После полугодового простоя! И тут началась драма тренера: Загало мучился, не зная, можно или нет вводить Тостао в основной состав.

А что, если во время, скажем, удара головой по мячу случится новое кровоизлияние? И не будет ли старая травма оказывать психологическое воздействие на него, заставляя (быть может, даже подсознательно) избегать острых схваток за верховые мячи? Были у Загало и другие сомнения, однако, он решил рискнуть. И ввел Тостао в основной состав, заставив его, однако, принципиально изменить свою игру. Изменить почти в такой же степени, как это было с Ривелино! Если в «сборной Салданьи» Тостао играл на острие атаки (вспомним десять голов в шести отборочных матчах), то отныне ему была уготована иная роль: весьма неблагодарная. Он должен был жертвовать собой. Он должен был играть впереди, все время перемещаясь без мяча, путая защитников, отвлекая их внимание своими непрестанными маневрами и рывками, пытаясь «вытягивать» их за собой, освобождая таким образом плацдарм для Пеле и Жаира, для атакующих во втором эшелоне Ривелино или Жерсона.

Получая мяч, Тостао должен был стремиться разыгрывать его с партнерами, выводя их короткими точными (теми самыми «миллиметровыми»!) передачами на удар. Одним словом, он должен был «таскать на плечах пианино» для остальных музыкантов. Справился ли он с этой задачей? Вопрос, пожалуй, звучит кощунственно.

Когда однажды его спросили: «Что является самым важным из того, что дал тебе футбол?», он сказал:

— Футбол дал мне почти все, что я сейчас имею. Но самое главное: он дал мне радость. Мой отец всегда был скромным чиновником, жил далеко не богато, но никогда никому ни в чем не отказывал. У него одна только страсть: футбол. Поэтому и для меня футбол стал чем-то очень важным. Когда я выхожу на поле, я борюсь не только за победу, за эти два очка, за деньги, которые я получу в случае выигрыша. Нет, я прежде всего борюсь за то, чтобы увидеть радость на лице моего отца, когда я вернусь домой.

Сквозь тернии к звездам

Одним из лучших игроков матча с румынами был Пауло Цезар. Негр... Два гола забил Пеле. Тоже негр. Один — Жаир, мулат...

Ну и что с этого? Негр, мулат, белый, какая, собственно говоря, разница?!

В самом деле, какая разница? Ведь всем известно, что негры, мулаты и белые смешались в бразильских футбольных командах в многоцветный «коктейль», и никто не обращает на это никакого внимания. Мало кто знает, однако, что такое положение сложилось сравнительно недавно.

* * *

Полвека назад футбол в Бразилии был совсем иным. И не столько с точки зрения тактических схем или стратегических идей, сколько по самой своей сути. Тот, прежний футбол, можно было назвать как угодно, но только не «спортом миллионов». Это было развлечение аристократов. Субботнее «хобби» элиты Рио-де-Жанейро или Сан-Паулу. Вроде гольфа или скачек.

Первые футбольные команды родились в недрах аристократических клубов, где убивали свободное время сильные мира сего. Сынки банкиров и преуспевающих негоциантов, гимназисты, студенты медицинских и правовых (самых модных!) факультетов, почтительно именуемые «академиками», их возлюбленные — девочки в накрахмаленных платьицах с кружевными зонтиками — вот что такое представляли собой первые футбольные команды Рио... «Но при чем тут, собственно говоря, девочки?» — воскликнет в недоумении

читатель. Девочки — при мальчиках. Они, конечно, не играли в футбол. Для них, как и для их мальчишек, женихов и возлюбленных, футбол служил приятным времяпрепровождением. По пятницам эти мальчики и девочки кружились под звуки полек и вальсов в сверкавших паркетами салонах «Пайсанду» и «Флуминенсе». По воскресеньям ожесточенно страдали на скачках, проигрывая хрустящие ассигнации своих сиятельных предков, а по субботам отправлялись на стадионы, надежно защищенные заборами и полицейскими кордонами от вторжения любопытствующей черни. Девочки подымались на скрипящие трибуны, пропахшие краской, и хихикали, поглощая фруктовое мороженое, в то время как там, внизу, на неровной, бугристой площадке резвились их мальчики: двадцать два франта с подкрученными усиками, прямыми набриолиненными проборами, рассекавшими череп от переносицы к затылку, в элегантных шелковых рубашках и трусах, полощущихся парусами чуть выше щиколоток.

Ах, золотое время!.. До сих пор седые завсегдатаи бетонной «Мараканы» вспоминают, смахивая слезу, плетеные кресла стадиона «Флуминенсе», благоухавшие парижскими духами (а не этой мерзостной жареной кукурузой — «пипокой»!), расцвеченные шелками нарядов. Фотографы, снующие между креслами и скамьями в поисках красивых мордашек, которые завтра украсят светскую хронику «А газеты» или «Дневника новостей». Почтенные сеньоры в котелках, с золотыми брелоками и тонкими пенсне (не то что нынешние колесообразные очки!). Радостные мелодии оркестра щеголеватых курсантов военной школы (а не эти грязные «батареи», заполняющие своими барабанами и тамбуринами «Маракану»!).

Цитата из пожелтевшей газеты тех времен с описанием футбольного матча поможет нам почувствовать, что представлял собой тот, прежний бразильский футбол: «Самые достойные семейства нашего общества вновь собрались вчера на очередной праздник элегантности и красоты. Поводом для этого волнующего социального события явился еще один матч по «фоот-балл» — так называется аристократический английский спорт, который ныне необычайно моден среди молодежи наших самых традиционных и видных семей. После игры в одном из старинных особняков был организован коктейль и бал с танцами под скрипичный оркестр, достойно увенчавший этот торжественный праздник. Как видим, социальная жизнь нашей столицы становится все более активной и разносторонней.

Кстати, счет игры был 2 : 1 в пользу местной команды...»

Да, описывая присутствующее на трибунах общество с протокольной подробностью дипломатического коммюнике, газеты частенько забывали сообщить итоги самих матчей, которые, по правде говоря, мало кого интересовали.

Ну а негры? Мулаты? «Какие там негры! Извините, но неграм места на стадионах не было. Нет, дело, конечно, не в цвете кожи! Мы, бразильцы, никогда не были расистами. Я охотно готов поверить, что среди черных имеются очень даже порядочные люди. Да, да! Вот, например, наша служанка Лурдес. Или этот, как его? Который метет у нас во дворе? Забыл, ну да и неважно. Короче говоря, среди негров, повторяю, попадаются очень даже порядочные люди, но, согласитесь, это не повод, чтобы пускать их на трибуну — социал «Флуминенсе», куда идет моя дочь?!

Я лично ничего против не имел бы, но общественное мнение?! Знаете, мы как-то привыкли уже считать, что негр — это фавела, это наркотики, бандитизм и все такое прочее. Может быть, в этом много преувеличения, но лучше оставить все, как было. И вообще ... они, говорят, там, в своих бараках, живут все вповалку. И не каждый день моются...».

Конечно, негру или мулату было дозволено «болеть» за «Флуминенсе» или «Ботафого». Им были отведены для этого специальные места. Стоячие места вокруг поля и за воротами, куда шли не только «цветные», но и белые, что победнее. Туда — пожалуйста! Но на трибуну? Пусти их сегодня на трибуну, а завтра, глядишь, они окажутся в сверкающем салоне или прохладном баре, заставленном импортированными из Шотландии, Франции или Германии бутылками.

Из своих загонов, отгороженных от «чистой публики», негры и мулаты почтительно взирали на странное развлечение господ, о котором газеты писали с такой же страстью, как о гребных гонках или парусных регатах. Вскоре начали разыгрываться городские чемпионаты. Чтобы участвовать в них, нужно было иметь специальное обмундирование: рубахи и трусы, бутсы и мячи... Нужно было обзавестись своим собственным полем. И эти чемпионаты поначалу еще более отдалили «великие» (как их звали тогда и продолжают звать сейчас) клубы от маленьких команд, появившихся в пролетарских кварталах. Однако эти «периферийные» команды стали плодиться гораздо быстрее, чем можно было предположить. Черные мальчишки, подававшие мячи за воротами тренирующихся «академиков» или кадетов, вскоре перестали довольствоваться ролью восторженных наблюдателей. Они начинали гонять свои мячи — иногда самодель-

ные, тряпичные, иногда, украденные у «академиков» — в красной пыли фавел, на грязных пустырях Жакарепагуа — квартала, который, хотя и числится частью Рио, но до Копакабаны и «Флуминенсе» от него так же далеко, как до парижских Елисейских полей. Появились какие-то районные чемпионаты, какие-то уличные турниры, любительские «лиги». «Академики» взирали на эту возню со снисходительным раздражением и молчаливым презрением. Они были твердо убеждены в своей силе, в своей непобедимости, потому что они знали, что футбол играется не только ногами, но и головой, а как же можно считать настоящим атлетом черного, который и имени своего подписать не умеет?! Ведь «главный» чемпионат Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу регулировался кодексом, который предусматривал обязательность подписания протоколов матчей всеми игроками. Черные были неграмотны. Какие тут могут быть протоколы?

Конечно, иногда и среди них обнаруживались неплохие игроки, надо отдать должное. Однажды на этой почве случился даже конфуз. Или, точнее выражаясь, скандал. С одним парнишкой по имени Карлос Альберто. Пока он играл в своей убогой «Америке», никто не обращал внимания, что он мулат. Но однажды кто-то из либеральствующих директоров «Флуминенсе» пригласил его в эту знаменитую команду, которая обладала крупнейшим в Америке стадионом. Карлос Альберто хотел как лучше. Он знал, что такое «Флуминенсе». И поэтому вымазал лицо рисовой пудрой перед тем, как выйти на поле. Думал, сойдет за белого. Номер не прошел. Его, конечно, не бросились линчевать, как это случилось бы где-нибудь в Миссисипи, но весь стадион заржал. Словно небеса

разверзлись над тихим кварталом Ларанжейрас: «Пудра из риса! Пудра из риса!..»

(Так и прилипла эта «пудра из риса» к знаменитому «Флу». И сегодня торсида радостно встречает этим воплем своих любимцев, многие из которых и не помнят даже происхождения этой клички.)

Время шло, и однажды снисходительные «академики», демонстрируя свой демократизм и добрую волю, согласились на включение в розыгрыш чемпионата Рио-де-Жанейро нескольких «малых» команд, в которых белые и «цветные» были смешаны. «Малым» клубам это прощалось, ведь, в конце концов, Бразилия была демократической страной, не правда ли? И вскоре, в 1926 году, взорвалась первая бомба, потрясшая добрые старые традиции молодого бразильского футбола: чемпионом Рио-де-Жанейро стал «Сан-Кристован», маленький скромный клуб негров и мулатов, который в финальном матче разнес «академиков» «Фламенго» со счетом 5 : 0. Вероятно, это было сделано специально, с целью уязвить «чистоплюев», отмести всякие сомнения в законности и неоспоримости победы... В тот жаркий ноябрьский вечер Рио увидел крупнейший в своей истории «баллон» — громадный десятиметровый шар, наполненный горячим воздухом от горевшей под ним плошки, раскачиваясь плавно, болтался над кварталом Сан-Кристован, а затем, к ужасу всех, кто наблюдал за ним, стал опускаться на гигантские резервуары газа неподалеку от центра города. Если бы не отвага пожарников, целый квартал взлетел бы в тот вечер на воздух.

Словно очнувшись от сладкого сна, «великие» клубы вдруг обнаружили, что «эти негры» не только не уступают тонконогим «звездам» «Флуминенсе» или «Ботафого», но, увы, иногда и превосходят их. И не-

которые из «великих» клубов начали сначала робко, потом смелее открывать свои двери «цветным». Мулат Фейтисо в 1928 году вдруг оказался в составе сборной страны, повергнув в смятение борцов за незыблемую святость традиций. И не только «оказался», но и — подумать только! — забил целых четыре — представляете себе: четыре! — гола в ворота белокурых шотландцев. Четыре гола из пяти! На следующий день телеграф отстукал победную реляцию, и заголовки газет откликнулись на нее громким эхом: «ЕВРОПА ВНОВЬ СКЛОНЯЕТСЯ ПЕРЕД БРАЗИЛИЕЙ!..» И чуть пониже: фотография Фейтисо в короне, увитой лавровыми листьями и подпись: «МУЛАТ — ИМПЕРАТОР ФУТБОЛА!»

А ведь император сей был неграмотен как последний башмачник из фавелы с Телеграфной горы, что высится напротив порта Рио. Надо было видеть, как он подписывал в протоколах свое полное имя и фамилию: «Луис Матозо» — единственные два слова, которые он умел написать. Он выводил их, высунув язык, потея от напряжения, пять минут. Он страдал, малюя эти непонятные палочки и загогулины, которым его обучили в клубе (неграмотный на поле не выходит!), он сжимался в комок под язвительным взглядом арбитра, благоухающего французским одеколоном. Эти пять минут, повторявшиеся накануне каждого матча, были его пыткой, его тяжелым проклятием, его крестом, который он вынужден был нести ради футбола. Поставив последний крючок: круглую баранку, которой обозначается «о», он вздыхал облегченно, крестился и выбегал на поле, радостно вскинув руки навстречу воплям торсиды, но не забывая при этом ступить на поле обязательно с правой ноги. Здесь, на поле, он вновь становился самим собой: знамени-

тым Фейтисо — Чудотворцем, о котором даже писали газеты. Те самые газеты, которые рассказывают обо всем, что происходит в мире: о правительствах, ценах на фасоль и новых программах в кинозалах Синеландии, в центре Рио, писали о нем, о Фейтисо, как о «великом артисте», как о «волшебнике мяча». И когда друзья рассказывали ему об этом, он жалел, что так и не научился читать.

Время шло... То там, то тут в командах «великих» клубов все чаще стали появляться мулаты и негры. Кое-кто продолжал сопротивляться: разве можно было позволить, чтобы элегантные дамы, чтобы девушки, столь утонченные, столь благородные, аплодировали, махали белыми платочками и кричали «браво!» какому-нибудь потному негру. Абсурдность этого понимали не только клубные администраторы — «картолы», но и чиновники СБД, которые, созывая накануне международных турниров или товарищеских матчей сборную страны, стремились всячески «обелить» ее. Конечно, никто не выпроваживал негра взашей! Но при прочих равных условиях «вакансия» в команде всегда доставалась белому, а не «цветному». Об этом никто открыто не говорил, но это все хорошо понимали.

На рубеже двадцатых и тридцатых годов в лексиконе южноамериканского футбола появилось новое слово «профессионализм». И проблемы, вспухшие как злокачественная опухоль, вдруг показались простыми и легкими! Внезапно выяснилось, что футбольную команду гораздо проще содержать в виде бригады наемных работников, чем в качестве какого-то аморфного сообщества любителей весело отдохнуть. Любитель всегда имел полное право при отсутствии настроения или несварении желудка отправиться вместо

матча на рыбалку или запрограммировать на день игры вылазку с девочками в загородный клуб. А профессионал, получающий в клубе зарплату, был лишен этой приятной возможности. Любитель всегда входил в клуб через парадный вход, подымался по устланной ковром лестнице, приветственно похлопывал президента клуба по животу и имел освященное традицией право потрепать за коленку директорскую секретаршу. Профессионалу можно было отвести боковую дверку, куда бочком протискивались разносчики молока для клубного бара, электромонтеры и инспектора газовой компании. Профессионал был служащим. Чернорабочим. Как прачка или садовник. Его можно было сегодня нанять, а завтра выгнать. Его можно было премировать, ежели забьет гол. И оштрафовать процентов на пятьдесят зарплаты, когда он опоздает на тренировку... Но мог ли пойти на это «академик» философии, метящий в чиновники губернаторской канцелярии? Мог ли позволить себе опуститься до унизительной обязанности расписываться в табеле на получение зарплаты племянник президента банковского консорциума «Братья Гимараес», который сам мог бы купить пару десятков клубов вместе со стадионами, секретаршами, бассейнами, цветниками, душевыми и салонами для игры в бридж?!

Черные — другое дело! Им нечего было стесняться. Для них футбол превращался из бесхитростного развлечения, из средства самоутверждения в источник заработка. Пусть не столь уж большого, не важно! Лучше зарабатывать те же три сентаво футболом, чем мытьем машин. Лучше наниматься в клуб футболистом, чем полотером! Одним словом, лучше гонять мяч за деньги, чем бесплатно! А что касается дверей, через которые входить, это негров не волновало. Они

знали, что через парадную дверь им все равно не войти ни в каком качестве. Они знали, что парадная дверь — для людей в белых костюмах, с толстыми кошельками и красивыми женщинами. Раз и навсегда. Такова жизнь. Черным оставался черный вход и зеленое поле. Так профессионализм открыл бразильским неграм дверь в футбол.

В 1933 году, устав бороться с капризами изнеженных аристократов «Флуминенсе», тренер Луис Виньяс ушел в «Бангу» — скромную команду ткацкой фабрики на северной окраине Рио-де-Жанейро. Прилежные и тихие негры «Бангу» с благоговением слушали нового наставника, величая его «доктором»: в те времена любой человек с дипломом вызывал в этой стране такое же почтение, какое сегодня внушают бразильцам таможенные чиновники в международном аэропорту «Галеао» или молчаливые агенты политической полиции «ДОПС». Негры и мулаты согласно кивали головами, кротко потупив глаза. С ними у Луиса Виньяса не было проблем. Он ввел железную дисциплину в команде, установив почти армейский режим. Вместо рюмки кашасы после матчей футболисты стали глотать апельсиновый сок. А по субботам, накануне игр, вместо засиженного мухами и пропахшего пивом и мочой «ботекина» с небритым и вечно сонным Зезе за стойкой команда собиралась в чистой даче, нанятой специально для этой цели хозяевами фабрики, покорно слушавшими распоряжения знаменитого тренера. И «академики» «Фламенго», «Флуминенсе», «Ботафого», «Васко-да-Гамы» дрогнули под неудержимым натиском не знавшего жалости и снисхождения механизма, в который превратил «Бангу» Луис Виньяс. Эти негры и мулаты выиграли чемпионат с еще большей помпой, чем несколько лет назад

«Сан-Кристован». Эти негры и мулаты, эти чернорабочие, эти ткачи, «эти оборванцы, которые, пардон, никогда в жизни не видели приличных штиблет и не имели понятия о назначении носовых платков!..»

Так рушились мифы, так погибали святые традиции. И с каждым днем все чаще и чаще слышались на трибунах всхлипывания насчет «старого доброго времени», когда на футбол можно было выбраться всем семейством, как на воскресный пикник в Петрополис или на субботнюю регату у подножия «Сахарной головы». Канули в лету те времена, когда футбольные поля в городе можно было сосчитать по пальцам, когда обладание футбольным мячом считалось таким же несомненным признаком голубых кровей, как геральдический вензель на бронзовых воротах или постоянная ложа в Муниципальном театре. Теперь они продавались в лавках улицы Оувидор по цене, которая казалась обладателям уникальных импортных английских мячей оскорбительно низкой. И звон разбитых стекол уже не ограничивался Копакабаной и Ларанжейрас. Футбол расползался по всему городу, и газетные фельетонисты состязались в остроумии, комментируя этот социальный феномен.

Вторая половина тридцатых годов стала решающим этапом восхождении негров на футбольный Олимп: в эти годы ослепительным блеском вспыхнул талант Леонидаса, прозванного Черным Бриллиантом. Самый знаменитый бразильский негр и самый знаменитый бразилец в довоенные времена был тогда так же неистово боготворим, как сегодня Пеле... На матчи с его участием ходили как на театральные премьеры. Леонидас получал больше писем, чем кинозвезды «Атлантиды» — маленького бразильского «Голливуда». Это были не только истерические клят-

вы в вечной любви, не только стихи восторженных гимназисток, не только жадные расспросы о секрете изобретенного им «велосипеда»: удара в прыжке «через себя» с падением на спину... Какой-то болельщик из забытого богом и властями поселка в штате Пара в Амазонии, вечно безработный отец гигантского голодающего семейства, лишившийся надежды и собиравшийся наложить на себя руки, писал Леонидасу разрывающее душу письмо, в котором величал его «Вашим Превосходительством, Доктором, Черным Бриллиантом». Бедняга просил у Леонидаса не автограф, не футбольный мяч, не футболку, а какую-нибудь работу.

Леонидас поднялся до таких головокружительных высот славы, которых ранее никто не знал в этой стране. Ни знаменитые поэты, ни участники нескончаемых «революций», ни президенты гражданские или военные, ни храбрые генералы, ни пылкие кинодивы. Дело дошло до того, что он мог позволить себе все. Все, что угодно. Любой каприз... Ну, например, давить своей роскошной машиной людей на улицах. Как это случилось однажды. Нечаянно, конечно. Он мчался и, не обратив внимания на свисток полицейского и красный свет светофора, сшиб человека. Убил насмерть... Со всех сторон к машине ринулась толпа с криками: «Линчуй его! Смерть убийце!» Казалось, что все было кончено, чьи-то руки рванули дверцу машины, выволокли Леонидаса, бросили на тротуар, он закрыл голову, последнее, что бросилось ему в глаза, — высокая пальма над каналом Манге угрожающе раскачивалась где-то в небе и... раздались крики: «Леонидас! Да это Леонидас! Наш Диаманте Негро! Вива Леонидасу!..» Еще через минуту к нему тянулись сотни рук с бумажками, требуя автографов,

его подняли на руки, собрались торжественно нести по набережной канала, и это превратилось бы в многотысячную демонстрацию, если бы не подоспевшая полиция. Стражи порядка вызволили кумира из рук обожателей, распорядились отправить в морг труп нарушителя правил уличного движения, посмевшего с преступной неосторожностью пересекать мостовую и причинившего своей безответственной смертью тяжелый моральный ущерб великому Леонидасу, и, взяв под козырек, пожелали национальному герою счастливого пути, извинившись за беспокойство и не забыв при этом взять у него автограф.

Он стал первым негром, показавшим бразильским неграм, на что способен негр. До какой высоты он может подняться. Миллионы черномазых мальчишек, гонявших, сверкая коричневыми попками, на пустырях консервные банки, вдруг увидели героя, который оказался почти своим. Почти членом семьи. Таким же черным и белозубым. И поэтому куда более восхитительным, чем ковбои с пистолетами или летчики, летавшие за океан в далекую таинственную Европу. На летчика надо учиться, а это невозможно. А чтобы стать таким, как Леонидас, достаточно раздобыть мяч, запастись терпением и... господи, неужели ты не окажешься благосклонным еще раз?! Господи, помоги мне стать таким, как Леонидас! Так футбольный мяч стал для миллионов будущих Диди, Сантосов, Гарринчей, Жаиров и Пеле чем-то неизмеримо более важным, чем забава, каким он являлся для «академиков». Они почувствовали, как высоко он может взлететь, как много он может им дать, если... если укротить его, если подчинить его своей воле, если научиться управлять им.

Но дело было не только в оглушительной славе,

не только в овациях, сопровождавших каждый шаг Леонидаса, не только в слезливых письмах гимназисток, в автографах и газетных фотографиях. В мире, где счастье измеряется на сентаво и крузейро, где заботы о хлебе насущном являются единственным смыслом жизни, Леонидас стал первооткрывателем неслыханных и невиданных сокровищ. Если раньше для какого-нибудь мулата из фавелы «Катакумба» мечта о богатстве, о миллионах была столь же фантастической, как перспектива жениться на Грете Гарбо или стать президентом республики, то Леонидас показал всему миру, что футбол может делать деньги. Что под зеленым покровом этого чертовски привычного прямоугольника, расчерченного белыми линиями, скрываются клады, не уступающие сказочным россыпям далекой Рондонии или Мату-Гросу. Нужно было только уметь достать их!

И Леонидас первым продемонстрировал, как это делается. Он первым понял, что нужно успеть ковать железо, пока оно горячо. Пока есть слава и поклонение. В этом отношении он был первым и остался непревзойденным до сих пор. Даже славящийся сметкой и практицизмом Пеле со всеми своими банковскими счетами, телевизионными шоу, скотоводческой фазендой, со всей своей «движимостью» и «недвижимостью» кажется рядом с Леонидасом неумейкой. Леонидас высекал золото из каменной мостовой авениды Рио-Бранко с такой же легкостью, с какой сегодня его преемники извлекают огонь из «ронсоновских» зажигалок. Он превращал в деньги все, к чему прикасался, все, на что обращал свой взор. О, это было сумасшествие! Нескончаемый лукуллов пир, вакханалия, безумие, какая-то нескончаемая беспроигрышная лотерея. Это было как если установить в ком-

нате машину, которая печатает деньги. И причем крупными ассигнациями. Не успевал он подписывать очередной контракт с фармацевтической фабрикой на право использовать фотографию его ослепительно-белозубой улыбки на тюбике зубной пасты нового типа, как ему звонили улыбающиеся представители конкурирующей фирмы, предлагая еще более сногсшибательную сумму за право именовать маркой «Леонидас» лосьон против перхоти. Он подписывал и эту бумагу. Подписывал, не читая, не глядя, потому что его ждало письмо с радиостанции, которая почтительнейше испрашивала разрешения организовать передачу грандиозной биографической эпопеи «Жизнь Диаманте Негро».

— Пожалуйста, — великодушно кивал он головой, узрев искомый параграф: «Два контос в месяц».

Он не брезговал ничем. Нескончаемой вереницей несли ему в дом холодильники и патефоны, радиоприемники и костюмы, лакированные башмаки и наборы рюмок, синие окорока и круглые, истекающие кислыми слезами сыры Минас-Жерайса — все это плыли дары соседских лавочников и владельцев роскошных универмагов с просьбой разрешить выставить в витрине фотографию великого Леонидаса. Такая фотография делала чудеса: в мгновение ока у витрины собиралась толпа. А если фотография была с автографом, хозяин лавки мог отныне спать спокойно: имя Леонидаса было гарантией бизнеса. И Леонидас благосклонно принимал дары, разрешая вывешивать свои фотографии и называть своим именем лосьоны, одеколоны, сигареты, шоколад и даже модели мужских причесок.

Купаясь в деньгах, он изощрялся, отыскивая все новые и новые способы обогащения. Он открыл ресто-

ран в центре Сан-Паулу, и, разумеется, «весь Сан-Паулу» обедал и ужинал у Леонидаса. Сам он, кокетливо напялив белый колпак, приветственно помахивал в дверях благоухающим дамам в русских мехах и фламандских бархатах. А сзади без устали звенел кассовый аппарат, отстукивая выручку, которую некогда было даже считать.

Однажды он появился на сцене Муниципального театра. Нет, он пришел туда не для того, чтобы петь или плясать. Он ничего этого не умел. На сцене, где когда-то порхали невесомые примы парижского балета и над которой некогда взвивались колоратуры теноров «Ла Скала», на сцене, где священнодействовали герои Мольера и Карлоса Гомеса, Леонидас рассказывал о своих голах, рисуя мелом на черной классной доске комбинации и тактические схемы. И все это — при аншлаге!

Да что значит «при аншлаге»?! Никакие сильфиды балета, никакие факиры колоратур не собирали столько народа: театр ломился, изнемогая под тяжестью потных тел. Перегруженная плебсом галерка грозила рухнуть на сверкающий генеральскими аксельбантами и дамскими кружевами партер. Леонидас, объясняя секрет удара, подымал ногу, и весь театр затаив дыхание впивался горящими глазами в его узконосый штиблет. Леонидас опускал ногу, и со вздохом облегчения вновь вспархивали перья вееров в ложах.

...Вслед за Леонидасом в большой футбол шли новые и новые негры и мулаты. Небрежно расталкивая «аристократов» локтями, они вселяли смятение в сердца чиновников СБД. «Отец бразильской спортивной журналистики» писатель Марио Фильо, именем которого, кстати говоря, назван стадион «Маракана», рас-

сказал в своих мемуарах о том, что в конце тридцатых годов некоторые из высокопоставленных картол еще продолжали бороться за «арианизацию» бразильского футбола. Это были годы, когда фашистские идеи, пришедшие в Южную Америку из Германии и Италии, получили широкое распространение в интеллигентских кругах Бразилии. Фашистская партия «интегралистов» проповедовала расистские взгляды при благосклонном попустительстве диктатора Жетулио Варгаса, флиртовавшего с Гитлером.

Рецидивы этой политики сохранялись до пятидесятых годов, когда эти жалкие попытки остановить колесо футбольной истории потерпели окончательный провал. Иначе и быть не могло, потому что на смену Леонидасу приходили Джалма Сантос и Диди, Зизиньо, Велудо, которого многие считают лучшим вратарем в истории бразильского футбола, Жаир да Роза Пинто и, наконец, Гарринча и Пеле. Они приходили в футбол Рио и Сан-Паулу из фавел и безымянных поселков, из трущоб и далеких провинций, о которых газеты пишут только в связи с засухами или наводнениями, эпидемиями верминоза или чудодейственными появлениями «летающих блюдец». Они взращивали свое мастерство в бесконечных «пеладах» на пыльных улочках, на мостовых, пустырях и песчаных пляжах. Великие артисты футбола, они любовно называли мяч «девушкой» (по-португальски слово «мяч» — «бола» — женского рода) и обращались с «ней» ласково. Как с возлюбленной. Как с первой любовью, родившейся еще в раннем детстве, да так и оставшейся на всю жизнь главной и единственной.

Что мог противопоставить им холодный чиновник с рыбьей душой? Делец и бюрократ, деловито добывающий в бурном водовороте футбольных страстей

голоса избирателей для своей кампании по выборам в палату депутатов?

— О чем ты думаешь, когда получаешь «ее»? — спросил как-то раз Пеле у Нилтона Сантоса.

«Старик», которого прозвали «Энциклопедией футбола», задумался озадаченно. Потом покачал головой:

— Кто его знает... Многие говорят, что в этот момент ни о чем не успеваешь подумать.

— Э, брат, — усмехнулся Пеле, — когда я получаю мяч, у меня в голове в этот момент прокручивается целый полнометражный фильм.

Да, конечно, Леонидас научил их ковать футбольное железо, пока оно горячо. Зарабатывать деньги, холодильники и поместья, пока в руках бьется трепетная и неверная синяя птица славы! Но для большинства из них, для подавляющего большинства — для тех же Пеле, Джалмы Сантоса, Гарринчи, Пауло Цезаря и прочих — смысл футбола никогда не сводился к деньгам, к обогащению, к «бишьо», которые являлись, конечно, крайне желательным, но всего лишь дополнением к нему. Для них — вчерашних чистильщиков ботинок, окномоев и бродячих торговцев — футбол становился окном в мир, футбольный мяч проектировал на их разум, сердца и души волнующие фильмы, которые никогда не дано было видеть и чувствовать картолам. Если бы они родились на другой земле, в иное время, они стали бы инженерами или хирургами, художниками или поэтами, космонавтами или кинорежиссерами. Они выбрали бы себе, может быть, десятки других профессий и дорог, которые оказались для них закрытыми там, в их Бауру, в их Жаботикабе или Ботукату. Но, поскольку эти дороги были закрыты, а человек — именно поэтому он и является человеком! — где бы он ни ро-

дился, на каком бы языке он ни говорил, никогда не перестает мечтать и никогда не останавливается в своем вечно-неудержимом движении вперед и выше, они избрали этот единственный путь, оставленный им неласковой их судьбой.

* * *

«...неласковой их судьбой». Хорошо сказано, не правда ли?

Перечитав только что написанную главу «Сквозь тернии к звездам», автор отбросил в сторону ложную скромность и искренне поверил, что проблема расизма в бразильском футболе разработана им глубоко, обстоятельно и подробно. И что сама по себе эта проблема представляет сугубо теоретический интерес как любопытный, но безвозвратно канувший в Лету этап бразильской истории. Как пожелтевшая страница пыльного архива...

Отредактировав главу, выправив неизбежные опечатки и огорчительные стилистические погрешности, автор, распираемый гордым сознанием исполненного долга, уже перешел, было, к решению очередных задач, то бишь к написанию последующих глав, когда ему на глаза попалась заметка из газеты «Жорнал до Бразил» от 15 апреля 1971 года, опубликованная на 34-й странице. Я даю столь подробную ссылку для того, чтобы любой усомнившийся в правдивости того, о чем пойдет ниже речь, мог бы, как говорят научные сотрудники, «обратиться к первоисточнику»: взять в библиотеке газету и разыскать эту заметку.

Честно говоря, я сам отказываюсь верить в то, что подобные вещи могут еще иметь место в Бразилии.

И что факты, изложенные газетой, реальны, а не почерпнуты из черновых набросков Гарриет Бичер-Стоу, сделанных в период работы над «Хижиной дяди Тома». Поэтому я предпочел дословно изложить перевод этой заметки, предоставив выводы и комментарии читателю (для ориентировки сообщу, что Ресифе — это столица бразильского штата Пернамбуко на северо-востоке страны, а Каруару — город, находящийся в 143 километрах от Ресифе):

«В КАРУАРУ ИМЕЕТСЯ ФУТБОЛЬНАЯ КОМАНДА, В КОТОРОЙ НЕ ИГРАЮТ НИ НЕГРЫ, НИ СЛИШКОМ ТЕМНЫЕ.

Рикардо Ноблат,
Корпункт в Ресифе

РЕСИФЕ. В клубе «Наутико-де-Ипожука» футбольной лиги Каруару нет негров, и их прием в команду запрещен уставом клуба. Насколько известно, на северо-востоке страны это единственный футбольный клуб, официально являющийся расистским.

Препятствие для приема черных игроков в команду официализировано уставом клуба с целью «превращения «Наутико-де-Ипожука» в клуб, отличный от остальных». В одной из статей сказано, что исключение может быть сделано для футболистов со смуглой кожей, «если они не окажутся, слишком темными».

ТРАДИЦИЯ

Расизм в клубе «Наутико-де-Ипожука» родился одновременно с появлением в этом клубе первой футбольной команды, около десяти лет назад (подчеркнуто мной. — *И. Ф.*). Основатели клуба, которые живы до сих пор, решили, что негры не будут приниматься

в футбольную команду, благодаря чему «Ипожука» всегда будет известен как «клуб, отличающийся от остальных».

Сказано — сделано, и этот принцип был увековечен в уставе клуба. Один из учредителей, будучи человеком более либеральным, сумел включить в устав статью, разрешающую контрактовать темных игроков, «если они не окажутся слишком темными», как гласит один из параграфов.

КОМАНДА

Клуб «Наутико-де-Ипожука» входит в спортивную лигу города Каруару и официально зарегистрирован в Региональном совете по делам спорта. На маленькой этажерке, в штаб-квартире клуба на улице Прета в Каруару, хранятся шесть или восемь кубков, завоеванных клубом в различных турнирах.

Недавно дирекция решила провести «чистку» футбольной команды, в которую просочились почти чернокожие и даже настоящие негры. Директор Бианор да Силва Сантьяго вызвал тренера Жозе Мария и отдал соответствующее распоряжение.

«Чистка» была проведена без особых проблем, потому что тренер уже привык к этой операции: негры и игроки, «слишком темные», сажаются навечно на скамейку запасных. Большинство не выдерживает такого режима и покидает команду. Некоторые ушли сразу же, послушавшись совета тренера. Были отстранены даже Жорже и Содема, считавшиеся лучшими игроками команды.

Количество членов этого клуба значительно уменьшилось в последние годы. Большинство покидает его, потому что не соглашается с царящим там расизмом».

Черный принц

Из четырех групп, объединивших шестнадцать команд — участниц мексиканского чемпионата, третья была, безусловно, самой сильной. Анализируя шансы финалистов, восторженные дилетанты и деловитые специалисты пяти континентов многозначительно покачивали головами. Англия! Бразилия! Чехословакия! И Румыния, доказавшая в последние годы, что может преподнести сюрприз любому фавориту. В жарких спорах рождались противоречивые прогнозы и взаимно исключающие друг друга версии. Одни категорически утверждали, что именно из третьей группы выйдут два участника финального матча, другие, скептически поджимая губы, высказывали предположение, что взаимно истощив свои силы в этой борьбе не на жизнь, а на смерть, гераклы третьей группы не найдут сил даже для того, чтобы перешагнуть четвертьфинальную ступень. И никто из спорщиков — «ни юноши во цвете лет, едва увидевшие свет, ни закаленные судьбой бойцы с седою головой» — не смог предположить, что сборная Бразилии выберется из этой кровавой мясорубки с таким впечатляющим результатом, с таким солидным отрывом от своих конкурентов. Шесть очков из шести возможных! Три победы в трех матчах при соотношении мячей 8 : 3!.. В то время как занявшие второе место англичане вышли в четвертьфинал с более чем скромным голевым балансом — 2 : 1 в трех матчах. Таким же, как у команды Уругвая. Из остальных четвертьфиналистов только Италия сумела побить этот рекорд беззубости, забив в трех матчах одной восьмой финала всего лишь один гол, да и тот, по единодушному убеждению спортивной прессы разных стран, явился результатом непростительной ошибки вратаря противников. Забегая вперед, обратим внимание любителей статистики на то обстоятельство, что итальянцы сумели на втором этапе турнира реабилитировать себя, забив в трех следующих встречах

девять голов в ворота неизмеримо более сильных соперников и пропустив... восемь! (Италия — Мексика — 4 : 1, Италия — ФРГ — 4 : 3, Италия — Бразилия — 1 : 4.) В то же время команда Уругвая на решающем этапе лишь подтвердила свою беззубость, забив в трех матчах два гола (при пропущенных четырех), один из которых — в ворота сборной СССР — при нормальном судействе не мог бы быть засчитан, а второй — в ворота бразильцев — целиком лежит на совести вратаря Феликса.

Но не будем торопиться! Итак, в четвертьфинальных матчах, где вступил в силу жестокий закон «проигравший выбывает», встретились восемь сильнейших команд мира: Италия — Мексика (4 : 1), СССР — Уругвай (0 : 1), ФРГ — Англия (3 : 2), Бразилия — Перу. К рассказу об этом матче мы сейчас и переходим.

* * *

Следя за захватывающими дух комбинациями соперников в матче бразильской и перуанской команд, большинство зрителей, вероятно, не обратили внимания на то, что они были свидетелями острейшей драмы, одной из тех, которыми так богат и прекрасен футбол. И которые далеко не всегда привлекают внимание трибун, поглощенных событиями, развертывающимися на зеленом прямоугольнике футбольного поля. А ведь драма разыгрывалась на их глазах. Только не на поле, а в каких-нибудь десяти-пятнадцати метрах, отделявших скамейку запасных игроков перуанской команды от боковой линии. Речь идет о драме, я бы даже сказал, трагедии, которая разрывала душу человека, являвшегося, без сомнения, главным героем, главным действующим лицом этого чудесного футбольного спектакля.

Имя его — Валдир Перейра — не помнят даже

многие из его соотечественников. Но его футбольный псевдоним известен всему спортивному миру. И, разумеется, подавляющему большинству читателей этой книжки. Этого человека зовут Диди.

Давайте отвлечемся на минуту от, бесспорно, волнующего поединка двух первоклассных команд! Давайте забудем на несколько мгновений о том, что на поле идет острейшее состязание гения Пеле и настойчивости Чумпитаса, неудержимости Жаирзиньо и скорости Гальярдо! Давайте задумаемся о том, что означал этот поединок для Диди, двукратного чемпиона мира, бывшего участника знаменитой бразильской «золотой сборной», а ныне — тренера перуанской команды, поставленного капризной футбольной судьбой на пути своих вчерашних товарищей по оружию!

Плечом к плечу с Пеле и Загало он боролся за победу в Швеции и Чили, вместе с ними он целовал прохладную, равнодушную к этим земным страстям «Золотую богиню». Рядом с ними ехал он по бушующим от восторгов улицам Рио-де-Жанейро, возвращаясь с победных чемпионатов. Он делил с ними тяжелую судьбу чемпионов — бесконечные сборы, перелеты из одной страны в другую. Разлуки и встречи, самолеты и отели. Годы такой короткой и такой долгой жизни. Жизни футболиста. Матч за матчем, аэропорты и автобусы, стадионы и вертящиеся турникеты пограничного контроля, разноцветные флаги десятков стран на разных континентах, пройденные в погоне за постоянно ускользающей синей птицей недолговечной футбольной славы. Чемпионаты, турниры, поездки. Слезы жены и восторженные крики мальчишек. И когда «Золотая богиня» наконец завоевана, вдруг выясняется, что все нужно начинать сначала. Потому

что богиня — одна, а претендентов на ее руку и сердце много.

Он шел по этой дороге плечом к плечу с Пеле и Загало. Точнее говоря, не шел, а бежал за никогда не останавливающимся мячом. И эта долгая погоня увела его вдруг слишком далеко от дома. Как-то неожиданно для самого себя он оказался по другую сторону границы. И желто-зеленый бразильский флаг вдруг превратился в знамя противника. А Пеле и Загало вдруг оказались соперниками.

И сам он, Диди, почувствовал себя в положении человека, вынужденного своими собственными руками, силой своей воли, своего таланта стремиться к разрушению мечты, которая долгие годы согревала его самого: он должен был помешать своей стране, своим друзьям, своей команде навечно завоевать «Золотую богиню». Он должен был разрушить здание, которое созидал всю свою жизнь...

Может быть, кто-нибудь иронически улыбнется, читая эти строки. Напрасно! Я убежден, что вряд ли кто-либо захотел бы оказаться в тот день на месте Диди, этого выдающегося футболиста и замечательного тренера, который, конечно же, заслуживает того, чтобы рассказать о нем поподробнее.

* * *

Опустим розовое детство, традиционные, когда речь идет о бразильском мальчишке, уличные «пелады» с мячом и скандалы с учителями, изнемогающими в неравной борьбе с сорванцами, которых так трудно научить чему-нибудь в те краткие моменты, когда они соизволят прервать свои футбольные игрища. Начнем

наше повествование с упоминания о любопытном историческом факте, имевшем место 15 июня 1950 года. В этот день состоялось торжественное открытие стадиона «Маракана» в Рио-де-Жанейро, и Диди завоевал один из самых своих выдающихся титулов — «первооткрывателя» «Мараканы»! На 10-й минуте первого тайма товарищеского матча сборных Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу он забил первый в истории стадиона гол!

Была в этом какая-то удивительная историческая справедливость: «распечатал» ворота нового стадиона, ставшего колыбелью знаменитого бразильского футбола, игрок, который явился впоследствии самым ярким выразителем и воплощением идей и духа этого нового футбола.

Помня о том, что речь зашла у нас о Диди в связи с матчем сборных Бразилии и Перу в Мексике в 1970 году, упомянем о том, что первая встреча Диди с перуанским футболом состоялась в 1953 году и явилась, по правде сказать, далеко не самой радостной вехой в его футбольной биографии. На проходящем тогда в Лиме чемпионате Южной Америки бразильская сборная потерпела поражение от перуанцев со счетом 0 : 1. В конце матча, проходившего в присутствии президента страны генерала Одриа, на поле разыгралась жестокая драка, Диди получил от судьи приглашение покинуть поле. Не подчинился, чуть было не набросился на арбитра. Страсти разбушевались до такой степени, что выскочившие на поле представители полицейского корпуса Лимы в сверкающих галунами и бляхами мышиных мундирах выволокли с поля будущего тренера перуанской сборной за руки и за ноги.

Несмотря на этот инцидент, турнир в Перу оставил

приятные воспоминания у Диди: именно там он окончательно вошел в основной состав бразильской сборной, заняв место знаменитого полузащитника Зизиньо.

На чемпионате мира в Швейцарии в 1954 году мастерство Диди не смогло спасти бразильскую команду от разгрома в матче со знаменитой сборной Венгрии — самой сильной в те годы командой мира. Эта игра тоже была отмечена рукопашными схватками, удалениями и — в конце матча — тотальной дракой, в которой приняли участие запасные игроки, тренеры, руководители делегаций и журналисты. Вмешалась полиция, и тут случился эпизод, о котором с упоением и восторгом до сих пор рассказывают очевидцы и историки бразильского футбола. В тот момент, когда битва достигла кульминации, когда «смешались в кучу кони, люди, и залпы тысячи орудий слились в протяжный вой», некий Пауло Буарке, один из бразильских журналистов, изловчился и опрокинул ловкой подножкой на землю здоровенного швейцарского полицейского. Тот поднялся, поглядел на бразильца, полез в карман. У парня похолодело внутри, вся жизнь пронеслась перед глазами, застучало в висках. Однако вместо пистолета полицейский достал из кармана носовой платок и... принялся спокойно чистить брюки. Если бы такое случилось в Бразилии! Благословенная земля Швейцария, где можно безнаказанно опрокинуть представителя власти!

Сей эпизод, однако, явился, пожалуй, единственным и очень слабым утешением для возвращавшейся с опущенными головами домой бразильской сборной... Нужно было начинать все сначала, нужно было готовиться к очередному чемпионату мира, намеченному на 1958 год.

В ходе этой подготовки состоялась вторая встреча Диди с перуанским футболом. Более счастливая для него и весьма горькая для перуанцев: в отборочных матчах эти две страны боролись за путевку на чемпионат. Первый матч, прошедший в трудной борьбе в Лиме, закончился вничью. 21 апреля 1957 года на «Маракане» состоялась вторая встреча. И к концу второго тайма, при зловещем счете 0 : 0, горевшем на табло как стоп-сигнал на дороге в Швецию, пробивая метров с сорока штрафной, Диди послал мяч прославившим его впоследствии «сухим листом». Мяч взвился вверх, проходя над «стенкой» защитников, и перуанский вратарь вздохнул с облегчением, увидев, что он уходит выше ворот. И вдруг, словно притянутый каким-то таинственным магнитом, мяч опустился под штангу, укладываясь в самый угол.

Ну а потом была Швеция. Чемпионат мира 1958 года. О нем уже столько сказано и написано историками футбола разных стран, вероисповеданий и цветов кожи, что, кажется, нечего и добавить. И все же нужно сказать о том, что в фейерверке восклицательных знаков, окруживших имена Пеле и Гарринчи — «великих идолов», явивших себя изумленному миру на этом чемпионате, — в реве восторженных приветствий и в благоговейном шепоте поклонения произошло некоторое смещение ценностей. Я осмелюсь высказать мысль, которая, быть может, покажется святотатственной молодому поколению, но с которой должны согласиться «старики». Те, кто имел счастье наблюдать матчи турнира в самой Швеции или изучать их впоследствии в видеозаписях и по фильмам: главным героем шведского чемпионата мира был не Пеле, не Гарринча, а Диди.

Говоря это, я отнюдь не собираюсь «приземлить»

отмеченное печатью гения великое искусство Пеле и искрящийся вдохновением талант Гарринчи — «Чарли Чаплина футбола»! Мне думается, что оба они — в известной степени, конечно — стоят «над эпохой»: они могли появиться двадцать лет назад или тридцать лет спустя. А Диди — это сын эпохи, он явился одновременно творцом и детищем нового бразильского футбола, официальной «колыбелью» которого считается шведский чемпионат. Более того: без Диди (или без какого-то другого футболиста в роли, которую исполнял Диди) эта новая «бразильская школа» была бы невозможна. Повторяю, я отнюдь не собираюсь «обожествлять» Диди, именно поэтому упомянул в скобках о «другом футболисте в роли Диди»; я убежден, что не будь Диди, кто-то другой должен был бы занять его место в команде, а точнее, играть его роль, выполнять его функции.

«О чем, собственно говоря, идет речь?» — слышу я раздраженный этими долгими и витиеватыми отступлениями голос читателя, требующего ясности и определенности. Понимая справедливость этого раздражения, перехожу от слов к делу, то бишь к объяснению роли Диди в бразильской сборной да и вообще в «новом бразильском футболе» образца 1958—1962 годов.

Диди был диспетчером команды. Сказав это, я слышу разочарованные вздохи: «Ну и что? Подумаешь, диспетчер! В каждой команде есть диспетчер!»

Увы, не в каждой. И если есть, то далеко не всегда такой, как Диди. И дело не в индивидуальном мастерстве этого футболиста. Не в его знаменитом «сухом листе», не в умении послать мяч через все поле в самую опасную для противника точку поля, где назревает самое острое развитие атаки! Диди был не просто диспетчером, распределяющим мячи, орга-

низующим игру своей команды. Он был (не являясь капитаном!) единодушно признанным и неоспоримым лидером команды, сплавляющим в единый порыв одиннадцать разных темпераментов, настроений, характеров, индивидуальностей. А ведь, заметим мимоходом, в бразильском футболе добиться такого «сплава» гораздо труднее, чем в любом другом: бразильские футболисты обладают куда более ярко выраженными игровыми индивидуальностями, да еще плюс к этому нервным, легко воспламеняющимся темпераментом.

Эту роль, эту функцию Диди не получил от тренера. Да ее невозможно «дать» или «получить» кому-то. Он стал «диспетчером», лидером сборной команды с той же естественностью, с какой играл эту роль сначала во «Флуминенсе», а затем в «Ботафого», в знаменитом «Ботафого» «образца 1956—1958 годов», где рядом с ним играли Нилтон Сантос и Гарринча, а тренером был Жоао Салданья.

Появление Диди, а точнее говоря, появление в бразильских командах игроков-лидеров, игроков-диспетчеров, лучшим из которых являлся Диди, и ознаменовало рождение нового бразильского футбола. Явилось его не менее важной находкой, чем воспетая в стихах и прозе математическая формула 4—2—4. И было связано неразрывными узами с рождением этой формулы, этой тактической схемы. Появление на поле четырех защитников (вместо прежних трех) и четырех нападающих (вместо пяти — по прежней схеме «дубль-ве») означало не механическое перераспределение игроков внутри поля, а появление новых функций в футболе, новой системы игры не только команды в целом, но и каждого игрока в отдельности. Эти четыре защитника стали отныне ИНЫМИ

защитниками. Они стали «держать» не определенных игроков противника, как это было раньше (левый крайний защитник «держит» правого крайнего нападающего), а свою зону, свой участок поля, и, следовательно, игрока противника, появляющегося в этой зоне. Футбольное поле, оставаясь прежним по размерам и разметке, вдруг обрело новые свойства, обнаружило неожиданно богатые золотоносные жилы, которые были скрыты от нелюбопытного глаза и которые можно было разрабатывать в течение долгих последующих лет.

Итак, игроки получали функции и задачи новые, но всегда конкретные. А «диспетчер» Диди стал выполнять весьма необычную для традиционного футбола функцию «свободного охотника»: он не имел ни определенного игрока противника, которого он должен был «держать», ни четко очерченного участка поля, на котором он должен был играть. Он стал этаким вольным художником, который на первый взгляд делал на поле то, что ему вздумается. В общем-то, так, пожалуй, оно и было: Диди и должен был играть так, как ему вздумается, в рамках, разумеется, разработанной тренером идеи, рисунка игры. Он должен был контролировать, в основном, среднюю зону поля, и его главной задачей был «свободный поиск» наиболее выгодных «продолжений» (выражаясь шахматным языком) как в обороне, так и в атаке. Само собою разумеется, что такую роль мог выполнять только игрок, обладающий не только высокой индивидуальной техникой, но и умением видеть поле, математическим пасом, выносливостью, авторитетом и, самое главное, творческим игровым мышлением. Четкая схема 4—2—4, расчертившая взаимосвязи игроков с пунктуальностью гео-

дезического планшета (вспомним, что даже мятежный, бунтарский Гарринча занимался своей черной магией в сравнительно узком «коридоре» поля), получила в лице Диди то самое «чуть-чуть», тот самый завершающий мазок, который превращает застывший холодный пейзаж во вдохновенную симфонию красок.

Диди стал мозгом команды, ее «компьютером», он играл так, как этого требовала ситуация, и менял ситуацию так, как это ему казалось нужным. Неожиданным пасом он мог перевести игру от своих ворот к штрафной площадке противника, бросая в прорыв Вава или Пеле, выводя по флангам Гарринчу или Загало. «Сухой лист» щедро использовался им не только для забивания фантастических голов, но и для пасов — иррациональных, сводящих защитников с ума, повергающих соперников в смятение и вызывающих на трибунах такую же буйную реакцию, как и веселые демонические финты Манэ Гарринчи.

Вспомним, что один из таких его пасов нашел Пеле в штрафной площадке сборной Уэльса, после чего будущий «король» футбола, стоя спиной к воротам, обыграл молниеносными финтами защитников, перебросив через них мяч, и, повернувшись, забил свой первый гол в матчах чемпионатов мира, который он до сих пор считает самым памятным, самым важным и, пожалуй, самым красивым в своей долгой биографии, где счет забитых голов перевалил за тысячу. Тот гол был единственным в матче и принес бразильцам трудную победу, выведя их в полуфинал.

Раз уж мы вспомнили об этом эпизоде, нельзя не сказать о том, что именно Диди, остававшийся лидером команды не только на поле, но и за его пределами, накануне третьего матча бразильцев в Шве-

ции против сборной СССР, зашел к тренеру Висенте Феоле вместе с капитаном Белини и Нилтоном Сантосом и настойчиво посоветовал поставить на этот матч двух новичков, двух запасных: Пеле и Гарринчу. И после этого матча Диди собрал команду и предложил поговорить по душам. Он был самый опытный среди них, и его слушали с не меньшим уважением, чем стали бы слушать тренера или падре. Диди говорил о том, что они могут стать чемпионами, могут привезти домой «Золотую богиню», но для этого нужно помнить уроки прошлого: восторженную истерику 1950 года, когда делилась шкура неубитого ягуара, и нервную встречу с венграми в 1954 году, которую попытались выиграть «на крике», на кулаках, забывая о том, что в футболе побеждают ногами. И головой.

Он говорил о том, что нужно думать не о себе и даже не о команде. Точнее говоря, не только о команде: нужно думать о Бразилии, о семидесяти пяти миллионах негров и белых, мулатов и креолов, которые в эти минуты молятся всевышнему о ниспослании победы. Которые уже двадцать лет мечтают увидеть «Золотую богиню», для которых это было бы единственной радостью. Счастьем. Свершением надежды. И для того чтобы эта мечта стала явью, нужно подчинить все свои мысли и чувства — всего себя! — борьбе. «Поэтому никто не имеет права отныне и впредь отвечать на удары противника по ногам, на подножки, спорить с судьей, подвергая себя риску удаления с поля. Никто не должен падать духом и протестовать, если судья не засчитает забитый нами гол. Нужно не плакать, а забивать следующий. А если понадобится, то и еще один... И если судья засчитает неправильный гол противника, то тоже нужно не рас-

кисать, а ответить на него нашим голом. Или двумя, если потребуется...»

И, может быть, именно потому эти слова оказались столь убедительными, столь весомыми, что сказаны они были не тренером, которому «по штату» положено говорить нечто в этом роде, не начальником команды, которому именно за это идет зарплата, не штатным психологом и не внештатным «пропагандистом», а футболистом. Таким же, как остальные двадцать один. Только чуть опытнее, чуть старше, чуть прозорливее остальных.

И этот чемпионат был выигран бразильцами чисто. По всем статьям. Без единого пятна. И при подавляющем преимуществе в матчах с самыми сильными соперниками, о чем говорит одинаково разгромный счет полуфинального и финального матчей — 5 : 2. Десять голов, забитых в ворота сборных Франции и Швеции, занявших второе и третье места!

После чемпионата мира 1958 года Диди предпринял самую необъяснимую авантюру в своей жизни: он упросил «Ботафого» продать себя мадридскому «Реалу», где блистали «сверхзвезды» футбола: Ди Стефано, Пушкаш, Хенто. Однако там ему не очень повезло. Бразильская печать утверждает, что ему трудно было ужиться с Ди Стефано, что знаменитый европеец не желал ни с кем делить своей славы, своего места и положения в команде. А превратиться в простого полузащитника, ограниченного обычными задачами, Диди не мог. Недаром его прозвали «Черный принц»!

Спустя некоторое время «Ботафого» сжалился над блудным сыном и выкупил его обратно. Возвращение Диди превратилось в праздник, сопровождавшийся осадой аэропорта болельщиками, иллюминацией

здания клуба на улице Женерал Севереано и подписанием нового миллионного контракта. Чемпионат мира 1962 года стал достойным завершением «игровой биографии» Диди, который, правда, еще некоторое время не расставался с мячом, но затем понял, что всему бывает конец. Получив приглашение из Лимы, он поехал туда и стал тренером скромной команды «Спортинг-Кристал», где работал до тех пор, когда руководители перуанского футбола решили пригласить его к руководству сборной команды страны. Перед Диди была поставлена задача, которая на первый взгляд могла бы показаться невыполнимой: классифицировать Перу среди шестнадцати финалистов мексиканского чемпионата мира. Почему невыполнимой? Да потому, что перуанский футбол был в то время совершенно не подготовлен к этому.

Ссылаясь на загадочные рисунки, найденные в поселениях древних индейцев кечуа и изображающие игры с предметами, похожими на мяч, некоторые перуанские историки берут на себя смелость утверждать, что футбол в Перу родился едва ли не раньше, чем в Англии. Даже если это и так, послужной его список отнюдь не был отмечен никакими приметными свершениями. Если еще в доколумбову эпоху древние подданные инкского государства пинали ногами некое подобие резиновых шаров, изготовленных из «дикого» каучука, то в XX веке наследниками индейцев кечуа — перуанцам — довелось лишь однажды вкусить сладость участия в чемпионате мира по футболу, да и то в первом, в 1930 году, когда число участников было столь невелико, что брали, так сказать, всех желающих, невзирая на лица и на умение или неумение играть в футбол. Впрочем, для того чтобы выиграть «Золотую богиню» даже в тот раз, нужно было обла-

дать, помимо энтузиазма, чем-то еще, чем не обладали перуанцы, и их краткое участие в том давнем турнире было отмечено меланхолическим нулем в графе «завоеванные очки» и скандальной дракой, развязанной в первом же матче, проигранном 1 : 3 румынской команде, которая потеряла одного из защитников. Ему перуанцы сломали ногу. Второй матч, проигранный уругвайцам (0 : 1), поставил крест на робких надеждах наследников инкских футболистов и положил начало их долгим и бесплодным попыткам пробиться ежели не на вершину футбольного Олимпа, то хотя бы в число шестнадцати финалистов. Именно эта задача и была поставлена перед Диди.

Засучив рукава он взялся за дело, подогреваемый не только обещанными десятками тысяч долларов, но и чисто спортивным азартом: с такой же отвагой (или безумием?!) бросается какой-нибудь искуситель судьбы с обрыва, не зная, найдет ли он глубину или врежется в камень, предательски скрытый под водой.

Нужно было все начинать сначала: показывать, как должен играть центральный защитник, что необходимо делать полузащитникам или вратарю. Нужно было объяснять, почему не следует опаздывать на тренировки и задерживаться по вечерам в баре на углу. Нужно было говорить о дисциплине и распорядке дня, о питании и умении владеть своими нервами в трудных ситуациях; таких трудных ситуаций предвиделось много: ведь главным соперником перуанцев в отборочной группе стала грозная аргентинская команда, значительно превосходившая их во всех отношениях и всегда ранее выигрывавшая у перуанских команд с подавляющим преимуществом.

Постепенно скуластые парни стали понимать, чего от них хочет этот стройный, спокойный Черный

принц. Его прозвали Учителем. И самое высшее удовлетворение он получил после памятного эпизода с Фуэнтесом. Накануне товарищеского матча с Уругваем у Фуэнтеса умер отец. Сборная уже была на режиме «концентрации»: отгороженная от внешнего мира стеной молчания и покоя. Диди сообщили об этом утром. Он сам решил рассказать игроку о постигшем его несчастье. Вошел к нему в комнату, сел рядом с ничего не подозревавшим Фуэнтесом и завел долгий разговор «за жизнь». Он говорил о подобных же случаях, рассказывая о том, как тяжело отражается смерть близких на человеке, как она может выбить из колеи кого угодно, если ты не обладаешь волей, характером... Если ты не настоящий мужчина... И где-то в ходе беседы он сказал парню о смерти отца и сообщил, что Фуэнтес, естественно, освобождается от режима «концентрации» и от предстоящего вечером матча.

Кусая губы, тот отправился на похороны отца. А вечером вдруг появился на стадионе и попросил, чтобы ему дали возможность сыграть.

Сказать по совести, эта ситуация может показаться какой-то странной. Играть в футбол в день смерти отца?! Трудно залезть в чужую душу. Может быть, Фуэнтесу легче было забыться таким образом?.. Я рассказал об этом эпизоде только для того, чтобы показать, как бережно относился к своим питомцам Диди, и упомянуть, что этот случай был переломным в жизни команды. После него авторитет тренера, доверие, вера в него стали абсолютными.

О том, какое значение придавала страна завоеванию путевки в Мексику, свидетельствует тот факт, что накануне первого матча с Аргентиной команду принял в своем дворце президент Перу генерал Веласко

Алварадо. Церемония была краткой и волнующей: глава государства собственноручно вручил одиннадцати «титуларес» футболки, в которых они должны были завтра выйти на матч с аргентинцами. «Победить или умереть!» — таков был лозунг. Все понимали, что только выигрыш на своем поле даст какой-то шанс на победу в группе и на путевку в Мексику. И они добились этой победы: впервые в истории сборная Аргентины была повержена перуанцами со счетом 1 : 0. Потом были новые матчи: и перуанцы и аргентинцы проиграли сборной Боливии в Ла-Пасе и выиграли у нее у себя дома. Эти поражения были запланированы, ибо никто не может надеяться выиграть у боливийцев на их стадионе, расположенном на высоте три с половиной тысячи метров над уровнем моря, на которой человек, приехавший «с равнины», не может не то что играть в футбол, но даже и ходить-то быстрым шагом. И к финальной встрече в Буэнос-Айресе сборная Перу пришла с двумя очками разницы, вследствие чего ее устраивала ничья.

Ничьей и закончился матч, повергший Аргентину в траур, Перу — в водоворот восторга и окончательно превративший Диди в «идола», в национального героя, в кумира, более обожаемого и почитаемого, чем древние императоры Куско.

Рассказывают, что встреча команды, возвратившейся из Аргентины, превратилась в праздник, каких не помнит история страны. И когда, пробившись сквозь нескончаемые толпы рыдающих от счастья и пляшущих соотечественников, футболисты ввалились в президентский дворец, президент первым обнял босого, потерявшего галстук, потного, растрепанного Диди и — как утверждает перуанская пресса — шепнул ему на ухо: «Послушай, где твой бразильский

паспорт? Давай порвем его, и ты станешь перуанцем». Так спустя тринадцать лет Диди «реабилитировал» себя в глазах перуанцев за тот злосчастный «сухой лист» 1957 года, преградивший им дорогу в Швецию.

И вот теперь сам он становился на пути своих товарищей, на пути Пеле и Загало, которым он говорил тогда, в Швеции: «Нужно думать не о себе. О Бразилии. О нашем народе, который ждет эту победу — единственную радость, отпущенную ему судьбой».

Вскоре после победы перуанской команды в отборочных играх кто-то из журналистов спросил его:

— Ну а если нам придется играть с Бразилией?..

В тот момент эта гипотеза была сугубо теоретической. Абстрактной и далекой. Еще не была проведена жеребьевка. Тонкая ручка Моники еще не определила судьбы и пути шестнадцати команд.

Диди улыбнулся и сказал:

— В этом случае я выведу команду на поле, закрою глаза, и пусть случится так, как угодно всевышнему.

Спустя полгода после окончания мексиканского чемпионата мне довелось интервьюировать Диди. Разумеется, одним из первых вопросов была просьба рассказать о том, как он себя чувствовал накануне и во время этого матча.

— Конечно, я понимал, что наша команда...

— Простите, Диди! Что значит «наша»?

Он засмеялся, закурил очередную сигарету, откинулся на спинку плетеного кресла и крикнул жене, чтобы принесла кофе.

— Буду говорить откровенно. Как профессионал, я гордился тем, что мне доверено руководить национальной сборной Перу. И старался сделать все возможное, чтобы оправдать это доверие. Похоже, что

мне это удалось. Но, разумеется, когда пришел черед встречаться с бразильской командой, я понял, что наша — ПЕРУАНСКАЯ — команда уступает ей. Тут не могло быть никаких иллюзий. Но и я, и все мои игроки решили сыграть как можно лучше. Чтобы, даже проиграв, нам не пришлось бы впоследствии краснеть перед миллионами перуанцев, которые послали нас в Мексику и ждали от нас достойной борьбы.

Все это кажется просто, но... как бразилец, как сын своего народа я чувствовал, конечно, что оказался в очень трудном положении. В конце концов, я ведь совсем недавно был игроком нашей сборной.

— Бразильской?

— Да, НАШЕЙ, бразильской. Мы дважды побеждали — в Швеции и Чили. И все знают, чего нам это стоило. Разве можно такое забыть? Я видел наш матч с англичанами, и едва не закричал от радости, когда Жаир забил гол. И когда начался матч нашей команды...

— Какой «нашей»?

— Перуанской. Когда мы начали матч с бразильцами. Когда я увидел, как наши парни, то есть бразильцы, выходят на поле в желтых футболках, в этих футболках, которые принесли нам столько славы, я... сознаюсь... в глубине души «болел» за моих соотечественников. За бразильцев. Но, как тренер, как профессионал футбола, я сделал все возможное для достойного выступления моей, перуанской команды.

Мы беседовали с Диди, как я уже сказал, спустя полгода после чемпионата, в январе 1971 года, когда он, расставшись с перуанским футболом, переехал в Аргентину, где стал тренировать некогда знаменитую своей мощью команду «Ривер-Плейт», скатив-

шуюся накануне прихода Диди в самый низ турнирной таблицы. Беседа была, как мне кажется, чрезвычайно интересной, и, хотя рассказ о ней разрывает хронологию повествования, я все-таки рискну «забежать вперед» и вкратце изложить мысли и суждения, высказанные знаменитым тренером в прохладном зале своего дома в Рио-де-Жанейро, куда он приехал из Буэнос-Айреса на пару недель — в отпуск.

Естественно, наша беседа началась с воспоминаний о минувшем — мексиканском чемпионате мира.

— Я считаю, — сказал Диди, — что с организационной точки зрения этот чемпионат был лучшим из всех. Да и чисто игровой аспект турнира обрадовал любителей спорта: ряд команд, в частности сборные Бразилии, ФРГ, Перу, показали интересные тактические новинки и творческие находки, даже если учесть, что большинство команд придерживалось уже известных схем: 4—3—3 и 4—4—2. Наша, перуанская команда слегка модернизировала их, играя 4—1—2—3.

— Можно ли и сегодня продолжать делить футбол на «европейский» и «латиноамериканский»?

— Мне кажется, что грань между этими двумя «школами» быстро стирается. Многие европейские команды, в частности команды ФРГ, Чехословакии, Югославии и Советского Союза, стали в последние годы демонстрировать футбол эластичный, футбол, отличающийся «мыслительной быстротой», то есть умением игроков все быстрее и быстрее оценивать игровые ситуации и отыскивать наиболее рациональные продолжения и ходы.

— А могли бы вы попытаться сделать прогноз развития футбола на ближайшие годы? Ведь совсем недавно говорилось, что ему угрожает «ничейная

смерть» вследствие бурного размножения всевозможных «замков», «бетонов», «задвижек» и прочих защитных систем. Похоже, что мексиканский чемпионат вселил в наши сердца оптимистические надежды?

— Я верю, что мы начинаем возвращаться к футболу эпохи двадцатых и тридцатых годов. Разумеется, я имею в виду не тактические схемы, не реставрацию «дубль-ве», а сам дух футбола. Тогда, лет сорок назад, футбол был ярким, увлекательным зрелищем, доставлял зрителям куда больше удовольствия, чем нынешний. Впоследствии футбол профессионализировался, и в погоне за очками тренеры стали думать не о том, как выиграть матч, а о том, как его не проиграть. Игра стала скованной, осторожной... Мне кажется, что сейчас начинается обратный процесс раскрепощения игроков.

— Если проследить развитие тактических схем, то можно заметить, что в течение последних полутора десятилетий количество нападающих, точнее говоря, количество выдвинутых вперед игроков, которых принято относить к категории «чистых» нападающих, все время уменьшалось. Схема «дубль-ве» с пятью нападающими была вытеснена бразильской новинкой 4—2—4, затем появились 4—3—3 и 4—4—2. Не означает ли это, что вскоре на переднем крае атаки мы увидим в командах всего лишь одного футболиста?

— Не думаю. Я могу только предположить, что футбол станет более агрессивным, более «свободным». Нельзя выигрывать, нацеливаясь на ничью или на победу с минимальным счетом. Именно мы, тренеры, были виноваты в появлении скованного футбола, заботящегося об обороне. И именно мы, тренеры, обязаны сейчас развязать творческую инициативу футболистов. Ведь они, спортсмены, всегда любят играть

интересно и остро. Так надо предоставить им возможность играть так, как им нравится.

— В Бразилии накануне чемпионата велась острая полемика в связи с двумя различными концепциями Салданьи и Загало по вопросу конструирования линии атаки. Салданья предпочитал игру с двумя выдвинутыми вперед крайними нападающими и одним центральным. А Загало изменил эту схему, сосредоточив двух форвардов в центре и одного — Жаирзиньо — на правом фланге, в то время как левый крайний нападающий был у него оттянут назад (Ривелино). Как вы относитесь к этому спору?..

— Хотя Загало стал чемпионом мира, но мне больше импонирует схема Салданьи: он стремился использовать всю ширину поля, в то время как у Загало фронт атаки иногда был сужен: левое крыло нападения, левый фланг поля как бы пропадали.

— Сейчас ведется спор о судьбе «либеро», «чистильщика», игрока защиты, являющегося своего рода «свободным охотником». Многие утверждают, что «либеро» отмирает, что необходимость в игроке такого рода постепенно отпадает. Вы согласным с этим?

— Нет, я продолжаю считать, что роль «либеро» важна. Но нужно уметь ее играть. Так, например, как Беккенбауэр: он не только организует действия защиты и подстраховывает товарищей, но и умеет неожиданно и остро подключаться в атаку.

— Не могли бы вы проанализировать выступления команды Загало в Мексике? Что явилось главным в достижении победы?

— Прежде всего я хотел бы отметить, что на сей раз команда была очень хорошо организована: в ней царила атмосфера спокойствия, уверенности в своих силах, веры в победу. Что касается самой команды,

то, на мой взгляд, сборная Бразилии сейчас обладает лучшей в мире линией атаки и полузащиты. Что же касается защиты и вратаря, то они были далеко не самыми сильными на чемпионате.

— Кого бы вы назвали лучшими?

— Троих: Пеле, который не нуждается в похвалах, Жаирзиньо, молодой, выносливый и напористый футболист, и Жерсон, — спокойный и хладнокровный.

— Могли бы вы сравнить нынешнего Пеле с тем юношей, которого вы когда-то напутствовали в его первом матче шведского чемпионата мира против нашей, советской команды?

— Разница огромная: тот Пеле был мальчик, талантливейший и одаренный, но лишенный — и это естественно — опыта, чувства ответственности, зрелости. Сегодня мы видим Пеле в расцвете сил. Он понимает ношу, лежащую на его плечах, сознает свою роль в команде, свое особое положение.

— Вы упомянули об атмосфере спокойствия и уверенности, царившей в бразильской команде в Мексике. Очевидно, она явилась следствием хорошей психологической подготовки футболистов. Помнится, в 1958 году в составе бразильской делегации был даже специальный врач-психолог, доктор Карвальяэс. Потом он не приглашался руководителями бразильского футбола. Означает ли это, что опыт не был оценен положительно?

— Я считаю, что важность психологической подготовки трудно переоценить и с этой точки зрения высоко оцениваю роль Карвальяэса в нашей команде 1958 года. Когда я получил перуанскую команду и стал ее готовить к отборочным играм, мне пришлось многое использовать из нашего, бразильского опыта.

Диди стал первым тренером в Перу, организовавшим систему «интегральной» подготовки к чемпионату: если раньше и клубы, и сборная тренировались два-три раза в неделю, то Диди стал работать с командой два раза в день — утром и вечером. Разумеется, это потребовало перестройки всей жизни спортсменов: за полгода до чемпионата они были созваны на сбор и стали жить на тренировочной базе. Разрешались «увольнения» для свидания с семьями и друзьями. Обычно это было по воскресеньям. Сначала кое-кто запаздывал к отбою, кое-кто возвращался навеселе. Без криков и истерик, без суровых наказаний Диди сумел добиться того, что накануне чемпионата в команде уже не было никаких нарушений режима и дисциплины. Футболисты поняли и почувствовали, чего добивается тренер.

Диди является безоговорочным сторонником такого метода тренировок не только в сборной, но и в клубах. Он высоко оценил опыт бразильских команд «Сан-Паулу», «Флуминенсе» и «Интернасионал», которые во время региональных чемпионатов держат игроков на режиме постоянной концентрации, отпуская их домой после матча в воскресенье лишь на два дня.

— Игрок-профессионал, если он хочет добиться чего-то, обязан отдавать спорту всего себя, — говорит Диди. Правоту его слов подтверждает тот факт, что именно три вышеназванные команды в 1970—1971 годах добились наиболее заметных побед, став чемпионами своих штатов, а «Флуминенсе», помимо этого, выиграла Серебряный кубок Бразилии.

Вспоминаю любопытный разговор.

Возвращаясь к чемпионату мира в Мексике, я попросил Диди проанализировать его итоги: считает ли

он, что в четверке победителей оказались действительно самые сильные команды.

— Трудно ответить на этот вопрос, — говорит он. — Ведь, к сожалению, в Мексике еще играл свою роль случай, судьба, фактор «везения» или «невезения», когда от ошибки одного игрока рушились надежды команды, и уже не было возможности поправить что-то. С этой точки зрения новая формула, предложенная ФИФА для будущего чемпионата, гораздо лучше. Возможно, там не повторится печальных историй, незаслуженно вычеркнувших из группы призеров команды Англии и Советского Союза и, пожалуй, отразившихся на результате команды ФРГ.

— Раз вы упомянули о нашей команде, не могли бы вы оценить ее игру?

— Я не смог увидеть ее в Мексике, поскольку она играла в иной группе. Однако я хорошо знаком с советским футболом и с вашими игроками. Считаю, что вы добились большого прогресса с 1958 года, когда я впервые увидел вашу команду. Пожалуй, за эти двенадцать лет — от Швеции до Мексики — вы проделали, скажем, двадцатилетний путь. Иными словами, двадцать лет вы сжали в двенадцать лет. Ваши игроки сейчас отличаются техникой, они гибки, умеют обращаться с мячом, отличаются хорошей скоростью мышления. Кроме того, у них был на чемпионате мира тренер, которого я считаю одним из лучших знатоков футбола. Вашим в чем-то не повезло, но я уверен, что в 1974 году они смогут сыграть лучше и будут одним из самых грозных соперников для остальных команд.

— Поскольку сейчас вы работаете в Аргентине, хотелось бы услышать ваше мнение об аргентинском футболе.

— Аргентина заслуженно обладает традиционно высоким престижем. Тот факт, что ее сборная не попала в Мексику, объясняется не слабостью аргентинской команды, а организационными неполадками, постоянной чехардой тренеров, которые вывели футболистов из равновесия. Я не сомневаюсь, что Аргентина будет претендовать на высокое место в «табели о рангах» 1974 года.

— Назовите трех лучших футболистов Аргентины.

— Лучший из них — Перфумо, кроме него, выделяются техникой и опытом Оскар Мас и Даниэл Онега.

— А ваша команда «Ривер-Плейт», как она выглядит сейчас?

— Более или менее... Когда я пришел туда, я нашел «штаты» клуба слишком раздутыми: 32 футболиста! Пришлось прибегнуть к сокращениям, убрать нескольких «старичков», подобрать молодежь из числа юношей, игравших в дубле. Постепенно дела команды стали выправляться, и она стала подниматься в таблице.

Диди и в этом случае проявил скромность. Бразильские коллеги, наблюдавшие его работу в Аргентине, рассказывали мне, что Диди не только спас «Ривер-Плейт» от развала, но превратил ее в самую популярную команду страны: уже через полгода после его прихода в команду количество зрителей, посещавших ее матчи, удвоилось! Почему? Не только потому, что «Ривер» стал побеждать и выбрался на одно из первых мест в таблице. А прежде всего потому, что Диди силой своего таланта, мощью своего авторитета раскрепостил аргентинцев, погрязших в последние годы в болоте силового футбола, заставил игроков «Ривера» не «работать» на поле, а ИГРАТЬ.

— А что это была за история с дипломом, о котором писала мировая пресса? О том, что вам разрешили руководить матчами только с трибун?

— Дело в том, что в Аргентине существует правило, по которому лицам без тренерского диплома не разрешается работать с командой. Уважая это решение, мне приходилось действительно работать, сидя на трибуне среди зрителей. Но недавно я получил диплом — его прислали мне из Мексики, где я в 1966 году учился в школе тренеров, — и теперь конфликт с профсоюзом тренеров исчерпан. Сейчас я работаю нормально.

— Кстати, что это за «профсоюз тренеров»? Ведь в Бразилии такого профсоюза нет?

— И жаль, что нет. Профсоюз тренеров — это обычный профсоюз, защищающий их права перед нанимателями — руководителями клубов. Такой орган, по моему убеждению, должен существовать всюду, и не только для тренеров, но и для футболистов.

— Раз уж зашла речь о тренерах и их правах... После чемпионата мира в ряде стран, команды которых выступили не совсем удачно, тренеры сборных были отстранены. Вы считаете, что такая мера способствует повышению класса сборной?

— Ни в коем случае. Как бы слабо ни сыграла команда на чемпионате мира, какие бы ошибки ни совершил ее тренер, все равно этот турнир стал для него источником громадного опыта, который он нигде и никогда не почерпнет. И когда его увольняют, он уносит этот опыт с собой, а его преемнику приходится начинать «от нуля».

— А почему вы все время работаете за пределами Бразилии? Разве вам не хотелось бы взять какую-то из своих, бразильских команд?

— Хочется, и я всерьез думаю об этом. Мне поступает много приглашений, и когда кончится срок моего контракта с «Ривер-Плейт», я, возможно, вернусь домой. Но не уверен, буду ли продолжать работать тренером. Честно говоря, я устал от суматохи у кромки поля. Меня сейчас больше привлекает организационная работа, и поэтому не исключено, что я предпочту беспокойные обязанности тренера не менее важной роли «супер-визора» — «начальника команды» в одном из бразильских клубов.

...Матч со сборной Перу не был особенно труден для бразильцев. Уже на четвертой минуте математически рассчитанный (совсем как некогда у Диди) пас Жерсона вывел Пеле к воротам, и мощный удар в штангу явился увертюрой предстоящего штурма. Конечно, перуанцам не на что было надеяться! На 11-й минуте, разыграв отличную комбинацию в одно касание с Тостао, Пеле вдруг неожиданно откатил мяч назад Ривелино, и тот с ходу послал его в ворота. Казалось, он уходит за лицевую линию, но в последний момент он, вращаясь, ударился в штангу и ввинтился (совсем как у Диди) в сетку. 1 : 0. Спустя пять минут после хитроумного маневрирования Тостао и Ривелино на левом фланге счет увеличился до 2 : 0. В этот момент, вероятно, всем стало ясно, что чудес все же не бывает. Диди сделал больше того, что от него требовалось: он не только классифицировал Перу среди шестнадцати финалистов, но и вывел команду в четвертьфинал. Бороться с Бразилией — на это у его подопечных уже не было сил. И умения.

Но воздадим должное их мужеству! Они понимали, что все потеряно, но не сдавались! Может быть, вспоминали матч в Буэнос-Айресе. Может быть, свою первую встречу здесь, в Мексике, с командой Болга-

рии, которую они проигрывали 0 : 2, но сумели выиграть, забив подряд три гола. И Диди имел право гордиться ими: его парни доказали, что они бойцы. Что они спортсмены, которые не складывают оружия и ведут борьбу до последней минуты, которые понимают, что надежда умирает последней. Но даже после того, как и она умирает, остается еще мужская гордость и честь флага, цвета которого горят на твоей футболке.

На 27-й минуте Гальярдо рванулся по левому флангу, воспользовавшись тем, что Карлос Альберто ушел вперед. Феликс был бессилен, счет стал 2 : 1. И снова Бразилия устремилась в атаку, и снова блеснул мастерством Тостао, который, подхватив мяч, переброшенный Пеле через вратаря Рубиньоса, вонзил его под верхнюю штангу. И снова не хотели сдаваться эти гордые потомки инков! Блестяще прорвавшись по центру, Кубильяс забил неотразимый гол, который сделал бы честь любому из будущих чемпионов. И тогда пришел черед Жаирзиньо: он прошел по левому флангу и, обыграв защитника с вратарем, точным ударом послал мяч в пустые ворота... 4 : 2.

До конца оставалось совсем мало времени. Исход встречи был решен: перуанская команда прощалась с Мексикой, бразильцы выходили в полуфинал. Зрители начали покидать стадион «Халиско», торопясь к автобусам и бросаясь за редкими такси. Телекамеры все чаще и чаще показывали на экранах одиноко сидящего на скамейке Диди. Мало кто знал в эти минуты, как тяжко приходится ему: старый недуг, являющийся эхом давней травмы, обострился как раз накануне матча. Пронзительные боли в позвоночнике мешали ему следить за происходящим на поле и руководить действиями своей команды. Но никто из пе-

руанских игроков даже и не подозревал об этом: Диди никому ничего не сказал. Стиснув зубы, он собрал свою волю в кулак и довел матч до конца.

* * *

Выиграв у команды Диди, бразильцы вышли в полуфинал, где их соперником стала сборная Уругвая, только что одержавшая бесславную победу над советской командой.

Но, прежде чем перейти к полуфиналу, вернемся еще раз в Бразилию и расскажем об одном, связанным с футболом «хобби» бразильцев. Точнее говоря, не «хобби», а скорее эпидемии, охватившей эту страну накануне чемпионата. Мексиканский турнир стал своеобразным допингом, стимулировавшим эту страсть, превратившим страну в... впрочем, не будем спешить с определениями и сравнениями! Представим читателю возможность сделать собственные выводы на основании фактов и цифр, которые будут приведены в главе, которая называется...

Пусть неудачник плачет

Тощий, замученный жизнью и жарой пес Арлекин задумчиво облизывал драный резиновый шлепанец Зеки. Зека не замечал этого. Сжимая черными пальцами обломок карандаша, он сосредоточенно созерцал длинный зеленый листок бумаги, разлинованный на три графы. С одной стороны в ухо ему дышал жареным чесноком Дамиан, безродный старец, кормившийся вместе с Арлекином на кухне «Лузитании». С другой стороны на талон глядел холодным взглядом специалиста выбритый до блеска Флавио. Он служил лифтером в отеле «Плаза Копакабана» и каждый вторник (свой выходной) отводил этому священному обряду: прогнозированию очередного тура футбольной лотереи. Вместе с Зекой и Дамианом. Почему втроем? Да потому что Зека считался в «Лузитании» удачником, у него был «хороший глаз». А старика просто было жалко. Он далеко не всегда и долю-то свою платил. Но Зека и Флавио молчаливо соглашались «поверить в долг». И понимающе качали головами, когда Дамиан говорил, что после первого же выигрыша внесет сполна все свои деньги за талоны, за все туры, в которых они играли втроем.

Вокруг, на всех остальных столах «Лузитании», да и на прилавке у Педро виднелись талоны. В вязком и колючем сигаретном дыму ботекина плавали загадочные для профана, но на самом деле преисполненные глубочайшего смысла фразы.

— «Васко» и «Флу» просятся на «трипло».

— Нет, на сей раз «Васко» выиграет: Денилсон во «Флу» не играет.

— В третьей встрече ставлю крест справа.

— А я — в середине. «Палмейрас» сильнее, но он — в гостях.

— Да и Адемир, кажется, потянул связки.

— Тем более.

— «Сантос» и «Ипиранга»... Ха! Что это еще за «Ипиранга»? Кто-нибудь слышал что-нибудь о ней?

— Будет «зеброй».

— Почему?

— Она дома. Там, в Араракуаре, с ней никто не справится. Там на архибанкаде — больше пистолетов, чем в арсенале Второй армии. Никакой Пеле не спасет.

— Значит, что?

— Как минимум «дупло»: справа и в центре.

— А я ставлю «трипло».

— Ну, если тебе денег не жалко...

Это сумасшествие продолжалось с утра до вечера. С того момента, как Педро, кряхтя и охая, вздергивал вверх железные жалюзи, и до того, как Сильвия — где-то уже на рассвете — уводила своего последнего клиента, и черная Лурдес выливала на кафельный пол ботекина ведро белой едкой «санитарной воды» и бралась за щетку. Это продолжалось с утра до вечера вот уже более полугода. И с каждой неделей страсти раскалялись все больше и больше. В этом смысле «Лузитания», впрочем, не была исключением: весь Рио сошел с ума. Да, да, весь Рио. От грязных притонов Каскадуры и Сан-Кристована до отделанных

каррарским мрамором апартаментов супругов Майринк-Вейга — одного из богатейших семейств Рио. От приемных салонов прохладной губернаторской канцелярии во дворце «Гуанабара», что рядом со стадионом «Флуминенсе», до вагоноремонтных мастерских вокзала «Леопольдина». Всюду, всюду, всюду кариоки колдовали над магическими талонами «Лотерия Эспортива», или, как ее назвали в первые же дни после ее появления, «Болао». Было от чего сойти с ума! Уже в самом первом, опытном туре лотереи, проведенном без всякой рекламы, без подготовки, без организации, участвовало 77 тысяч человек. Во втором туре количество проданных талонов подскочило до 180 тысяч! Спустя всего два месяца, в десятом туре, в погоню за счастьем устремились свыше двух миллионов кариок. То есть ровно половина города! Ну а во всех двадцати восьми турах, проведенных с апреля по декабрь 1970 года, было продано свыше 80 миллионов талонов на общую сумму 475 миллионов крузейро, что составляет около 100 миллионов долларов. И это несмотря на то, что лотерейные агентства и организованная продажа билетов были налажены только в двух городах страны: Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу!

Секрет сенсационного успеха лотереи объяснялся весьма просто. Она сумела объединить две самые сильные страсти бразильца, два огня, жгущие его душу: футбол и азартные игры.

Ну, что касается футбола, тут комментарии не нужны. А вот относительно страсти соотечественников Пеле и Гарринчи к азартным играм следует сказать подробнее.

Этой слабостью они страдают со времен Педро Альвареса Кабрала, открывшего землю, названную

впоследствии Бразилией. Возможно, они унаследовали ее от европейских конкистадоров, которые, как известно, в погоне за дразняще-недоступным таинственным Эльдорадо, пускались на самые безрассудные авантюры. Сейчас, спустя четыре с половиной века, бразилец все так же любит бросать вызов судьбе. Не колеблясь, он рискнет последним сентаво ради призрачного миллиона, даже если шанс заполучить этот миллион будет столь же исчезающе мал, как вероятность находки золотого самородка в песке Копакабаны. Дюжине конкретных синиц, зажатых в руке, бразилец предпочтет весьма проблематичного и именно поэтому дразняще-привлекательного журавля в небе. Именно поэтому в течение долгого времени едва ли не самыми процветающими и рентабельными предприятиями в стране были казино, в стенах которых вырастали многие поколения горячих потомков Кабрала. Так продолжалось до конца второй мировой войны, до тех пор, пока пуританствующий президент маршал Дутра не принял два печально знаменитых декрета. В погоне за чистотой морали, за возвеличиванием святых идеалов семьи, собственности и нации маршал распорядился объявить вне закона компартию и закрыть казино.

Ни то, ни другое мероприятие не увенчалось успехом. Бразильская компартия, хотя и в подполье, продолжает здравствовать и по сей день. (Заметим попутно, что ни одна из партий, существовавших во времена маршала Дутры и ликовавших по поводу запрещения компартии, не уцелела до наших дней.) Ну а взамен изничтоженных маршальской рукой казино в стране возникла грандиозная сеть тайных игорных домов и притонов, замаскированных под рестораны и кабаре. «Лотерия Эспортива» поэтому появилась весьма кста-

ти. Она дала неожиданный и долгожданный легальный выход эмоциям, сдерживаемым долгими годами воздержания и подполья. Благодаря ей каждый гражданин Бразилии получил вполне законную возможность и даже право, отшвырнув в сторону конкретных и скучных синиц, устремиться в волнующую погоню за парящими в небесах журавлями. А поскольку эта охота облекалась в увлекательную форму разгадки футбольных ребусов, шансы на успех казались сказочно большими: ведь каждый бразилец — если он, черт возьми, настоящий бразилец! — всегда считает себя непререкаемым авторитетом в области футбола!

И в самом деле, эта штука кажется дьявольски простой: вы входите в агентство по продаже талонов спортивной лотереи, берете у смазливой девчонки длинную карточку, на которой обозначены тринадцать матчей предстоящего в субботу и воскресенье тура. Тринадцать встреч, в которых участвуют, как нетрудно догадаться, двадцать шесть команд. Вы должны обозначить свои прогнозы на все эти тринадцать матчей, проставив крестики в соответствующих графах карточки: либо возле команд, которые вы считаете вероятными победительницами, либо, если вы предполагаете в каком-то матче ничью, — в средней графе. И все! После этого вы сдаете карточку обратно, и, наградив вас очаровательной улыбкой, девушка протягивает вам ее копию вместе с квитанцией с обозначением суммы, которую вы должны заплатить за свои ставки. Дело в том, что подавляющее большинство кандидатов в миллионеры делают по нескольку двойных («дуплос») или тройных («триплос») прогнозов в тех случаях, когда результат игры представляется им не совсем очевидным. В матчах, например,

«Фламенго» и «Флуминенсе», которые по накалу страстей и традиционному отсутствию фаворитизма можно уподобить знаменитому финальному матчу на первенство СССР 1970 года между ЦСКА и «Динамо», болельщики предпочитают прогнозировать «триплос». Ну а когда, скажем, «Сантос» встречается с какой-нибудь скромной «Ипирангой» или «Понте-Прета», то тут обычно прогнозируется победа «Сантоса» либо «дупло»: победа «Сантоса» и ничья.

Кажется просто: нужно дать побольше двойных и тройных прогнозов на «сомнительные» матчи, и победа у вас в кармане. Увы, увлекаться «дуплос» и «триплос» опасно: плата за такие прогнозы стремительно возрастает и возрастает в геометрической прогрессии. За три «триплос» вы платите 27 крузейро, за пять — 243, за восемь — 6.561 и так далее. Для сведения можно указать, что средний заработок неквалифицированного рабочего в Рио-де-Жанейро не превышает обычно 150 крузейро. Поэтому большинство «играет по маленькой», платя за свои талоны от 2 до 10 крузейро. Если Рикардиньо Майринк-Вейга, мечтавший в случае выигрыша пригласить на ближайший карнавал в Рио Бриджит Бардо, мог позволить себе расходовать в каждом туре по полтысячи крузейро, то Старый Педро ни разу не платил за свои талоны больше дюжины монет. Старик тоже распланировал наиболее выгодное применение выигранных миллионов: часть средств будет положена в банк под проценты, вторая часть пойдет на покупку приличного ресторана поблизости от порта или на Копакабане. Остальные деньги он намеревался израсходовать на поездку в Португалию: надо же было в конце концов посетить когда-то отчую землю и поставить пудовую свечку святой Фатьме! Сильвия всегда

играла по два крузейро. Выиграв, она намеревалась покинуть свою нелегкую «работу» на прилегающей к порту площади Мауа́. Ей также грезился новый двухэтажный дом в Петрополисе и университетский факультет — для дочки. Сержант Лопес, как и Сильвия, играл по паре крузейро, но аккуратно: каждую неделю. Никогда не набирая больше восьми очков из тринадцати возможных, он не унывал, ибо верил в свою звезду. Он даже уже присмотрел небольшую фазенду около Санта-Крус (полчаса на автомашине от Рио, машину он, разумеется, тоже купит!) с птичником и банановой плантацией.

Ну а трое друзей — Зека, Флавио и Дамиан — покупали, как уже было сказано, свой талон в складчину — по четыре крузейро с носа. Хотя Дамиан никогда эти четыре крузейро не платил, он обещал вернуть «с первого же выигрыша» все сполна. За него раскошеливался Флавио. Возвращаясь после сдачи талонов со ставками в «Лузитанию», друзья строили свои планы. Зека мечтал о покупке лесопилки, Флавио загадочно улыбался, а Дамиан ни о чем не мечтал. Для него было ясно одно: выигрыш позволит ему первый раз в жизни набить живот досыта. А что будет потом, там увидим.

Каждый раз, когда по понедельникам газеты подводили итоги минувшего тура и печатали интервью с потрясенными победителями, «Лузитания» замирала, подавленная масштабами выигрышей. Было от чего обалдеть: какой-то Жовино, машинист маневрового паровоза на центральном вокзале, выиграл два с половиной миллиона в тот самый день, когда к нему в барак заявились полицейские комиссары с ордером о выселении за задержку арендной платы, а дирекция дороги подписала приказ об увольнении Жовино

за прогулы! Два с половиной миллиона свалились на голову парню. Два с половиной миллиона! Это был оклад Жовино за тысячу четыреста лет. Ну ладно, согласимся, что оклад его был нищенским, но даже если жить вполне прилично: каждый день покупать первосортное мясное филе, сливочное масло и молоко, даже если обзавестись дюжиной костюмов, купить машину, телевизор и вообще не экономить деньги, идя на рынок или в ботекин, и в этом случае по самым скромным подсчетам, сделанным Флавио при гробовом молчании всей «Лузитании», выигранных машинистом двух с половиной миллионов вполне хватило бы на 347 лет жизни!

Неделю спустя какая-то старуха, которая — подумать только! — ни разу в жизни не была на футболе, купив талон за два крузейро и наляпав своих корявых крестов в самых невероятных местах, выиграла три с лишним миллиона! С каждым туром размер выигрышей рос и вскоре достиг умопомрачительной величины: двенадцати миллионов крузейро. Сумма, которую просто-напросто невозможно было себе представить.

И как-то незаметно вся жизнь страны вдруг оказалась подчиненной законам лотереи. С понедельника по среду — лихорадочное обсуждение итогов минувшего тура и споры по поводу прогнозов на предстоящие в субботу и воскресенье матчи. В четверг и пятницу миллионы кандидатов в миллионеры устремлялись к окошкам агентств и контор, принимающих ставки. В пятницу, с приближением полночи, когда продажа талонов прекращалась, гигантские хвосты выстраивались по улицам Рио и Сан-Паулу, конторы вызывали полицию. До двенадцати часов ночи крики опоздавших, стоны придавленных в толкучке, ругань

пострадавших, потерявших кошельки и башмаки, плач детей повисали над городом. В какое бы учреждение вы ни зашли в эти дни, в какое окошко ни просовывали бы свою озабоченную физиономию, с каким бы чиновником ни сталкивались, где бы вы ни остановились — на перекур или в ожидании зеленого сигнала светофора, — прислушавшись к шепоту, спору или крику окружавших, вы наверняка слышали одно и то же:

— На пятый матч делаю «трипло».

— Говорят, раскрыли шайку в Мату-Гросу, которая пыталась покупать вратарей для «уточнения» спорных игр.

— Проклятье: третий раз подряд делаю по четыре очка!

— Говорят, на телестудии «Глобо» дают премию тем, кто не сделает ни одного очка!

Хотя в первые месяцы после своего появления лотерея была организована лишь в Рио и Сан-Паулу, лихорадка охватила всю страну благодаря неожиданно возникшей громадной армии «камбистов»: посредников, устремившихся с лотерейными талонами в «интериор» страны. С понедельника до четверга они колесили по пыльным дорогам Минас-Жерайса, Эспирито-Санто, Гояса и Баии, собирая ставки пастухов и гаримпейрос *, рыбаков и мелких лавочников, бродячих торговцев и солдат маленьких провинциальных гарнизонов, крикливых служанок и их властных хозяек. Во второй половине недели, но не позже пятницы, набив чемоданы и сумки затрепанными до дыр крузейро, «камбисты» возвращались в Сан-Паулу или

* Собиратели драгоценных камней.

Рио для оформления ставок. Размах этих операций разросся до того, что транспортные компании вынуждены были увеличить на дюжину рейсов в неделю автобусное сообщение этих двух «столиц» с Белу-Оризонте. Из 37 пассажиров рейсового автобуса, пришедшего 2 декабря 1970 года в Сан-Паулу, двадцать пять оказались «камбистами».

Эти люди, оперировавшие громадными суммами, понимали, что ходят по краю пропасти. Поэтому вскоре стихийно возник неписаный кодекс взаимовыручки и безопасности. Нечто вроде инструкции для дипкурьеров. За все время следования в автобусе, иногда более суток, они не выходили на стоянках, держались всегда вместе, спали по очереди, не выпуская из дрожащих рук чемоданы и сумки с деньгами. Все эти тяготы и неудобства с лихвой компенсировались в тот долгожданный момент, когда измученный постоянным страхом, голодом и бессонницей «камбист» прибывал на автобусный вокзал Рио или Сан-Паулу. Заинтересованные в громадных суммах, привозимых «камбистами» из «интериора», лотерейные агентства и конторы устраивали настоящую охоту за ними. Предлагали им бесплатные роскошные отели, обеды и ужины в ресторанах, такси и даже спутниц на субботу и воскресенье — два дня, которые «камбист» проводил в «столице». В понедельник он с первым же утренним автобусом отправлялся в очередной вояж куда-нибудь в Пиндамоньянгабу или Гуарапуаву, таща в чемоданах кипы талонов на очередной тур.

Страна жила лотереей, которая, словно выпущенный из бутылки джинн, готова была расправиться с теми, кто ее породил. В правительственные канцелярии, в судебные органы, редакции газет и журналов

посыпались письма, жалобы, заявления и протесты. Наряду с воплями моралистов, полагавших, что лотерея наносит удар по «святым традициям» и «незыблемым канонам», раздались голоса коммерсантов, обеспокоенных падением товарооборота. Меньше стали покупать не только обуви, сливочного масла и детских игрушек, но даже газет и журналов. Люди стали реже ходить в кино, меньше пользоваться такси, экономить на сигаретах и пиве. На покупку лотерейных билетов пошли тощие сбережения, хранимые в рассохшихся бабушкиных комодах, неприкосновенные суммы, отложенные на случай болезни или свадьбы, на отпуск или похороны. Школьники несли в лотерейные конторы сентаво, сэкономленные на утренних завтраках и бутербродах, казначеи касс взаимопомощи, бледнея от страха, выдавали заведомо гиблые ссуды, не очень редки были случаи, когда скромные, отмеченные премиями за многолетнюю беспорочную службу банковские кассиры и казначеи запускали лапу в сейфы. Благодаря лотерее Бразилия вышла в 1970 году на первое место в мире по импорту перфокарт для электронно-вычислительных компьютеров: ведь именно компьютеры выискивали победителей среди миллионов охотников за миллионами. В этом проглядывалась какая-то ехидная гримаса цивилизации: самое совершенное орудие прогресса было поставлено на службу суетливых «камбистов» и мятущихся владельцев лотерейных контор.

Ежемесячный оборот лотереи очень быстро перевалил за сто миллионов крузейро. Сто миллионов, украденных у коммерции, сто миллионов, на которые не были куплены лекарства, башмаки для детей, школьные учебники, рис, фасоль, мыло и... билеты на стадионы!

Да, да! Хотя это и покажется невероятным, пропагандируя футбол, лотерея стала «убивать стадионы». И дело не только в том, что многие из наименее обеспеченных «торседорес» стали ассигновать свою заветную пятерку, сэкономленную с такими трудами, не на архибанкаду «Мараканы», а на лотерейный талон. Нашлось немало таких, которые стали просто-напросто предпочитать спокойный радиорепортаж на дому с постоянным синхронным оповещением о ходе и результатах всех тринадцати матчей очередного тура лотереи утомительному путешествию на стадион. Родился и еще один неожиданный эффект: лотерея начала убивать в болельщике рыцаря. На бразильских стадионах, как, впрочем, на стадионах всего остального мира, всегда симпатизировали слабым. Скромная «Ипиранга» или «Санта-Крус», мужественно сражавшаяся с «идолами», «кобрами» и «звездами» «Сантоса» или «Фламенго», всегда могла рассчитывать на симпатии и поддержку торсиды. Увы, с появлением лотереи, когда все, кто сидел на трибунах, сжимали в потных кулаках зеленые талоны со своими прогнозами, где, как правило, победу приходилось отдавать фавориту — «Сантосу», «Фламенго», «Ботафого», ситуация изменилась. Охотники за миллионами не хотели терять свои миллионы. И голы, забитые «малыми» клубами в ворота «фаворитов», вызывали теперь не овации одобрения, а раздраженный свист негодования. Теперь не было места филантропическим эмоциям. Холодный расчет требовал торжества железной футбольной логики: сильные должны побеждать! А слабые — проигрывать! Так погибала поэзия и романтика футбола.

А во имя чего, позвольте спросить? Кто стал главным счастливцем, облагодетельствованным лотереей,

если не считать нескольких дюжин победителей? Во-первых, банковская сеть, которая получала приличные проценты от всех сумм, собранных с «апостадорес» — покупателей талонов. Во-вторых, Национальный институт социального обеспечения, который, правда, всегда функционировал настолько плохо, что ему лотерейные вливания все равно не смогли помочь. Кроме них, благотворительный «Бразильский легион взаимопомощи», распространяющий бесплатные завтраки в некоторых школах и покупающий башмаки нескольким сотням нищих детишек, министерство просвещения и культуры, а также Национальный совет спорта.

А команды, благодаря которым и ради которых появилась лотерея, не получали почти ничего.

* * *

...В один прекрасный день пробил наконец час и «Лузитании». Солнце медленно опускалось за спину равнодушно раскинувшего руки цементного Христа на горе Корковадо, когда окончился победой «Фламенго» последний матч дня. Не прошло и десяти минут после окончания репортажа, как в ботекин влетел обезумевший Зека. Хватаясь рукой за сердце, он рухнул на стул и потребовал лимонной батиды. Старый Педро вытряхнул из бокала коричневого таракана и, наливая настойку, поинтересовался, что случилось.

— Сколько времени? — спросил Зека, стуча зубами.

— Без пяти семь.

— Включай скорее транзистор! Включай выпуск спортивных новостей!

Педро покачал головой: парень, похоже, свихнул-

ся: транзистор, укрепленный над полкой с винами, никогда не выключался.

Зека глотнул терпкую кашасу, стукнув зубами о край стакана. Над прилавком раздались знакомые фанфары, диктор просил внимания: начиналось объявление результатов лотереи. Все, кто был в «Лузитании», достали свои талоны. Размеренно, словно сообщая военную сводку с поля сражения, диктор читал: «Матч номер один: «Флуминенсе» — один, «Васко» — два. Матч номер два: «Фламенго» — три, «Португеза» — ноль...»

Все сгрудились вокруг Зеки. С каждым результатом напряжение росло. Восьмой, девятый, десятый матчи... Педро схватился рукой за сердце. Одиннадцатый матч, двенадцатый... Охнула Сильвия. Тринадцатый, последний: «Форталеза» — два, «Ипиранга» — ноль!

Зека роняет талон и опускается на пол. Единодушный рев потрясает «Лузитанию». Тринадцать очков! Все матчи угаданы! Зека, Флавио и Дамиан — победители! Миллионеры! Ми-лли-о-не-ры!

Свершилось! Все-таки господь там, на небе, великодушен и милостив! Слава тебе, господи наш! Спасибо, что обратил свой мудрый взор на нашу убогую «Лузитанию»! Педро крестится, дрожа и еще не веря в случившееся. Неважно, что не он выиграл эти миллионы! Ему тоже повезло: теперь «Лузитания» прославится на весь город. Скоро прибегут репортеры. Фотографии появятся в газетах. Завтра появятся. «Лузитанию» покажут по телевидению! А это означает, что сюда сбегутся зеваки со всего района. Может быть, ботекин станет модным?

Вокруг уже толпились десятки знакомых и незна-

комых, завсегдатаев и случайных прохожих: весть о выигрыше разнеслась по всему кварталу. Сильвия, вытирая глаза, обнимала Зеку. Никто не мог разыскать Дамиана, который еще утром отправился собирать милостыню на Центральный вокзал. Флавио работал в отеле, но уж он-то знал: он всегда имел при себе копию талона.

«Лузитания» заполнялась народом. Бился в истерике Лоретти, сбежавший из своего киоска: он заполнил свой талон точно так, как Зека с Флавио, но в последний момент дьявол толкнул его под локоть, и Лоретти переделал результат тринадцатого матча, поставив ничью. Если бы не эта проклятая ничья, он делил бы сейчас с Зекой миллионы, как это было всегда, когда несколько талонов набирали тринадцать очков.

Лопес, растолкав зевак, схватил Зеку за плечо:

— А ну, вставай?

— Что, что такое? — слабым голосом отозвался Зека. Он озирался вокруг с какой-то отрешенной улыбкой, не узнавая друзей.

— Вставай немедленно! — крикнул Лопес.

— Что ты, сержант! Зачем трогаешь парня! Оставь человека в покое! — закричали вокруг.

— Да зачем же он тебе нужен? — качая головой, спросил Педро.

— Как это «зачем»? — рассердился сержант. — Он что, не собирается нам поставить хотя бы бутылку «Прайаниньи»?

Радостный рев оглушил Педро. Зека испуганно раскрыл глаза и начал приходить в себя.

— Где Флавио? — спросил он слабым голосом.

— Флавио сейчас придет, — сказал Лопес. — А ты пока давай распорядись.

Зека тряхнул головой и встал. Вокруг воцарилось молчание. Все выжидающе смотрели на нового миллионера. На человека, чье имя завтра появится на всех первых страницах газет. И даже за границей напишут о нем.

— Педро. Послушай, Педро, — сказал он, держась за плечо Лопеса.— Сдвигай столы. Вынеси их на улицу. Посылай за виски. Позвони в ресторан. В какой? В самый лучший. Пусть пришлют шампанского, лангуст, ветчины.

...«Лузитания» безумствовала всю ночь. Были опустошены винные погреба всех близлежащих ботекинов и ресторанов. Зека собрал нищих с окрестных кварталов и кормил их креветками и шоколадным тортом. Сильвия умывалась шампанским, вылив полдюжины бутылок в пластмассовый таз: это, как она объясняла всем и каждому, способствовало улучшению цвета лица.

К трем часам утра весь район уже знал о неслыханной вакханалии в «Лузитании». Матросы, удивленные отсутствием Сильвии и ее подруг на привычных перекрестках, вваливались в ботекин целыми экипажами. На улице выстроился громадный хвост пустых такси: водители дружно вздымали бокалы за здоровье Зеки, за процветание лотереи, за Старого Педро, за Сильвию, за футболистов — «три-кампеонов» — всех вместе и по отдельности, за «Менго» и «Флу», за «Васко» и «Ботафого».

Мальчишки, собранные Зекой из подворотен и подъездов, разносили бутылки шампанского по улице Санта-Витория: проснувшись к утру, каждая семья должна была обнаружить у дверей скромный подарок новорожденного миллионера. На рассвете бросили якорь у «Лузитании» и оранжевые грузовики ДЛУ —

департамента по уборке улиц. Полсотни мусорщиков и дворников активно братались с хмельными сержантами полицейских патрулей и косматыми плейбоями, возвращавшимися по домам из ночных притонов и наткнувшимися на бурлящий водоворот «Лузитании».

В полутемном углу сидел, склонившись над листком бумаги, Флавио. Он появился, когда начало светать. Взял стакан виски, брезгливо растолкал ватагу веселящихся матросов и сосредоточенно углубился в вычисления. Он был спокоен и преисполнен решимости. Теперь, когда пробил его час, он знал, что он будет делать. Заглядывая в толстый туристский путеводитель, забытый каким-то гринго в номере «Плазы», Флавио аккуратно подсчитывал предстоящие операции. Он умел считать и слыл среди завсегдатаев «Лузитании» специалистом по финансовым вопросам. Может быть, потому, что в розовой юности работал в банке «Братья Гимараэс». Разносчиком кофе. Впрочем, это не так уж важно. Тем более сейчас. Флавио считал долго, но при всех альтернативах итог получался один и тот же: до конца дней своих — даже если господь отпустит ему еще сто лет жизни — он окончательно обречен — именно обречен — утопать в хрустящих, шелестящих, лощеных дензнаках. Двенадцатимиллионная премия даже при самом примитивном, при самом убогом, лишенном воображения использовании — вкладе в банк на определенный срок под проценты — давала твердый ежемесячный доход в размере 300 тысяч! 300 тысяч — это в 30 раз больше оклада президента республики. И в 10 раз больше, чем зарплата Пеле в «Сантосе». Но, прежде чем думать о процентах, акциях и чековых книжках, хотелось помечтать. Предположим, он захотел бы для

начала кутнуть. Закатиться в Европу. Хотя бы на неделю. И не просто в Европу. А в «ту» Европу! В Европу высшего класса. Он листал справочник и делал выписки, сверяя цены «той» Европы с курсом крузейро. Одна неделя пребывания в самом роскошном номере (из четырех комнат!) в самом дорогом парижском отеле «Риц» — на Вандомской площади: по 15 тысяч в сутки. В неделю, стало быть, 105 тысяч. Для экскурсий по Парижу и окрестностям — три «роллс-ройса». Один — белый, для выездов по утрам. Другой — серебристо-жемчужный для полудня. Третий — торжественный, темно-голубой. 330 тысяч крузейро. Что еще?.. Трехязыковые секретарши с дипломами курсов ЮНЕСКО — служба круглосуточная в течение недели: 30 тысяч. Да, а гардероб? Предположим, портным будет знаменитый Черрути. Закажем ему, скажем, полдюжины костюмов, четыре смокинга, шесть свитеров (в Европе сейчас дело идет к зиме!), рубашки, сколько рубашек? Ну, две дюжины для начала. Что еще? Восемь пар обуви, штук восемь брюк, плащ, кофта из шерсти боливийских лам, шуба меховая из соболей или черной обезьяны. ...За все это 100 тысяч. Далее, возьмем, напитки. Шампанское! Шампанское — старая слабость Флавио. Две тысячи бутылок «Пьер Жоэ» с отпечатанным именем хозяина — то есть Флавио! — на этикетке: 300 тысяч. А если по приезде закатить обед в «Максиме»? На тридцать персон. Созвать все сливки бразильского общества, обитающего в Париже. От посла до писателя Антонио Кальядо. Меню: черная икра, консоме. Дальше в справочнике шли названия, от которых у Флавио закружилась голова: лосось, кабанья печень, пулярка. Что-то там еще? И все это — за какие-то 20 тысяч, включая чаевые! Смешно: уже не-

делю он пробыл в Париже, а истрачено всего лишь... сколько? ...885 тысяч. 12 миллионов, можно сказать, и не распечатаны!

Теперь уже Флавио не сомневался, что он поедет в Париж. И не только в Париж. Вокруг света! Париж — Лондон — Мюнхен. Что там еще?.. Мысли путались. Мюнхен как-то сразу же вспомнился: скоро там будет олимпиада, о которой все чаще пишет «Жорнал дос спортс». А что там, за Мюнхеном? Россия с ее загадочной Сибирью? Поедем и в Россию. Япония, где, говорят, была какая-то роскошная выставка? Поедем и в Японию. Оттуда — в Индию. Посмотреть на йогов. Что еще? США! Конечно! Там же надо послушать живьем великого Синатру! Нужно будет взять с собой Зеку. Пусть посмотрит, что такое настоящая жизнь! А Дамиан? Ну, старик, конечно, ни к чему. Он вообще не заслужил своей доли. Никогда не платил свои ставки! Вся «Лузитания» знает об этом. Да, да, никогда не платил! Ему можно будет сунуть отступного. Тысяч сто, скажем. Нет, полсотни. Или тысяч двадцать. А вообще-то говоря, что он с ними будет делать? Ему и жить-то осталось лет пять. Если не меньше. Зачем ему столько? Дадим ему тысчонку, и хватит с него.

...Вакханалия в «Лузитании» завершилась, когда город просыпался. Скрипнули жалюзи булочной напротив. Заспанный мясник звякал ключами, отпирая лавку и придерживая ногой велосипед, чтобы он не упал. Взвизгнул тормозами автобус, влетая на перекресток. Соуза, мотая свинцовой головой, погрозил ему вслед кулаком.

А в это время бледный Лоретти, только что открывший свой киоск и получивший первую утреннюю пачку «Жорнал дос спортс», неверными шагами шел

к «Лузитании». В дрожащей руке он сжимал газету, протягивая ее Флавио. Тот, подняв голову от своих бесконечных подсчетов, глянул на «шапку», пересекавшую первую полосу. И уронил карандаш. Набранная красным шрифтом «шапка» кричала: «СЕНСАЦИЯ!!! 18 с лишним тысяч человек стали победителями последнего тура. Премия, разделенная между ними, даст каждому победителю всего лишь по пятьсот с небольшим крузейро».

Двадцать лет спустя

«Они никогда не переставали думать, что всегда были лучше нас» — так писал журнал «Вежа» об уругвайцах накануне этого матча, подчеркивая остроту традиционного соперничества, уходящего своими корнями в давние пограничные, да и не только пограничные споры. Не будем преувеличивать их роль, однако учтем, что в подборке справочного материала к матчу Бразилия — Уругвай упомянутый журнал не забыл опубликовать напоминание о том, что с 1820 по 1825 год нынешние уругвайские земли были маленькой Цисплатинской провинцией великой бразильской державы и что само появление на свет «Восточной республики Уругвай» явилось следствием долгих баталий и распрь: «Может быть, играя против нас, уругвайцы потому всячески стремятся взбодрить и оживить свой дряхлеющий футбол, что именно в схватках с нами они находят путь своего самоутверждения? Именно против нас они себя чувствуют настоящими уругвайцами...»

В этом вечном стремлении маленькой страны бросить вызов своему гигантскому соседу можно уловить нечто библейское, ассоциирующееся с вечной темой Давида и Голиафа. Все население Уругвая можно разместить в Рио-де-Жанейро, щедро одарив персональными квартирами. И еще останется кое-какая жилплощадь! Однако на поле они всегда встречались на равных. Потому что на поле выходят не три миллиона против девяноста, а одиннадцать бойцов против

одиннадцати. И их дряхлеющий в последние годы футбол всегда наливался кровью и выпускал когти, когда на другой половине поля показывались желто-зеленые футболки бразильцев! Именно этим в первую очередь и объяснялось то памятное поражение бразильцев в финале четвертого чемпионата мира 16 июля 1950 года у себя дома (!) — на «Маракане», специально построенной для несостоявшегося торжества, для завоевания богини Нике. Вспомним, как это было...

За несколько дней до «великого финала» заранее ликующий Рио уже предвкушал сладость желанной победы. На каждом углу, в барах и автобусах, на обласканной океаном Копакабане и продымленной серой Оларии гремели праздничные марши. Впервые со времен открытия Бразилии Кабралом «кариоки» рассказывали анекдоты не о простаке-португальце, а о простофиле-уругвайце. В подвалах магазинов и на торговых складах уже были заготовлены миллионы вымпелов с гордой надписью «Бразилия — чемпион!», поздравительных открыток и фотографий. «Лузитания» закупила для предстоящих победных торжеств двойную норму пива и кашасы.

Через ров, отделяющий футбольное поле «Мараканы» от трибун, перекидывались мостки, по которым по окончании матча должны были перебраться празднично разукрашенные карнавальные машины и колесницы, осыпаемые тоннами серпантина и конфетти, размещенных в ожидании заветного мига на самом верхнем ярусе, на козырьке, предохраняющем трибуны от ветра и дождя. За трое суток до финального матча началось чествование будущих чемпионов мира: дело было накануне очередных выборов, и «концентрация» сборной превратилась в шумный проход-

ной двор, в азиатский базар, в этакую помесь одесской толкучки и бразильского карнавала. Сотни кандидатов в депутаты, в сенаторы и министры тянулись нестройной чередой, обнимая кумиров, хлопая по плечам, улыбаясь в дымящиеся от напряжения объективы кино- и фотокамер. Каждый хотел сфотографироваться с людьми, которые завтра станут чемпионами мира, ибо каждая такая фотография сулила куда больше голосов избирателей, чем велеречивые обещания, которые, в общем-то, были одинаковы у всех кандидатов.

В день матча газеты вышли под праздничными шапками. «Жорнал до Бразил» писала: «Бразильская команда, одержав свои сенсационные победы, выходит сегодня на поле с уже завоеванной славой сильнейшей команды мира. И надеемся, что немного погодя, по окончании двух великих схваток по 45 минут каждая, ее блистательный престиж будет окончательно подтвержден».

В это утро капитан уругвайской команды Обдулио Варела встал раньше своих товарищей. На рассвете он вышел из отеля, охранявшегося усиленными нарядами полиции от болельщиков, которые могли зайти в своих патриотических эмоциях слишком далеко. Шлепая сандалиями, он обошел весь квартал и скупил в окрестных киосках сотни номеров с вышеприведенной цитатой. Он принес их в отель и... оклеил вырезками уборную, зарезервированную для уругвайской сборной. И все утро, играя желваками стиснутых от злобы челюстей, уругвайцы ожесточенно мочились на... «с уже завоеванной славой...», «...ее блистательный престиж....» и на фотографии улыбающихся соперников.

Эти, скажем прямо, не очень благозвучные детали подготовки к поединку были приведены нами только

для того, чтобы показать, до какой степени разыгрывается иногда предматчевая истерика у темпераментных латиноамериканцев, когда на карту поставлена «честь нации», «святые традиции предков», когда нужно доказать, что «мы сильнее всех» и «наш футбол лучший в мире».

Не будем подробно рассказывать о ходе «трагического» матча. Упомянем лишь, что хотя бразильцев устраивала ничья, они проиграли его со счетом 1 : 2, пропустив решающий мяч в конце встречи. Нервный шок, охвативший страну, нет никакой возможности описать. Говорят, что стадион — все двести тысяч зрителей! — молча плакал. Вероятно, это было действительно страшно: переполненный и тихий стадион, раздавленный горем. И в этой гробовой тишине истерический крик, взметнувшийся над трибунами: «Это ложь! Это все нам приснилось!»

Были, разумеется, и самоубийства: без этого острые футбольные ситуации в Бразилии не обходятся. Тысячи людей клялись себе никогда больше не показываться на стадионе. И «пятно позора», горевшее на оскорбленной душе и совести каждого бразильца, не было смыто ни в 1958, ни в 1962 годах; случалось частенько, что в спорах и дискуссиях, разгоравшихся в пивных барах и на автобусных остановках, раздавалась язвительная реплика на ломаном испано-португальском жаргоне: «Вы, бразильцы, стали чемпионами только потому, что вам не довелось встретиться с нашей «Селесте».

Были, конечно, товарищеские матчи, всякие там региональные турниры, но в чемпионатах мира эти два непримиримых соперника с тех пор не встречались. Вплоть до того дня, когда — 17 июня 1970 года, двадцать лет спустя! — судьбе было угодно вновь

столкнуть их, на сей раз в полуфинальном матче девятого чемпионата мира. Это была первая возможность, первый шанс настоящего реванша. О котором мечтали старожилы «Мараканы» все эти два десятилетия.

Нечего и говорить, что эта бурная предыстория отнюдь не способствовала успокоению страстей. В то время как бразильская печать кричала о «великом реванше», в Монтевидео гремели литавры и раздавались победные гимны. Именно тут, в матче с извечными соперниками, «Селесте» должна была не только реабилитировать себя за не слишком впечатляющие итоги предыдущих матчей, за эту злосчастную победу над русскими, о которой газеты писали не без некоторой сконфуженности, но и доказать, что... А что, собственно говоря, она могла доказать? Что «мы сильнее всех и наш футбол лучший в мире»? Сейчас, в 1970 году, это звучало бы в устах уругвайцев, по меньшей мере, претенциозно. Но разве скептический рассудок сможет заглушить горячее биение патриотического сердца? И у кого из уругвайских репортеров могла бы подняться рука для трезвой оценки своих сил и возможностей накануне матча с бразильцами?! Что правда, то правда: грозная статистика триумфального марша бразильцев подавляла холодной непререкаемостью цифр: четыре победы в четырех матчах! Двенадцать забитых мячей! Что могли противопоставить этому уругвайцы?.. В четырех матчах две победы, ничья и поражение! И всего лишь три забитых гола. Один из которых вызывал ироническую улыбку даже в самом Монтевидео... Казалось, надеяться не на что. Но нет!!! Газеты напоминали читателям статистику памятного пятидесятого года: Бразилия шла к финалу, громя соперников с поистине

фантастическим превосходством: 7 : 1 — Швецию, 6 : 1 — Испанию, считавшуюся одним из фаворитов, 4 : 0 — Мексику. В то время как Уругвай сыграл вничью с Испанией (2 : 2) и с трудом вырвал победу у Швеции с преимуществом всего в один гол (3 : 2). И если тогда славная «Селесте» добилась победы, то кто сказал, что этот триумф не может быть повторен сейчас?!

Так думали не только уругвайцы. Подсознательный страх перед возможным повторением «трагедии» смущал сердце и их соперников. «Фантасма» пятидесятого года витала над притихшим в ожидании матча отелем бразильской сборной, и этого Загало опасался больше всего. Трезво оценивая более чем скромные возможности противника, его немощное нападение и защиту, хотя и плотную, но избирающую против сильных команд персональный метод опеки, что для бразильцев являлось своеобразным гандикапом, Загало опасался не столько уругвайцев, сколько своих подопечных, которые могли поддаться на вероятные провокации, на подножки, тычки и толчки, которыми, как легко было предположить, уругвайцы будут восполнять неравенство сил.

Психологическая работа с игроками на сей раз была гораздо более трудной, чем обычно. Бразильский футболист, как уже было сказано, необычайно суеверен. После каждой победы в чемпионатах или турнирах независимо от их масштаба и важности победители выполняют обеты, обещанные всевозможным «покровителям» и «святым»: ставят многокилограммовые свечи, ходят пешком на гигантские расстояния, сопровождаемые толпами восхищенных болельщиков, от стадиона, явившегося полем победной битвы, до какого-нибудь храма, покровительствующего коман-

де или персонально игроку. Накануне чемпионата в Мексике Брито отпустил бороду, поклявшись сбрить ее после победы. Сам Загало все тренировки в «Ботафого» и сборной проводит только в «заветной» футболке под тринадцатым номером, который для всех остальных является чем-то зловещим, а Загало «приносит счастье». Но что говорить о суеверии Брито или предрассудках Загало, если сам достопочтенный сеньор Жан-Мари Фаустин Годофруа д'Авеланж, аристократ, полиглот, бравирующий утонченными манерами президент Бразильской конфедерации спорта, накануне первого матча бразильцев в Гвадалахаре срочно вернулся из Мексики в Бразилию. Почему? Да потому, что он глубоко (и, быть может, не без оснований!) убежден, что его присутствие «не приносит счастья» его команде. Подтверждением этого являлось то печально неоспоримое обстоятельство, что в 1958 и 1962 годах, когда сеньор Авеланж не выезжал в Швецию и Чили, бразильцы завоевывали «Золотую богиню». Но стоило Авеланжу отправиться вместе с командой в Англию в 1966 году, как... результат известен.

Примета, плохая или хорошая, может загипнотизировать бразильца, подобно тому как кобра гипнотизирует зайчонка. И что вы сможете возразить против такого, к примеру, неопровержимого аргумента в пользу «неизбежной» победы уругвайцев в Мексике: они выигрывали первенство мира дважды с разрывом в двадцать лет. В 1930 и 1950 годах. А ведь в 1970 году исполнялось очередное двадцатилетие! И следовательно, было от чего волосам подняться дыбом!

Поэтому, как и следовало ожидать, утром 17 июня по всей Бразилии вспыхнули дымки «макумбы» — древнего языческого африканского обряда: специали-

сты по борьбе с нечистой силой вдохновенно пытались нейтрализовать все вышеупомянутые неблагоприятные факторы. Миллионы добровольцев, вознося мольбы и заклинания всевышнему, налагали на себя самые невероятные обеты, обещая небу самые фантастические дары в случае ниспослания победы.

Излишне доказывать, что и Уругвай был охвачен такой же лихорадкой. После победы над советской командой на 50 процентов возросла продажа телевизоров населению Монтевидео. Для того чтобы обеспечить электроэнергией всех телезрителей столицы страны и ее окрестностей, к началу матча с Бразилией была срочно запущена дополнительная электростанция. Уругвайский президент прервал на время матча запланированные аудиенции. Его бразильский коллега даже и не планировал никаких аудиенций на это время. Обе палаты парламента прекратили свои заседания из-за отсутствия кворума. Опустели улицы Монтевидео и Рио-де-Жанейро. Взлетели в небо первые ракеты: команды выходили на поле.

Перед тем как сделать первый удар по мячу, Пеле наклонился и принялся тщательно перевязывать шнуровку бутс. Судья нетерпеливо поглядывал на него.

— Что он — не мог завязать свои башмаки в раздевалке? — нервно крикнул Лопес де Соуза, покинувший ради телевизора «Лузитании» свой пост под светофором. Сержант — да и никто из телезрителей — не знал, что этот обряд, религиозно исполняемый Пеле накануне каждого из мексиканских матчей, являлся маленькой хитростью: уезжая в Мексику, он договорился с женой Розе-Мери, что каждый раз будет ее «приветствовать» таким образом накануне игры. Это был условный сигнал, понятный только им двоим.

Пеле зашнуровал бутсы, выпрямился. Испанский судья поднес ко рту свисток. Замерли трибуны. Затихла «Лузитания». Сжались в комок миллионы сердец. И еще ярче разгорелись костры «макумбы». Матч начался.

Первые минуты игры вполне оправдывали прогнозы: несмотря на тщательную психологическую подготовку, на всю воспитательную и разъяснительную работу, на лекции о вреде предрассудков и призывы «докажем, что мы сильнее!», бразильцы заметно нервнничали. Несколько раз подряд ошибается ключевой игрок защиты — Клодоальдо, который, как обычно, должен был гарантировать безопасность подступов к штрафной площадке. Несколько раз защитники и полузащита совершают поистине инфантильные промахи, вручая мяч соперникам, которые не используют выгодных моментов. Что касается уругвайцев, то и они действуют именно так, как предвидел Загало вместе со своим генеральным штабом: понимая, что в открытой борьбе им на сей раз не совладать со своим вечным соперником, они почти откровенно нацелились на ничью. Точнее говоря, ушли в глухую защиту, надеясь, что если удастся безнаказанно отсидеться в траншеях 120 минут, то, глядишь, дело может дойти до жеребьевки, в которой их более чем скромные шансы подымались до 50 процентов.

Не теряли они, разумеется, надежды и на какой-нибудь нечаянный гол, ибо знали, что бразильская защита и в особенности вратарь играют отнюдь не безошибочно. Для достижения этой цели они взяли на вооружение ту самую «катимбу», которой так опасался Загало: подножки, силовые приемы, полулегальные и откровенно грубые толчки сыпались как из рога изобилия. В борьбе с более техничным противни-

ком эта «эскалация грубости» становилась для них единственным шансом. Особенно усердствовал левый защитник Мухика, который, видимо, взял на себя перед игрой торжественное обязательство отправить Жаирзиньо в госпиталь. И как можно скорее. Судья, глядя на эту «охоту», улыбался, хотя и не забывал время от времени манипулировать своими цветными карточками. Его более чем очевидная снисходительность к грубости вдохновила Жаира, который, устав получать по ногам от Мухики, в конце матча в суматохе у своей штрафной площадки решил отвести душу, отправив своего усердного опекуна в нокдаун, что вызвало нервную истерику Загало, выскочившего на поле с мольбами и проклятиями по адресу Жаира. Но все это случилось уже под занавес, до которого мы с вами еще не добрались.

Итак, первые 20 минут были разыграны по партитуре Хохберга. Он сумел навязать бразильцам свой нарочито медленный ритм. «Катимба» выбила их из равновесия, и как награда уругвайскому тренеру и его прилежным питомцам за это добросовестное исполнение домашнего задания родился первый гол. Пожалуй, именно так можно квалифицировать этот казус: «родился гол». Его не столько забили уругвайцы, сколько пропустили бразильцы. Сначала Брито, спокойно владея мячом, вдруг заторопился и дал неточный пас на правый фланг, вручив мяч Моралесу. Вместо того чтобы, исправляя ошибку, немедленно прикрыть устремившегося к воротам Кубильяса, Брито еще попытался жестами извиниться перед Карлосом Альберто и позволил правому крайнему уругвайцев беспрепятственно получить пас. Но и тут еще не все было потеряно. Брито настиг противника неподалеку от угла вратарской площадки, пересекая

ему путь к воротам, и Кубильяс из весьма выгодного положения попытался ударить. Именно попытался: он делал это торопливо, боясь, видимо, что Брито окончательно перекроет ему путь, и мяч, неуклюже скользнув у него по ноге, срезался и както медленно «поплыл» к воротам. И вратарь Феликс, словно загипнотизированный, проводил его глазами. Впоследствии он утверждал, что срезка Кубильяса лишила его равновесия, ибо он ожидал сильного удара, а получился какой-то нелепый тычок. Как бы то ни было, мяч оказался в воротах, и, таким образом, надежда Хохберга на нечаянный гол сбылась.

Теперь ситуация «Селесте» казалась почти превосходной. Уж чем-чем, а слабостью защитников ее попрекнуть было нельзя. Ведь до сих пор они в четырех матчах пропустили всего один гол! Поэтому теперь можно было, поблагодарив всевышнего за этот нечаянный подарок, действовать еще осмотрительнее: уйти в глухую защиту, запереть подступы к своей штрафной площадке, лишить бразильское нападение зубов, прикрыв жесткой персональной опекой Жаирзиньо и Пеле, и наращивать силовое давление, единственный фактор, в котором уругвайцы чувствовали свое почти неоспоримое преимущество.

Увы, пропущенный гол произвел на бразильцев неожиданный эффект: они стали успокаиваться, словно почувствовав, что необходимая жертва сделана, дань традиции принесена. Были, правда, еще ошибки Клодоальдо и Пиазы, были удары по бразильским воротам, но все же чувствовалось, что в матче произошел перелом. Жаир, который, как и Пеле, с самого начала играл весьма хладнокровно, все чаще и чаще обыгрывает Мухику. Ривелино устраивает несколько раз подряд свой знаменитый «карнавал», раз-

брасывая уругвайцев в разные стороны стремительными финтами корпусом. Пеле на 24-й минуте получает в штрафной площадке отличный пас от Эверальдо, принимает его на грудь и... падает, снесенный дружными усилиями нескольких защитников. Бразильцы в надежде вздымают руки: пенальти?! Но судья олимпийски спокоен. Мухика снова бьет по ногам Жаира. Ривелино исполняет штрафной, попадая в «стенку». Ох, тяжко пришлось кому-то в этой «стенке»!

И когда всем уже казалось, что подведение итогов и окончательное сведение счетов между бразильским нападением и уругвайской защитой откладывается до второго тайма, был забит гол. Вот про этот гол со спокойной совестью можно сказать: «Был забит!» Это был гол-красавец! Не хилый и неуклюжий «пырок» Кубильяса, а гол, который может украсить биографию любого игрока, историю любого турнира или команды. Занятые охотой за Пеле, Тостао и Жаиром, уругвайцы прозевали неожиданный рывок Клодоальдо, который прошел по левому флангу и стремительно влетел в их штрафную площадку, предугадывая пас на выход от Тостао. Пас был безупречен, удар Клодоальдо тоже. Бросок блестящего вратаря Мазуркевича не смог спасти ворота: мяч влетел в левый от него нижний угол.

Этот гол был осуществлением мечты, которая жила в душе мальчишки с тех пор, когда он, голодный сирота, нашел себе кров на тренировочной базе «Сантоса». С тех пор, когда он подавал мячи за воротами, в которых тренировался великий Жилмар. С тех пор, когда он голодал, носил обноски и не терял надежды. Всего лишь три-четыре года назад он был никем. Играл в юношеском составе «Сантоса»

время от времени. Тогда, когда оказывалось свободное место. Ни контракта у него не было, ни реальных шансов на успех. До тех пор, пока прозорливый тренер Антониньо не поверил в него, взял с командой в турне по Мексике и не побоялся выпустить в одном из матчей на той позиции, которая всегда принадлежала «би-кампеону» Зито.

За три года этот парень стал не просто игроком основного состава «Сантоса», а одним из ключевых игроков. И когда Салданья включил его в сборную, несмотря на молодость Клодоальдо, не нашлось, пожалуй, ни одного голоса против. Даже среди прессы Рио-де-Жанейро, которая по старой традиции встречает в штыки всех, за исключением Пеле, паулистов, приглашаемых в национальную команду.

На второй тайм бразильцы вернулись окончательно успокоенными. В перерыве Загало устроил им «промывание мозгов». Никогда раньше его не видели таким ни его нынешние питомцы, ни его прежние товарищи по «Ботафого» и сборной. Всегда уравновешенный и хладнокровный, он решил, что в данной ситуации единственно правильным решением будет «дернуть за узду». Он кричал на притихших футболистов как на провинившихся школьников. Он стыдил их за мягкотелость, за дряблость, за беззубость, за немощь. Он напомнил им, что Уругвай, оказавшись в куда более легкой группе, добрался до полуфинала ценой убогих побед и скудных голов. Он напомнил, что уругвайцы только что едва не провалились в матче с русскими, где вынуждены были играть 120 тяжелых минут, забив самый постыдный гол за всю историю «Селесте».

Встряска словно разбудила команду. Исчез страх перед «призраком пятидесятого года». Все встало на

свои места. И спустя полчаса пришел победный гол, автором которого был Жаир. Он просто-таки не мог уйти с поля без гола! Получив пас от Тостао (опять от Тостао!), он ворвался в штрафную площадку, обыграл Моралеса и Мухику, которые, словно чувствуя неотвратимость нависшей угрозы, в отчаянном усилии пытались его снести, задержать, не пустить, но Жаир освободился от них и вбил мяч мимо выбежавшего навстречу Мазуркевича. После этого Жаир рухнул на колени, а сверху посыпались Тостао, Пеле, Ривелино и все остальные. Со скамейки запасных прискакали вратарь Адо, массажист Марио Америко, доктор Толедо, сам Загало, образуя гигантскую кучу малу. Вокруг нее радостно подпрыгивал, держась за бумажник (чтобы не выпал из кармана), всегда невозмутимый глава делегации сеньор Антонио до Пассо.

Счет стал 2 : 1, и хитроумный план Хохберга начинал рассыпаться в клочья. Исчезала надежда на монету, на чет — нечет, где, как уже было сказано, шансы все-таки были половинные. Теперь каждая минута играла против «Селесте», и она оказалась перед тягостной необходимостью делать то, чего она — увы! — делать не очень-то умела: атаковать. Рассыпалась сверхукрепленная оборона, и, повинуясь неумолимой и суровой игровой логике, уругвайцы вынуждены были спешно перестраивать свои ряды. Тут уже было не до «катимбы», не до подножек. Тут уже нельзя было поваляться на травке, имитируя страшнейшие травмы и разыгрывая роль пострадавших. И даже когда Жаир решил наконец отвести душу, послав Мухику на землю, уругвайский защитник вынужден был спешно подыматься.

И вся эта нервотрепка, вся эта судорожная суета уругвайцев, устремившихся к бразильским воро-

там в поисках спасительного гола, нашла свое логичное завершение в четкой, хладнокровной комбинации, разыгранной Ривелино с Пеле и Тостао. Сначала сам Ривелино, перехватив мяч близ своей штрафной площадки, отдал его Тостао, который, заметив, как Пеле устремился к воротам уругвайцев, послал мяч «королю» с аптекарской точностью. Пеле ворвался в штрафную площадку как ураган, обыграл нескольких защитников, остановился, словно прицеливаясь, и, когда замерший стадион вскакивал на ноги, предвкушая его удар, Пеле вдруг неожиданно откатил мяч поперек поля выбегавшему по центру Ривелино. Откатил точно на ногу. Точно так, как он это сделал спустя три дня на последних минутах финального матча с итальянцами... но об этом мы еще поговорим в свое время!

...Ривелино разрядил свою «пушку», и все было кончено. 3 : 1. И одна минута до конца матча. На этом можно было бы поставить точку, если бы не еще один сольный номер Пеле, исполненный им буквально на последней секунде. Трибуны еще грохотали овациями, отмечая гол Ривелино, и ракеты, взлетевшие над Корковадо в Рио-де-Жанейро, еще не успели рассыпаться тысячами праздничных искр, когда Тостао, подхватив мяч после того, как уругвайцы начали с центра поля, дал еще один неожиданный пас на выход Пеле. Кто мог предвидеть это? По обычной футбольной логике, а тем более по логике уругвайцев, бразильцам нужно было «катать мяч», сбивать темп, выжидая финального свистка. А тут вдруг новая атака. Пребывавшие все еще в состоянии «гроги» после мощнейшего удара Ривелино, защитники «Селесте» прозевали рывок «короля», и только хладнокровный Мазуркевич (оспаривавший с Бэнксом зва-

ние лучшего вратаря чемпионата), узрев грозную опасность, бросился вперед. Они встретились около линии штрафной. Мяч шел между Пеле и Мазуркевичем по диагонали с левого (для Пеле) фланга к угловому флагу. «Король» сделал финт корпусом, который надо показывать отныне во всех футбольных школах от Рио-де-Жанейро до Земли Франца-Иосифа: он имитировал рывок вправо, а сам прошел слева. Мяч и Пеле обошли бросившегося между ними оземь Мазуркевича с разных сторон! Это был цирковой номер. И потрясающее впечатление какого-то фарса, фокуса, трюка усугублялось тем, что Пеле, даже не прикоснувшись к мячу, дезориентировал Мазуркевича и, обойдя его, достал мяч справа от ворот. Он послал его сильным низовым ударом, и тут судьба улыбнулась уругвайцу: мяч прошел в нескольких сантиметрах от штанги. Если бы он влетел в ворота, это был бы один из самых эффектных и красивых голов за всю карьеру Пеле.

Печальная судьба вратаря

Итак, бразильцы победили со счетом 3 : 1.

В бурных волнах восторгов, отметивших триумф над традиционно грозными соперниками, бесследно растворились горькие воспоминания и высохли слезы, вызванные злосчастным роковым «франго» Феликса. «Франго» — это «цыпленок». «Проглотить цыпленка» означает на языке бразильской торсиды то же самое, что на жаргоне завсегдатаев Лужников или динамовского «востока» — «пустить пенку».

И пусть никто не упрекнет меня в злопамятстве, если я позволю себе прервать на несколько минут рассказ о победном шествии бразильцев к финишу чемпионата и задержу нетерпеливое внимание читателей на некоторых соображениях по поводу этих «франго».

«Франго», «пенка», «бабочка» — являются постоянным спутником футбола, сопровождающим его развитие с того далекого октябрьского дня 1863 года, когда в составе какой-то английской команды впервые появился вратарь. Или скорее с 1871 года, когда он получил свою, с тех пор незыблемую привилегию: право́ играть руками.

Даже всезнающий Константин Есенин не сможет сказать нам, сколько «цыплят» было «проглочено» с тех пор вратарями на бесчисленных стадионах, разбросанных по градам и весям нашей беспокойной планеты. Сколько сердец разрывалось на части, глядя на мяч, порхнувший в сеть между ногами долговязого голкипера или вкатившийся в ворота от его

собственных пальцев, потерявших на мгновение цепкость и силу? Сколько было проиграно чемпионатов и потеряно кубков из-за нелепых просчетов безутешных вратарей, пропустивших «детский» мяч? Именно ДЕТСКИЙ! Который, черт возьми, легко взял бы любой, да, любой из нас, сидящих на трибунах очевидцев этой трагедии! Любой из сотен тысяч страдальцев, вздымающих руки к небу и низвергающих самые изощренные проклятия на голову этого ненавистного, презираемого, проклятого, отверженного «франгейро», «пеночника», «мазилы», «растяпы» и... впрочем, довольно!.. Не пора ли сказать несколько слов в защиту этого несчастного человека? Пожалуй, пора.

Начнем с того, что обратим внимание на некоторые особенности незавидной вратарской профессии.

Когда вы, уважаемый читатель, в следующий раз подыметесь на трибуны своего стадиона — будь то Лужники или запорожский «Металлург», — взгляните внимательнее на крошечный участок поля — между штангами ворот — зону действий вратаря, и вы поймете всю глубину горькой философской мысли, высказанной однажды Жоао Салданьей, который в молодости пробовал играть вратарем: «Вратарь — это существо, проклятое самой судьбой своей: там, где он ступает, даже трава не растет».

Какой-то оставшийся неизвестным мыслитель с архибанкады «Мараканы» развил это суждение не менее точной и образной фразой: «Вратарь — это единственный игрок в команде, к которому друзья всегда поворачиваются спиной».

Нет, что ни говорите, а судьба этого смельчака, имевшего неосторожность натянуть на себя измазанную землей, потертую, жаркую футбольную спецовку под первым номером, не может не вызвать... ну, ска-

жем, сочувствия! Положа руку на сердце: долго ли храним мы в нашей перегруженной информацией памяти блистательные броски наших любимых вратарей: Яшина, Бэнкса, Кавазашвили или Мазуркевича? Но кто из нас может забыть и простить «франго», лишившее родную команду чемпионского титула, бывшего уже, казалось, в руках?

Вратарь... Одинокий и беззащитный, маячит он между чудовищно раздвинутыми штангами, отданный на растерзание своре безжалостных форвардов, поддерживаемых полузащитниками и даже — по последней моде — выходящими вперед защитниками противника. Смысл игры — в голе. И именно вратарь обязан предотвратить его, отнимая у волнующихся трибун сладостную возможность ликовать, торжествуя и празднуя этот миг, ради которого мы и идем на стадион, бросая кассирам наши смятые рубли, песеты, марки, крузейро, форинты и эскудо. Футбол — это движение, это скорость, это каскад стремительных изящных комбинаций. А вратарь лишен права бежать за мячом, бить по воротам, поражать сердца болельщиков своими финтами и «ножницами». Он даже не может, бедняга, выскочить из ворот, чтобы вместе с остальными товарищами по команде обнять счастливчика, только что вогнавшего гол в ворота соперников! О ком угодно, но только не о вратаре, скажет после матча ликующий болельщик: «Это он принес нам победу!» Но только о вратаре и ни о ком больше скажет грустный страдалец с трибун: «Это он проиграл матч...»

Десятки «мертвых» мячей берет самоотверженный голкипер, вызывая бурю оваций. Но все его броски и полеты, прыжки и падения мгновенно забываются в тот момент, когда мяч опускается за его спиной

в сетке ворот. И буря оваций сменяется уничтожающим безжалостным свистом.

Сами вратари философски оценивают свою судьбу. Жилмар сказал когда-то: «Чтобы стать большим вратарем, нужно «проглотить» большого «цыпленка». Вообще-то по части «цыпленка» с бразильскими вратарями трудно соперничать. Из них, пожалуй, только Жилмар смог отвоевать себе заметное место в галерее славы и в сердцах болельщиков. Может быть, именно потому, что он был единственным из своих соотечественников, обладавшим способностью «глотать цыплят» удивительно элегантно, не теряя при этом спокойствия и величия. Как это было однажды, еще в начале его футбольной биографии, в матче с провинциальной командой «15-е ноября» в поселке Жау: некий Жерсио навесил мяч над штрафной площадкой Жилмара, послав его чуть ли не из центрального круга. Жилмар с видом скучающего дачника неторопливой походкой направился навстречу летящему мячу, готовясь красиво взять его с позой для фоторепортеров. Секунду спустя, неожиданно высоко отскочив от какой-то кочки (в свободное от футбола время стадион Жау служил пастбищем для местного стада), мяч перепрыгнул через Жилмара и опустился в сетку.

Когда я спросил однажды Салданью, почему вратари всегда были столь неразрешимой проблемой бразильского футбола, он ответил: «Не любят у нас играть в воротах. И это начинается с детства: собирается дворовая команда, кто хорошо играет — идет в нападение. «Деревянные ноги» отряжаются в защиту. Ну а если ты совсем безнадежен, если из тебя вообще ничего не получается, то будь добр, отправляйся в ворота. В больших клубах с вратарями обычно почти не работают. Сначала они побегают вместе

...и его «изобретение» (гол в матче со сборной Перу 21 апреля 1957 года на «Маракане»).

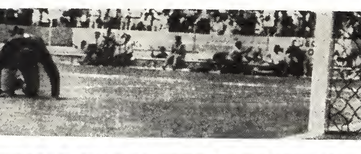
Гвадалахара. Жаирзиньо забивает гол в ворота Бэнкса.

«Король» и «вице-король» на тренировке.

ПЕЧАЛЬНАЯ СУДЬБА ВРАТАРЯ.

Бросок Мазуркевича не смог спасти ворота после удара Клодоальдо.

«Франгейро» или «трикампеон»? (Феликс на тренировке.)

Здравствуй, Нике!

Непонятный, нелогичный, необъяснимый Жерсон.

Через пять секунд после финального свистка в финальном матче.

Бразилия встречала их как национальных героев.

С ними сфотографировался президент страны — Эмилио Гаррастазу Медиси.

Теперь можно и отдохнуть...

...впрочем, это не всегда удается: так бывает каждый раз, когда Пеле выходит на улицу.

Висенте Феола: «Если бы я смог вернуться назад, то, вероятно, все повторил бы сначала...»

Пейте «лимонаду», спешите на трибуны,

пойте вместе с «батареей»,

повинуйтесь сигналам капитана вашей торсиды

и вообще чувствуйте себя на архибанкаде «Мараканы» как дома.

Кто из них заменит Пеле?..

Пеле и Яшин: этим сказано все.

10

Тысячный гол!!!

Сан-Паулу — город, где работает Феола и играет Пеле.

с командой, разомнутся, потом стоят, отбывают номер во время двусторонней игры. И только в самом конце, когда команда уже уходит в душевую, тренер или кто-то еще «постукает» немного по воротам. А ведь вратарь, как никакой другой футболист, нуждается в постоянной, повседневной работе с мячом. Он должен не выпускать мяч из рук весь день. И на ночь брать его с собой в постель. Даже если он женат».

В драматических биграфиях знаменитых вратарей всегда можно отыскать и знаменитые «франго». Вроде того, который был «организован» (иного слова, пожалуй, и не придумаешь) Мангой, защищавшим ворота бразильской сборной в матче 1965 года против команды СССР на «Маракане». Выбивая мяч от своих ворот, он умудрился попасть им в голову одного из советских нападающих (кажется, это был Банишевский), стоящего у линии штрафной площадки. Отскочив от головы соперника, мяч влетел в противоположный угол ворот.

Или совсем уже необычайный «франго» вратаря «Васко-да-Гамы» Валдира, который довелось мне наблюдать в сезоне 1969 года. Поймав мяч, посланный издалека нападающим «Бангу» Марио, Валдир спокойно взял его в руки, осмотрелся, ударил пару раз об землю и замер, оглядывая поле, выискивая партнера, которому можно было бы выкинуть или выбить мяч. Никто не мешал Валдиру. Ни свои, ни чужие. Он был совсем один у угла вратарской площадки. Кроме него, никого в эту минуту не было в пределах штрафной площади. Прошло несколько секунд, и, увидев слева открывшегося защитника, Валдир собрался выкинуть ему мяч рукой. От откинулся назад, размахнулся, с силой посылая его вперед, но, очевидно, пальцы Валдира разжались раньше времени, или случи-

лось еще что-то (впоследствии Валдир так и не смог никому ничего объяснить), мяч вылетел из его рук... в собственные ворота. Точно в нижний угол. Судья сначала растерялся. Потом показал на центр. Трибуны сначала ничего не поняли, а потом разразились истерическим смехом.

Но довольно говорить об этих «франго»! Будем же справедливы в конце концов к вратарям, к этим беззаветным труженикам футбола, на долю которых приходится так мало оваций и от которых зависит так много в каждом матче! Тем более что «франго» — это ведь не правило, а исключение. Смешная или трагическая, комическая или печальная (в зависимости от того, к какой торсиде вы принадлежите) деталь, украшающая или уродующая один из сотен или тысяч матчей. Как нечаянно раскушенная горошина перца, попавшая на зуб вместе с пряным бульоном солянки. Да, давайте не будем превращать вратарей в мучеников! Ведь мы же признали, что и у них бывают моменты славы, признания, счастья. Вратари не только пропускают мячи, но и берут их. Причем берут гораздо больше, чем пропускают. А иногда случается и так, что биографию вратаря украшает нечто из ряда вон выходящее. Сенсация, о которой болельщики вспоминают с почти таким же восторгом, как о знаменитом голе Жаирзиньо или финтах Гарринчи. Как, например, два пенальти, взятых Жилмаром на стадионе «Уэмбли» в матче сборных Бразилии и Англии в 1956 году. Или три пенальти из трех, взятых в матче против сборной Киева в 1935 году вратарем сборной Москвы Иваном Рыжовым. Или совсем уж удивительный подвиг, свершенный вратарем «Фламенго» Убиражарой в одном из матчей на первенство Рио.

Дело было на стадионе «Португеза», на острове Говернадор, находящемся посредине громадного залива Гуанабара, в котором находится морской порт Рио-де-Жанейро. Столь детальное объяснение географических координат стадиона понадобилось нам для того, чтобы объяснить природу сильных порывистых ветров, господствующих на острове и, следовательно, на стадионе. Где-то в середине второго тайма Убиражара, высокий стройный негр, отличающийся весьма сильным ударом, получил мяч, отыгранный назад своим защитником. Выйдя к линии своей штрафной площадки, вратарь осмотрелся и, увидев, что все его соратники надежно прикрыты игроками «Португезы», обозлился и послал мяч сильным ударом типа «вперед, а там разберемся». Это была та самая «свеча», которая так высоко ценилась любителями футбола в эпоху кабриолетов, матчиша и трудовых подвигов Марии Демченко и Мамлакат Нахангововой. И в тот самый момент, когда мяч достигал апогея своей орбиты, с залива рванул очередной порыв штормового ветра, подхвативший этот черно-белый мячик и понесший его к воротам «Португезы», вратарь которой, спокойно подбоченясь, играл мускулатурой на глазах расположившихся за воротами поклонниц. Он спохватился, когда уже было поздно: с силой ударившись о землю метрах в десяти от ворот, мяч перепрыгнул через него и отскочил в сетку. Возможно, это был единственный гол, забитый вратарем с игры. Во всяком случае, мне ничего не известно о другом эпизоде такого рода.

А жаль. Ведь, забив этот гол, Убиражара получил «отпущение грехов» за все свои былые и будущие «франго». А в такой индульгенции никто не нуждается столь сильно, как вратари. Потому что их труд тяжел и неблагодарен. Потому что им всегда или почти все-

гда достаются одни лишь синяки и шишки. И потому, что далеко не каждый из нас обладает широтой взглядов и объективностью Пеле, который сказал однажды о нелегкой судьбе вратаря: «Я забил тысячу голов. И прославился. Но если бы я бы вратарем, я мог бы сделать тысячи блестящих бросков, предотвращая тысячи голов, но не получить признания у торсиды. Жилмар сделал более тысячи блестящих бросков за мячом. Он спас свои ворота от тысячи или более голов. И все же сумел завоевать признание торсиды. Спасибо ему. И спасибо торсиде».

Пеле знал, о чем говорил. И не только потому, что он больше чем кто бы то ни было из нынешних форвардов заставил вратарей доставать мяч из сетки. Не только потому, что он был и остается самым грозным и опасным форвардом в истории футбола. Но и потому — и это знают далеко не все из его почитателей, — что Пеле является одним из немногих форвадов, которому нравится... играть вратарем. В те недавние времена, когда правила ФИФА запрещали замену любого игрока — в том числе и вратаря — даже в случае травмы, Пеле и в сборной и в «Сантосе» являлся «заместителем» Жилмара. И однажды в ответственном матче на кубок страны, когда Жилмар крикнул что-то обидное в адрес своих защитников, а судья, отнеся эту реплику на свой счет, выгнал его с поля, Пеле встал в ворота «Сантоса» и отстоял их, уйдя с поля «сухим».

Раз уж Пеле является специалистом и в этой области, почему бы не поинтересоваться его мнением о лучших вратарях, против которых ему довелось выступать? Когда я однажды задал ему этот вопрос, он, не задумываясь, назвал троих: Яшина, Жилмара и Мазуркевича. Это было до чемпионата мира в Мек-

сике, на котором прославился и завоевал симпатии «короля» еще один голкипер: англичанин Бэнкс. Среди этой «большой четверки» лучших вратарей планеты первое место, по мнению Пеле, принадлежит Яшину. Лучшего в мире стража ворот и лучшего в мире форварда связывают узы многолетней дружбы. И глубоко символично, что именно Яшин был первым из зарубежных футболистов, поздравившим Пеле в тот день, когда «король» забил в ворота команды «Васко-да-Гама» 19 ноября 1969 года свой тысячный гол. Недоверчивые читатели, возможно, возразят, заметив, что в тот день Яшин находился в Москве. Чтобы рассеять сомнения, поясним, что за несколько недель до этого события Яшин направил через Отдел вещания советского радио на Бразилию автору этих строк для передачи Пеле краткое приветствие, которое и было вручено ему, когда знаменитый форвард, усталый и счастливый, покидал поле на плечах ликующих друзей.

„Небольшие детали" большой победы

«Я могу сказать с гордостью: если был у нас какой-то матч, который вы выиграли накануне, до его начала, это был матч с итальянцами, — заявил Загало в одном из своих первых интервью после возвращения в Бразилию. — По моей просьбе наши операторы во главе с тренером по физподготовке Карлосом Альберто Паррейрой засняли на пленку полуфинальную встречу ФРГ и Италии. Затем я вместе с игроками несколько раз просмотрел этот материал. Мы обсудили его и убедились, что в игре итальянцев имеются некоторые явные недочеты. Особенно в их прославленной оборонительной линии. И нам стало ясно, что мы можем подготовить для них несколько ловушек.

После просмотра киноматериалов каждый из наших футболистов высказал свое мнение о будущем противнике и свои конкретные предложения по организации нашей игры. Тщательно изучив все слабости, все особенности «скуадры адзурры», мы разработали тактический план действий с несколькими альтернативами. Именно тогда родились перемещения Жаирзиньо в центр и на левый фланг, которые должны были уводить Факкетти, освобождая зону для неожиданных выходов Карлоса Альберто. Именно тогда на макете футбольного поля мы подготовили «игровую роль» для Тостао, который должен был «растаскивать» центральных защитников, отвлекать их вни-

мание на себя. Именно тогда был составлен план действий для Пеле, который должен был начать игру несколько сзади, ближе к полузащитникам, а затем перемещаться по полю в зависимости от течения игры.

Нет, я не стану утверждать, что было очень легко разгромить итальянцев! Но возьму на себя смелость заявить, что мы заранее знали, каким образом их можно победить».

Таково мнение Загало. Ну а что думал о матче его соперник — Феручио Валькареджи? До начала он был настроен весьма оптимистически: «Мы будем играть на выигрыш. Задача нашей обороны — помешать бразильцам появляться вблизи ворот Альбертози. У нас предусматривается перестройка обороны, если потребуется. Она произойдет по моему сигналу».

В интервью после матча итальянскому тренеру, пожалуй, не хватило самокритики: «Бразильцы оказались чуть более удачливы в некоторых эпизодах, а мы неудачливы. Эти небольшие детали и определяют разницу в итоге...»

«Чуть более удачливы», «в некоторых эпизодах», «небольшие детали». Можно подумать, что речь шла о напряженном ничейном поединке, в котором победа была вырвана на последней минуте! Итальянский тренер не стал пояснять, что он имел в виду, говоря о «небольших деталях». Тем не менее его слова подтверждают старую истину, что в ответственном матче важна любая деталь, даже «небольшая».

* * *

Этот день — 21 июня, воскресенье — начался неудачно. Даже совсем плохо. Рано утром в «Лузитанию» заявилась рыдающая Сильвия: дочку увезли

в больницу с приступом аппендицита. «Подумаешь, аппендицит! — проворчал из своего киоска Лоретти. — Вырежут, и через два дня твоя Марта будет дома».

— Ну, конечно, — всхлипывала Сильвия. — А деньги? Я отложила уже все, что у меня было, для взноса за гимназию на будущий учебный год. Придется брать деньги из этой суммы.

Старый Педро отмахнулся от нее:

— Брось ты причитать! Что-нибудь придумаем.

Он был объят паникой: телевизор сломался вчера вечером. Все мастерские в воскресенье закрыты. Магазины тоже. Что делать? «Лузитания», постепенно приходящая в себя после разгрома, устроенного в ночь, когда был отпразднован лотерейный «выигрыш» Зеки и Флавио, не могла остаться без телевизора в этот день.

После долгих раздумий и споров выход был найден: Флавио, добрая душа, притащил из дому свой «телефункен». Ведь сам он все равно должен был работать в этот день в отеле.

С раннего утра радио передавало новости из Мехико. Какой-то итальянец, потратившийся на билеты до Мексики, в разгаре споров и пари по поводу исхода предстоящего поединка, предложил мексиканскому болельщику в качестве ставки (если любимая «скуадра адзурра» проиграет) свою жену. Мексиканец отказался, увидев ее фотографию: бедная синьора, очевидно, не соответствовала его эстетическим запросам.

В одной из тюрем Мехико охрана была столь сильно поглощена телевизионными сообщениями о подготовке к матчу, что двадцать три заключенных без особого труда ускользнули из своих камер и оказались

на свободе. Некоторые из них, вероятно, присоединились к нескончаемым очередям у билетных касс «Ацтеки», которые стали выстраиваться вокруг стадиона в ночь с субботы на воскресенье.

Губернатор Рио-де-Жанейро отдал распоряжение о подготовке карнавала, который должен был продолжаться трое суток. Тем, кто попробовал упрекнуть почтенного чиновника в избытке оптимизма, он заявил, что карнавал состоится «при любой погоде»: «даже если мы проиграем». Но ни сам губернатор, ни министр иностранных дел, вылетевший в Мехико, чтобы присутствовать на этом матче, ни остальные девяносто миллионов болельщиков не хотели и думать о проигрыше. Никогда еще страна не жаждала победы с такой неукротимой силой, как сегодня. Ведь в этом матче впервые в истории мировых чемпионатов решалась судьба «Золотой богини». Нике должна была навечно остаться в собственности одного из двух финалистов: ведь и Италия и Бразилия были уже «би-кампеонами».

Первый удар по мячу сделали итальянцы. Однако первый опасный выпад нанесли бразильцы: перехватив пас, предназначавшийся Доменгини, Клодоальдо выкинул мяч на Тостао, который отправил его Жерсону, а тот, в свою очередь, вывел к воротам Пеле. Альбертози успел выскочить наперехват, в то время как «король» был «для верности» опрокинут итальянцами, которые сразу же продемонстрировали, что не собираются легко и без борьбы отдавать победу.

Тут же последовала острая атака «скуадры адзурры», и Рива сильным ударом заставил Феликса приложить все свое мастерство, чтобы перевести мяч на угловой. Затем напряжение немного спало: противники перешли к изучению друг друга, редактируя свои

планы и установки на игру в соответствии с постепенно обнаруживаемыми сюрпризами и ловушками. Впрочем, сюрпризов было не так уж много. Партия развивалась, во всяком случае для бразильцев, именно так, как они и планировали ее провести: Карлос Альберто уже в первые десять минут дважды опасно проходит по правому краю, заставляя Альбертози вступать в игру. На 15-й минуте итальянцы подают свой первый угловой. Маццола опасно бьет по воротам, Феликс отбивает мяч, и обстановку окончательно разряжает Пеле, выбивая мяч из штрафной. Пеле успевает всюду: несколько мгновений спустя он уже рвется в штрафную итальянцев. Ривелино с левого фланга навешивает мяч перед воротами Альбертози, и в высоком прыжке сильнейшим ударом головой «король» посылает в его ворота первый гол.

Как и следовало ожидать, буря восторгов охватывает бразильскую торсиду, но тут же следует холодный душ: радиокомментаторы кричат, что в истории мировых чемпионатов не было еще случая, чтобы в финальном матче побеждала команда, которая открыла счет. «Вспомните пятидесятый год! — кричит, надрываясь, репортер. — Мы забили первый гол уругвайцам и проиграли 1 : 2. Вспомните, что и в Швеции и в Чили в финальных матчах мы сначала пропускали гол, а потом уже выигрывали. И так было во всех остальных финалах!»

Заслышав это, Дамиан в припадке самопожертвования кидается на колени и заявляет, что будет пребывать в этом положении до тех пор, пока «дело не прояснится». «Лузитания» бурно приветствует это мудрое решение. В конце концов, если бог действительно бразилец, как утверждают понимающие люди, он должен услышать заклинания Дамиана. Старый Пед-

ро выдвигает «телефункен» поближе к краю стойки, чтобы исполняющий обет страдалец мог, не прерывая диалога со всевышним, наблюдать за развитием событий.

Спустя несколько минут дело принимает совсем скверный оборот. Пессимистические прогнозы, похоже, начинают сбываться: Феликс «глотает» своего становящегося уже традиционным «франго». Ему не следовало бы сломя голову выскакивать из ворот к линии штрафной. Столкнувшись с кем-то из защитников, он теряет контроль над мячом, падает, и Бонисенья низом забивает гол в пустые ворота. 1 : 1.

После этого Дамиан исторгает в адрес господа бога каскад красноречивых пожеланий, которые никак не представляется возможным процитировать в этой книге. Возмущенный богохульством Старый Педро хлопает его по затылку. Затем наливает стакан батиды, выпивает залпом и швыряет стакан на пол. Жалобно скользят по полу осколки.

— Ничего, ребята, не волнуйтесь! — кричит Зека. — Слава богу, что это случилось сейчас, в первом тайме. Впереди еще много времени. Мы выиграем! А если не выиграем, я... я... тогда я...

Никто не понял, что сделает Зека, если итальянцы победят. Игра уже возобновилась, и для обсуждения гола не было ни времени, ни сил, ни желания.

Впоследствии Загало рассказывал, что его игроки договорились не терять голову после пропущенного гола. «Мы знали, что наши ворота нельзя считать неуязвимыми. И поэтому всегда стремились играть так, чтобы на каждый пропущенный гол отвечать двумя забитыми».

В этих словах, может быть, и чувствовалась легкая бравада, но все же Загало трезво оценивал силы

своей команды, зная, что она неизбежно будет пропускать голы. И, учитывая, что для победы нужно забивать больше, чем пропускаешь.

Хорошо сказано: «забивать больше»! Этого хотят все, но как этого добиться?

Для того чтобы забивать голы, Загало и его команда имели богатый арсенал приемов, способных взломать любые, самые неприступные на первый взгляд оборонительные рубежи. Если не принесут результат фланговые проходы Жаирзиньо, бросим в бой Ривелино. Если Тостао не сможет разрушить изнутри, в штрафной площадке противника, хитроумные «замки», будем сокрушать ворота дальними ударами. Если не дадут результата быстрые контратаки, перейдем к спокойной длительной осаде, выжидая, когда противник дрогнет. Он должен обязательно дрогнуть, рано или поздно. Попробуй не дрогни, если перед твоими воротами крейсирует Пеле, по флангу рвется Жаир, а нити атак и комбинаций держит в своих руках, или, точнее говоря, в ногах, Жерсон, обладающий снайперским пасом, способный послать мяч на любую дистанцию в любую точку поля с такой точностью, словно этот мяч управляется по радио... Если все это не приносит успеха, в запасе остаются штрафные удары. Зная, что штрафных ударов придется пробивать много (разве кто-нибудь может остановить длительный штурм бразильцев, не прибегая к штрафным?!), Загало много работал с командой, шлифуя их исполнение. Пушечный удар Ривелино, ядовитые щелчки Жерсона, математические выстрелы Пеле рано или поздно могли и должны были привести мяч в сетку ворот. Правда, в матче с итальянцами администраторы команды непростительно ошиблись в выборе шипов для бутс, не учтя влажность грунта. Это не могло не отразить-

ся на точности ударов, но в перерыве шипы были заменены.

«На каждый забитый гол ответить двумя». На сей раз план был с лихвой перевыполнен: во втором тайме в ворота Альбертози влетело три гола. И каждый из них явился ответом на вопрос: «Как делаются голы?» Каждый из них продемонстрировал солидность и основательность «домашнего анализа» на макете футбольного поля.

Сначала — на 66-й минуте — отличился Жерсон, доказав, что неожиданный атакующий выход полузащитника в сочетании с ударом издалека является великолепным средством против массированной обороны, затрудняющей прорыв в штрафную. Обыграв двух итальянцев, он послал «пушечный» — как любят говорить радиокомментаторы — мяч в левый от Альбертози нижний угол ворот. (В эту самую минуту в одной из больниц Порто-Алегре родился мальчик, которого мечущийся между телевизором, установленным в приемной, и хирургическим залом взволнованный папаша тут же назвал Жерсоном.)

Кстати, почему в этой книжке до сих пор не было сказано практически ни слова об этом футболисте? Исправим же эту несправедливость.

Итак, кто такой Жерсон? Вероятно, многие любители футбола за пределами Бразилии не совсем точно представляют себе его подлинную роль и место в команде. И не выделяют его имя в перечне остальных героев Мексики: Ривелино, Жаирзиньо, Клодоальдо... Конечно, в этой плеяде трудно выделить кого-либо, и вряд ли было бы справедливо делать это: каждый из «три-кампеонов» внес свою лепту в борьбу за победу, но если бы нашелся чудак, который пожелал бы составить какою-то «табель о рангах» ны-

нешней бразильской сборной, то он вынужден был бы поставить в ней имя Жерсона одним из первых. Точнее говоря, вторым. После Пеле.

Кто же такой этот Жерсон? Ответить на этот вопрос одним-двумя словами, пожалуй, невозможно. Он не капитан команды: капитаном был Карлос Альберто. Он лидер. Главный авторитет. Глаза, мозг и сердце одиннадцати бойцов. Клетка, куда сходятся все нервные нити, пронизывающие тело этого удивительного организма. Электронно-вычислительный центр. Диспетчер. Режиссер, ведущий спектакль. Причем такой режиссер, который не только выпускает в нужный момент актеров на сцену, но обладает властью и правом менять по ходу действия заранее подготовленный сценарий и перестраивать отрепетированные мизансцены.

Все то, что в одной из предыдущих глав было сказано в адрес Диди, может быть повторено, когда речь заходит о Жерсоне. А самым разительным отличием одного от другого является то, что Черный принц, немногословный и сдержанный, играл молча, в то время как Жерсон еще в юности своей был прозван коллегами «попугаем»: во время матча он не закрывает рта. Он кричит на всех и каждого. От Пеле до Феликса. Он подсказывает, ругается, хвалит, понукает, ободряет, размахивает руками, что-то кому-то доказывает, кого-то в чем-то убеждает. Эстета, ищущего в футболе красоту гармонии или гармонию красоты, Жерсон будет раздражать и возмущать: вечно трусящий по полю своей ленивой рысцой, с выползшей из широченных трусов рубахой, с приспущенной гетрой на одной из ног, с неряшливо болтающимися белыми завязками трусов, он кажется разгильдяем и неряхой. Во всяком случае, до тех пор, пока своим длинным, матема-

тически рассчитанным пасом он не направит мяч именно в ту точку поля, откуда по воротам противника будет нанесен смертельный кинжальный удар Жаирзиньо или Пеле, Тостао или Ривелино.

Однажды в Бразилию приехала какая-то японская команда. Приехала, разумеется, «поучиться», как об этом заявил ее тренер: маленький, аккуратно причесанный японец в строгом темном костюме. Учеба была трудной: каждый урок заканчивался с одинаково разгромным результатом, но японцы не унывали, и эскадрон привезенных с командой наблюдателей, вооруженных кинокамерами, блокнотами и фотоаппаратами, добросовестно фиксировал «лекции» бразильских «профессоров». Последний зачет у японцев принимала команда «Сан-Пауло» с Жерсоном во главе. По окончании матча снисходительно улыбающиеся бразильские репортеры поинтересовались, сколь много сумел почерпнуть из родников «нашего великого футбола» достопочтенный японский тренер. Вытерев пот со лба (дело было в жарком феврале), японец поправил очки и сказал со вздохом: «Мы приехали, чтобы чему-то научиться у вас. Но это, оказывается, очень трудно: чем больше мы смотрим на ваших футболистов, тем непонятней становится ваш футбол. Вот, например, этот Жерсон... Во всех учебниках пишут, что футболист обязан быстро бегать, не передерживать мяч, одинаково хорошо владеть двумя ногами. И что же я вижу? Я вижу, что Жерсон бегает медленно, все время передерживает мяч, водит его очень долго, играет одной только левой ногой, а в результате? А в результате Жерсон — это лучший игрок из всех, которых я когда-либо видел. И играть против команды, где играет Жерсон, невозможно...»

Он задумался, почесал тонкий пробор на голове

своим острым ноготком, потом снова вздохнул и сказал: «Мы отсняли много пленки, но не скрою: нам будет очень трудно усвоить и переработать этот материал, потому что весь ваш футбол кажется нам таким же, как этот ваш Жерсон: непонятным, нелогичным, необъяснимым...»

Но оставим в покое растерянного японца с его сомнениями и недоверием. Вернемся на «Ацтеку», где, наблюдая за «нелогичной» и «необъяснимой» игрой Жерсона, бледнел и терял дар речи другой тренер, куда более компетентный и опытный.

Гол Жерсона явился, очевидно, первой из тех самых «небольших деталей», о которых говорил Валькареджи. Вторая «деталь» окончательно надломила будущих вице-чемпионов. Четыре минуты спустя Жерсон выдал свой «тот самый» дальний пас на голову выскочившего в штрафную площадку Пеле. «Король» откинул мяч налево, на сместившегося в центр Жаирзиньо. Факкетти прозевал рывок бомбардира бразильцев, и мяч оказался в воротах. 3 : 1. И всего лишь 20 минут до конца матча!

Рыдающий Дамиан подымается с коленей и, воздев руки к небу, приносит извинения за хулу и несправедливые попреки. Все-таки бог и правда бразилец! По крайней мере, сегодня. Старый Педро с ожесточением вышибает пробку из грязной пивной бочки. Это пиво идет бесплатно. Всем, кто пожелает, кто заглянет сегодня в «Лузитанию», кто пройдет мимо. Все, все, все могут пить это пиво победы! Кто-то вопросительно оборачивается к Лоретти. «Этому итальянцу тоже будет бесплатное пиво?» Шмыгая длинным красным носом, Лоретти возмущенно кричит, что он уже давно натурализовался, что он уже двадцать лет живет в Бразилии, у него бразильский паспорт,

и вообще он не виноват, что его мамаша так неудачно выбрала место его рождения.

Десяток рук добродушно похлопывают его по плечу. Десяток кружек пива дружно скользят к Лоретти по мокрой стойке.

...И в Мехико, и в Риме, и в Рио-де-Жанейро, и в остальных пятидесяти странах, которые следят за матчем по телевидению, всем уже ясно, что игра уже «сделана». Что она доигрывается. Никакой заметной «перестройки» обороны, обещанной Валькареджи, не происходит. Выход на поле Риверы вместо Бонисеньи не может ничего изменить. Игра идет к своему логическому концу. Факкетти все еще продолжает усердно гоняться за Жаиром, итальянские защитники пытаются еще бить бразильцев по ногам. Кто-то опрокидывает Пеле без мяча в центре поля, кто-то препирается с судьей. До финального свистка остается десять, пять, три минуты. И тут на уже написанную картину матча кладет последний мазок капитан «три-кампеонов» Карлос Альберто. Была в этом голе какая-то высшая «футбольная справедливость». Не только потому, что он, как уже говорилось, был «запланирован» и «спроектирован» еще до матча. Карлос Альберто заслужил его потому, что был безупречным капитаном команды, положившим столь много сил и опыта для создания той атмосферы спаянности, дружбы и даже, если так можно выразиться, «одержимости победой», которая заслуживает специального изучения со стороны психологов и социологов.

Жаирзиньо, оказавшийся на сей раз на левом краю, передал мяч открывавшемуся близ правого угла штрафной площадки итальянцев Пеле (обратите внимание на вклад Пеле в победу: один гол он забил сам, для двух других дал пасы!). Защитники броси-

лись к нему, он подождал немного. Миг, другой. Ровно столько, сколько понадобилось Карлосу Альберто, чтобы, набрав скорость, выйти на дистанцию удара. Неторопливый пас. И капитан бразильцев с ходу, без обработки посылает звенящий мяч мимо падающего навстречу Альбертози.

* * *

«Возможно, что именно англичане изобрели футбол, — писала на следующий день английская газета «Дэйли скэтч», — но именно в Южной Америке ему придали магию, которая находится выше нашего понимания». «Франс-суар», поместившая за день до матча объявление о том, что «воскресенье для телезрителей станет днем «ПЕЛЕвидения», отреагировала на его исход следующими словами: «Никакая победа в истории футбола не была еще столь справедлива, столь заслуженна. Никакая победа не была еще завоевана с таким талантом и с таким достоинством».

Темпераментные аргентинцы, оставшиеся, как известно, за бортом мексиканского финального турнира, нашли утешение в формуле, выраженной буэносайресской «Хроникой»: «В мире вновь царствует американский футбол! Торжество Бразилии как первого и высшего среди чемпионов является воскрешением той системы игры, которая была выпестована в Латинской Америке. Это была победа человека над электронным компьютером. Спасибо тебе, Бразилия!»

Уругвайская «Эль Паис» сообщала своим читателям, что отныне «футбол спасен бразильскими голеадорами от гибели, которой ему угрожало развитие оборонительных концепций». «Франс-футбол» объявил результаты опроса, проведенного среди французских

спортивных журналистов, с целью выявления лучшего игрока чемпионата и символической сборной мира на базе выступавших в Мексике команд. Поскольку сама Франция не участвовала в этих состязаниях, мнение французов может быть расценено как объективное. В списке лучших первое место занял Жаирзиньо (29 голосов), за ним — Пеле, Тостао и Клодоальдо (28), затем — Карлос Альберто (27), и лишь на шестом месте появился первый небразилец — Мазуркевич (26 голосов), за которым следовал Оверат (25). Сборную мира французы сконструировали следующим образом: «Мазуркевич, Карлос Альберто, Шестернев, Мур, Эверальдо, Клодоальдо, Беккенбауэр, Жерсон, Жаир, Пеле и Тостао. Семь бразильцев из одиннадцати!»

Обозреватели «Пари-Жур» пришли к выводу, что «Пеле и его друзья находятся на несколько лет впереди остального футбольного мира. Примерно на столько лет, сколько голов забили они на этом чемпионате».

Не могли смолчать и американцы. Но поскольку философствовать о законах и таинствах футбола является для них, как известно, непосильной задачей, янки выразили свое отношение к итогам мексиканского чемпионата в наиболее легкой и привычной для них форме. Газеты Нью-Йорка опубликовали лаконичное заявление арендаторов «Мэдисон-сквер-гарден», транслировавших финальный матч по телевидению для публики, которая, разумеется, обязана была покупать билеты: «Мы заработали на этом матче гораздо больше денег, чем на последнем бое Кассиуса Клея».

Итальянские газеты признали безоговорочное превосходство бразильцев и полную справедливость результата матча. «Культ обороны привел нас к пора-

жению, — писала «Корьере делла сера», — Бразилия доказала в Мексике, что настоящий футбол делается с помощью голов». А журнал «Туто спорт», пытаясь докопаться до причин торжества бразильцев, писал: «Мы потратили годы на создание культа нашего Жижи Рива. И он действительно великий игрок. Но, прибыв в Мексику, мы обнаружили, что Бразилия имеет многих Жижи Рива, которые являются куда более выдающимися, чем наш. Игра таких футболистов, как Жаирзиньо, Жерсон, Тостао, Пеле, Ривелино, не является для нас, для итальянского футбола, рядовым, повседневным явлением. А там, в Бразилии, это обычное дело. Поэтому-то они, а не мы и увезли с собой кубок».

Когда погасли ракеты

В день прибытия чемпионов «Лузитания» продолжала пребывать в том же лихорадочном смятении, которое охватило ее накануне матча с итальянцами. Над баром появился самодельный плакат «Привет героям!», портреты Пеле и Ривелино, которого Педро считал вторым после «короля» «конструктором великой победы». Над головой Ривелино развевался желто-зеленый бразильский стяг. В этом отношении «Лузитания» не проявила никакой оригинальности: в тот день в Рио-де-Жанейро не было ни одного здания, ни одного автомобиля, ни одного забора или столба, на котором не был бы вывешен бразильский флаг. Город по-весеннему расцветился в желто-зеленый цвет.

К середине дня (прибытие футболистов ожидалось где-то после полудня) «Лузитания» опустела. Все ушли встречать «три-кампеонов». Зека отправился в международный аэропорт Галеао, Сильвия, успокоившаяся после удачной операции дочери, Дамиан и Лоретти, закрывший ранее обычного свой киоск, уехали на авениду президента Варгаса, Флавио ликовал больше всех: победители должны были прибыть именно в его отель, и он, таким образом, имел самые большие шансы увидеть Пеле и, если повезет, богиню.

С каждой минутой жизнь города все больше и больше подчинялась ритуалу встречи. На улицы, по которым должен был проехать кортеж, спускались с гор школы самбы, разодетые в вытащенные из сундуков карнавальные наряды. На перекрестках и площадях выстраивались оркестры и батареи со своими тамбу-

ринами и сурдос. На крышах небоскребов занимали стратегические позиции фоторепортеры и мастера фейерверка, оснащенные тысячами ракет и петард. Над городом патрулировали полицейские вертолеты. Взмокшие от напряжения полицейские безуспешно пытались регулировать уличное движение. Операторы передвижных телевизионных станций нервно регулировали объективы и осветительную аппаратуру. Служащие контор и банков, страховых обществ и правительственных канцелярий лихорадочно рвали в клочья старые документы, заготавливая тонны «папел-пикадо» — бумажного снега, который должен был низвергнуться на головы футболистов. В ресторане «Плава-Копакабана» накрывался праздничный стол: толстосумы из Комитета помощи сборной, финансировавшего поездку команды на чемпионат, намеревались закатить праздничный ужин в честь победителей.

Зека томился в аэропорту шесть часов. Шесть часов страдали стиснутые толпой на авениде Варгаса Сильвия, Дамиан и Лоретти. Вокруг кричали дети, матери кормили малышей грудью, кто-то спал прямо на тротуаре, и люди переступали через раскинутые руки. Но энтузиазм не угасал. Продолжали греметь оркестры, и никто не покидал отвоеванных мест, опасаясь в последнюю минуту быть оттиснутым от заветной полоски мостовой, по которой проедут «три-кампеоны».

А они в это время еще были в тысяче километров от Рио. В президентском дворце в молодой столице страны — Бразилиа — они заканчивали обед, на котором присутствовала «вся столица». Министры сжимали в руках драгоценные автографы. Внук президента уже сфотографировался с Пеле. Каждый из «три-кампеонов» получил по чеку на 25 тысяч дол-

ларов — награду за победу. За окнами кипел безбрежный людской океан: на площади Трех Властей собрался весь город. За десять лет своего существования Бразилиа успела пережить многое. Шесть президентов сменились в стране за это время. На улицах города бушевали студенческие манифестации и маршировали солдатские колонны. Но никогда еще перед дворцом президента не собиралось столько народа.

Потом — перелет в Рио. В свете прожекторов под грохот военных оркестров на трапе показался Карлос Альберто с Нике в поднятых над головой руках. За ним — Загало, Брито, Пеле, Жаирзиньо и остальные. Зека рыдал, потрясая кулаками. Вместе с ним рыдали, кричали, пели, стонали десятки тысяч обезумевших от счастья кариок. Тревожно взвыли сирены полицейских мотоциклов. Тронулись две громадные красные пожарные машины, на которых, как на капитанских мостиках, стояли «три-кампеоны». Всколыхнулось море голов. И начался торжественный марш победы.

Несколько часов двигались пожарные машины через центр города. Дамиан выскочил за цепь солдат и побежал к головной машине, бросая Загало букет цветов, утащенный у зазевавшейся торговки. Полицейский схватил Дамиана за рубаху и швырнул назад. Сильвия молилась, воздев глаза к небу, к богу, который, конечно же, и сегодня был бразильцем. Лоретти пел гимн, вытирая слезы и сморкаясь на свои начищенные сандалии. У входа в «Плазу» солдаты вынуждены были растаскивать толпу, чтобы по крошечному проходу, теснимые и сдавливаемые тысячами разгоряченных тел, чемпионы могли пройти в отель.

Торжественный обед с банкирами не получился.

Измученные герои отказались подвергаться еще одной пытке и выслали с извинениями Авеланжа. Самый богатый человек страны — Вальтер Морейра Салес и его друзья вынуждены были поедать креветки и ананасы в грустном одиночестве, прислушиваясь к рокоту барабанов и взрывам петард, озарявшим небо Копакабаны дымными вспышками.

* * *

А богиня в это время устроилась на покой в надежно запертом сейфе отеля. Это были последние минуты отдыха усталой Нике. Начиная со следующего дня она должна была отправиться в долгое путешествие по стране. Разработанный Авеланжем маршрут ее следования был рассчитан на несколько месяцев. На церемониях, на торжествах открытия новых стадионов, на спортивных ассамблеях и предвыборных митингах маленькая золотая статуэтка должна была служить катализатором патриотических настроений и воодушевлять соотечественников Пеле на всевозможные героические деяния. С трепетным восхищением ее созерцали строители Трансамазонской магистрали и пастухи бескрайних степей Рио-Гранде, измученные нескончаемой засухой кабоклос — крестьяне северо-востока и шахтеры Минас-Жерайса. Замерев в положение «смирно», на нее благоговейно глазели заключенные центральной тюрьмы Рио «Лемос-де-Брито», а спустя несколько дней ее робко ощупывали своими чуткими пальцами воспитанники колонии имени Бенджамина Констана для слепых детей.

Если для них Нике являлась источником возвышенных эмоций и патриотической гордости, то для бесчисленной армии политиков и администраторов,

чиновников и партийных функционеров она стала щедрым родником внеплановых политических дивидендов. Окончание чемпионата мира совпало с разгаром предвыборной кампании. Готовясь к борьбе за депутатские мандаты, руководители правящей партии АРЕНА разработали и направили своим местным комитетам документ с предложением максимально использовать победу в Мексике для завоевания голосов избирателей. Сказано — сделано. Не успели смолкнуть торжественные речи и звуки фанфар, как на улицах бразильских городов появились машины, исторгавшие из громкоговорителей записанные на пленку велеречивые обещания кандидатов в перемежку с кусками репортажей о мексиканских матчах. В избирательные участки направлялись для раздачи населению мешки открыток и плакатов с портретами чемпионов, мимеографические копии их автографов и наборы почтовых марок, выпущенных в честь победы.

Оппозиционная партия МДБ, спохватившись, попробовала протестовать. Депутат парламента падре Нобре выступил в палате представителей с язвительной репликой, заметив, что четыре года назад АРЕНА отнюдь не пыталась взять на себя ответственность за поражение в Англии. С саркастической улыбкой падре Нобре поинтересовался, кто из футболистов или тренеров сборной заявил о своей принадлежности к рядам АРЕНЫ. И попросил разъяснить ему, какое отношение имели к мексиканским подвигам Пеле и Жаирзиньо почтенные депутаты, заседавшие в парламентских креслах?

Этот выпад не был, разумеется, оставлен без ответа: вице-лидер правительственного большинства с негодованием отверг инсинуации оппозиции, пояс-

нив, что успех правящей партии заключался в том, что именно благодаря ее усилиям вся бразильская нация получила возможность наблюдать мексиканские баталии по телевидению!

В те дни чемпионы мира были нарасхват. Депутаты и кандидаты в депутаты, губернаторы и их будущие преемники, правительственные чиновники и политические боссы спешили увековечить себя для потомства, фотографируясь в обнимку с усталыми, послушно улыбающимися победителями и с безответной Нике в руках. Сеньор Авеланж, прибывший на предвыборный митинг в столицу штата Рио-Гранде-до-Норте — город Натал, заявил, что кандидат партии АРЕНА в сенат сеньор Жесес Пинто Фрейре является, по его мнению, «настоящим «три-кампеоном» мира по футболу». Поблескивавшая в руках Авеланжа Нике должна была с непреложностью нотариального штампа зафиксировать истинность этого утверждения.

Всему бывает конец. Начали постепенно затихать и страсти, вызванные возвращением победителей. Пришло время заняться текущими футбольными делами. Подвести, так сказать, баланс. Наметить новые пути и перспективы. И тут стали происходить события, мягко выражаясь, странные.

Еще ликовали беззаботные мулаты, еще не рассеялся дым ракет, еще обсуждались забитые и незабитые голы, а на страницах газет начали появляться статьи с рассуждениями «о тяжелых потерях» ведущих клубов, вызванных участием их игроков в чемпионате. Раздались голоса с предложениями распустить сборную на пару лет для «возмещения ущерба», причиненного «Сантосу» и «Ботафого», которые вынуждены были нести убытки вследствие того, что

прикованная к телевизорам, транслировавшим матчи из Мексики, торсида забыла на время о родных стадионах. Заволновалась футбольная биржа, узнав о том, что «Фламенго» объявило о продаже Брито. Вслед за тем, несмотря на то, что с момента скандальной «сделки», заключенной генералом Османом Рибейро, не прошло и года, появились слухи о продаже «Сантосом» сразу двоих чемпионов: Карлоса Альберто и Жоэля. Возникли конфликты с руководителями клубов у Тостао, Жерсона, Пауло Сезара, Жаирзиньо, Роберто. А в конце сезона 1970 года на страницах прессы взорвалась самая сенсационная «бомба»: директорат «Ботафого» объявил об увольнении Загало.

Знаменитому тренеру чемпионов было предъявлено обвинение в «недисциплинированности», смехотворнее которого ничего придумать было невозможно. И как игрок и как тренер Загало всегда славился своей покладистостью, скромностью, добрым нравом и умением уживаться с самыми вздорными самодурами из мира картол. Уже через несколько часов стране стала известна истинная причина отставки тренера: ненависть, которую питал к нему некий сеньор Шисто Тониато.

Сеньор Тониато не был всемогущественным правительственным чиновником, ни руководителем СБД, ни офицером полиции. Он был мясником. Торговцем говядиной и колбасными изделиями. Владельцем нескольких скотобоен, переплавлявшим в звонкую монету традиционную кулинарную склонность рядового бразильца, не мыслящего свой рацион без приличного куска мяса.

— Ну хорошо, — спросит, недоумевая, читатель.— А какое он имеет все-таки отношение к футболу?

Ответим: сеньор Тониато является директором департамента футбола клуба «Ботафого». И чтобы читатель понял все абсурдные коллизии этой дурно пахнущей истории, следует вновь вернуться к рассказу о структуре организации, именуемой гордыми словами «футбольный клуб».

В главе «Сквозь тернии к звездам» уже говорилось о появлении профессионализма в бразильском футболе, о реорганизации футбольных команд в сложные бюрократические организмы и превращении футболистов-любителей в наемных рабочих. С течением времени футбольные клубы стали такими же снобистскими, антидемократическими, закрытыми для «человека с улицы» заведениями, как известные своим аристократизмом «лайонс-клубы» или масонские ложи. Ни футболисты, ни тренеры, ни болельщики с архибанкады, платящие за вход на стадион свои жалкие пять крузейро, не участвуют в выборах руководящих органов футбольных клубов, в определении их административно-финансовой политики и даже в решении сугубо футбольных вопросов. Всем этим занимаются «члены клуба» — узкий круг лиц, обладающих специальными дипломами, покупаемыми за весьма солидную сумму. Теоретически любой желающий может стать членом «Ботафого», «Сантоса» или, скажем, «Фламенго». На самом же деле лишь обладатели толстых кошельков и круглых банковских счетов могут позволить себе такую роскошь. Астрономическая цена, выплачиваемая за право вступления в «действительные члены» клуба, надежно ограждает элиту общества от тягостной необходимости видеть в своих прохладных салонах «всяких там» Дамианов, Старых Педро, «весь этот плебс», который ходит на стоячие места стадионов, пускает ракеты, вопит, отме-

чая голы, плачет после поражений и устраивает свои шумные карнавалы после завоевания титулов и кубков. Профильтрованная таким образом компактная масса коммерсантов и чиновников, спекулянтов недвижимостью и модных портных, директоров крупных газет и преуспевающих дельцов собирается периодически на свои «генеральные ассамблеи», на которых и выбираются руководящие органы клуба, в состав которых и попадают довольно часто субъекты вроде вышеупомянутого сеньора Шисто Тониато: крикливо-демагогичные, мещански-мелочные посредственности, обладающие главным, а чаще всего и единственным «достоинством» — тугим кошельком. Кошелек этот нужен для того, чтобы в случае необходимости (а такая необходимость в любом клубе появляется по нескольку раз в сезоне) этот картола мог подкинуть клубу срочный заем из своего кармана. Под солидный процент, разумеется...

Шисто Тониато, помимо кошелька, обладает еще и неудержимым честолюбием. А поскольку его деятельность на ниве мясной коммерции не давала ему возможности попасть на страницы прессы и появиться на экранах телевизоров, он решил использовать в качестве трамплина к известности и славе клуб «Ботафого». Не смущаясь отсутствием хотя бы минимальных познаний в области стратегии, тактики и даже организации футбола, сеньор Тониато принялся весьма ретиво вмешиваться в работу Загало, человека, который более десяти лет служил клубу в качестве футболиста и тренера, принес «Ботафого» серию выдающихся побед в национальных и международных турнирах и стал единственным после Пеле обладателем трех титулов чемпиона мира (два — как футболист и третий — в качестве тренера). В конце концов,

будучи человеком, не лишенным здравого смысла, Шисто Тониато понял, что только благодаря скандалам и препирательствам с тренером он, Тониато, приобретет столь желаемое «паблисити». Ведь пока все идет хорошо, пока клуб выигрывает, все лавры достаются самому Загало и всем этим мулатам, скачущим со своим мячом по полю. А титанические усилия директора футбольного департамента остаются в тени... И сеньор Тониато засучил рукава.

Сначала он отказался повысить зарплату тренеру после завоевания победы в Мексике. Газеты встали на сторону прославленного руководителя «три-кампеонов»? Неважно. Имя Тониато замелькало сначала в спортивных обозрениях и комментариях, а затем в колонках «светской хроники». Следующим шагом Тониато явилась покупка одного из футболистов в другом клубе без ведома Загало. Легко было представить себе возмущение тренера, который в один прекрасный день вдруг увидел на тренировке фигуру нового игрока, который, как выяснилось тут же, вовсе не был нужен команде и не укладывался в тактические схемы Загало. Когда он попробовал (деликатно, с глазу на глаз) выразить недоумение этим приобретением, Шисто Тониато сухо заметил, что вопросы купли-продажи футболистов не входят в компетенцию тренера. Ему-де следует заниматься руководством команды во время матчей. И только. А формированием команды занимаются чиновники футбольного департамента под мудрым руководством самого Тониато.

Затем чиновник неожиданно назначил одного из своих сотрудников администратором команды, наделив его всеми дисциплинарными правами и вменив ему в обязанность составление режима дня, сроков «концентраций» команды накануне и после матчей и

постоянного контроля за деятельностью Загало. Ретивый картола с таким увлечением занялся травлей тренера, что забыл о своих прямых служебных обязанностях, и в течение полугода после чемпионата мира привел кассу клуба в катастрофическое состояние. Дело дошло до того, что футболисты и сам Загало в течение трех месяцев подряд не получали свою зарплату. А остальные служащие клуба, от ночного сторожа до массажиста и прачки, тщетно пытались добиться в декабре выплаты своих более чем скромных окладов за июнь! Взбешенный этой несправедливостью Жаирзиньо обратился с жалобой в трибунал спортивной юстиции, требуя для себя расторжения контракта и права свободного перехода в другой клуб. Разумеется, чиновники трибунала, которые несколько лет назад, не моргнув глазом, дисквалифицировали на два года Гарринчу за «нарушение условий контракта», встали на сторону Тониато и единогласно отвергли претензии Жаирзиньо. Таким образом, спортивная Фемида доказала еще раз, что ее слепота является таким же беспочвенным мифом, как и беспристрастие обычного буржуазного судопроизводства.

Не платя денег футболистам, Тониато тем не менее установил в клубе драконовский дисциплинарный режим. Дело не ограничивалось наказаниями за опоздания на тренировки. Кажется анекдотом, но это действительно так: знаменитый Пауло Цезар, один из героев победы над сборной Англии в Гвадалахаре, был не допущен к тренировке за то, что цвет и фасон его брюк не соответствовали эстетическим концепциям сеньора Тониато. Полузащитник Афонсиньо был выставлен за дверь клуба и лишен возможности тренироваться и играть в течение полугода за то, что он осмелился отпустить бороду! Впрочем, борода в данном случае

являлась предлогом: на самом деле чиновник не мог примириться с тем, что Афонсиньо поступил на медицинский факультет университета Рио-де-Жанейро. Нельзя сказать, что парень требовал для себя в связи с этим каких-то там привилегий! Он не отпрашивался с тренировок, не нарушал режима. Ценой героических усилий он сумел полностью примирить свои занятия на факультете с обязанностями футболиста профессионала. И тем не менее Шисто Тониато вознегодовал. Потому что Шисто Тониато был глубоко убежден, что настоящий футболист не должен гоняться за какими-то дипломами. Даже медицинскими! Это было чуждо сеньору Тониато, может быть, потому, что сам он никакими дипломами не обладал и все же, как видите, добился успеха в жизни: стал богат, занял пост крупного футбольного руководителя, получил власть и могущество, которые дают человеку деньги.

Но вернемся к Загало. На одном из собраний команды вспыхнул конфликт, назревавший уже много месяцев. Несколько ведущих футболистов клуба обратились к Тониато с требованием выплатить задерживаемую за последние месяцы зарплату. Шисто Тониато попытался славировать, отделаться обещаниями, как это бывало уже не раз, стал взывать к тренеру с просьбой «урезонить парней». Загало сухо ответил, что он считает претензии игроков вполне оправданными. Это было последней каплей. Тониато получил долгожданный предлог обвинить тренера в «недисциплинированности». На другой день Загало получил лаконичное извещение о своем увольнении.

Как и следовало ожидать, он обратился в суд. Не в трибунал спортивной юстиции, в котором заседают единомышленники Шисто Тониато, а в гражданский суд. И, как и следовало ожидать, судья признал

Загало правым и обязал клуб «Ботафого» (увы, опять-таки клуб, а не сам Тониато, оказывался виновником всех бед) выплатить штраф.

Отставка Загало вызвала недоумение не столько в Бразилии, сколько за ее пределами. Зарубежные специалисты отказались понять, как это можно — выгнать тренера, обладающего послужным списком Загало, тренера, одно имя которого гарантирует клубу и в стране и за рубежом престиж, славу и, следовательно, высокие сборы. Ну а для бразильцев катаклизмы, потрясавшие «Ботафого», не казались чем-то из ряда вон выходящим. Достаточно сказать, что в конце 1970 года в большинстве других «больших» клубов Бразилии происходили не менее удивительные перемены и события. В этот раз традиционные в конце сезона отставки тренеров приобрели прямо-таки катастрофический размах. Словно сорвавшись с какой-то невидимой цепи, картолы гнали не только тренеров-неудачников, что еще можно было бы иногда если не оправдать, то понять, по крайней мере. Были выставлены за дверь тренеры, завоевавшие в только что прошедшем сезоне громкие и почетные титулы. Ушел из «Сан-Паулу» знаменитый Зезе Морейра, сделавший эту команду чемпионом штата. Вслед за ним был уволен из «Васко-да-Гамы» не менее компетентный тренер Тим, который отправился в отставку, завоевав вместе с командой звание чемпиона Рио-де-Жанейро. Буквально через пару недель после финального матча, завершившего розыгрыш Серебряного кубка страны, являвшийся фактическим национальным чемпионатом, картолы команды — победительницы турнира «Флуминенсе» отказались продлить контракт с еще продолжавшим вкушать сладость победы тренером Пауло Амаралом, в компетент-

ности которого никто не имеет права сомневаться. Ведь Пауло был помощником главных тренеров сборной страны в трех чемпионатах мира (1958, 1962 и 1966 гг.).

Пытаясь понять причины всех этих (и многих других, о которых уже нет возможности рассказать) неурядиц, не следует объяснять их только капризами картол. Конечно, индивидуумы вроде Шисто Тониато имеются во многих клубах. Однако все они, как и сам Тониато, являются не столько творцами системы, сколько ее жертвами. Или, точнее выражаясь, ее продуктом. Или, еще точнее, отходами производства, шлаком, выбрасываемым из чрева этой гигантской машины — бразильского профессионального футбола, который, как пишет Жоао Салданья: «... живет в обстановке политиканства, куда более мелочного, чем партийные или политические интриги. Куда более мелочного! Руководящие кадры нашего футбола, родившиеся в эпоху примитивного любительства, до сих пор не приспособились к новым идеям и нормам. Возможно, их даже не следует винить в этом. Если бы мы могли заглянуть в черепную коробку этих людей, все сразу встало бы на свои места. Мы бы увидели, что там давным-давно все высохло. Ничего нет. И нет места для чего бы то ни было. Такова жизнь».

«Все течет, все изменяется». Футбольные картолы бросают смелый вызов этой, казалось бы, неоспоримой философской аксиоме. Они умудряются сегодня оставаться такими же, какими были десять, тридцать и пятьдесят лет назад. Футбол, как и вся наша жизнь, ушел вперед. Он изобрел новые тактические и технические приемы, усовершенствовал свои правила, отстроил 200-тысячные стадионы, открыл новые формы тренировок. Благодаря телевидению мы смотрим

сегодня в любой точке планеты матчи, проходящие в Мехико или Мюнхене. Благодаря кино изучаем незабываемые финты Гарринчи и «сухие листы» Диди. А картолы — словно жучки в банке со спиртом — не претерпели никаких перемен. Дыхание прогресса лишь слегка коснулось подтрибунной жизни бразильских стадионов, что выразилось всего лишь в замене деревянных счетов арифмометрами, а бабушки-прачки — автоматической стиральной машиной. Люди, управляющие арифмометрами, остались теми же. Окаменевшие троглодиты, которые вчера пытались ставить рогатки на пути негров в большой футбол, сегодня издеваются над Загало, запрещают Афонсиньо учиться в университете и продают «Сантос» представителям «Маракеш-футбол-клуба».

К началу 1971 года, спустя какие-то полгода после финального матча на «Ацтеке», целый ряд «трикампеонов» вынужден был расстаться со своими клубами. Перешел из «Сантоса» в «Ботафого» Карлос Альберто, был изгнан из «Фламенго» Брито, ушел из «Ботафого» во «Фламенго» Роберто. Поскольку по бразильским законам футболист, продаваемый клубом, имеет право на получение 15 процентов от суммы сделки, картолы нашли хитроумный выход, избавляющий их от этих расходов: они стали осуществлять обмены игроков. Роберто был обменен на Брито. За Карлоса Альберто Шисто Тониато отправил в «Сантос» сразу троих игроков «Ботафого»: в конце концов, «золотые» ноги капитана сборной заслуживали тройного вознаграждения. А что касается всяких там морально-этических мелочей, то это картол не интересует. Ведь футбол — это прежде всего коммерция, бизнес, в котором для достижения максимальной прибыли при минимальных затратах все средства хороши.

Стартовая площадка „три-кампеонов"

Заключительным актом, закрывавшим торжества по случаю завоевания Нике, должен был стать «матч благодарности»: в знак признательности народу Мексики за поддержку, за овации и прочие дружественные манифестации, сопровождавшие выступления бразильской сборной на чемпионате мира, СБД пригласила сборную этой страны в Бразилию для товарищеской встречи с «три-кампеонами», которая была назначена на 30 сентября 1970 года. Матч должен был проходить на «Маракане». Кстати, не кажется ли вам, уважаемый читатель, что в книге, посвященной завоеванию «Золотой богини», нельзя не уделить пару-другую страниц рассказу об этом стадионе, ставшем колыбелью «три-кампеонов»?

Утверждают, что футбол стал не только самым массовым, самым любимым спортом на земле, но и вообще самой «универсальной» страстью, охватившей ее обитателей. Говорят даже, что количество стран, входящих в Международную футбольную ассоциацию — ФИФА, превысило количество государств — членов Организации Объединенных Наций! Не будем спорить с этими утверждениями футбольных статистиков, ибо, как уже было сказано Ильфом и Петровым, «статистика знает все». Статистика знает, сколько голов забил Пеле на сегодняшний день и час, сколько ног было переломано подданными ее величества в матчах на кубок Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии в прошлом году или десять лет назад, сколько сосисок будет съедено

в мюнхенских барах во время будущего чемпионата мира 1974 года. Одного лишь не знает статистика: сколько стадионов имеется на нашей беспокойной планете от «финских хладных скал» до еще более хладных плоскогорий Антарктиды. С точностью известно лишь одно: самым знаменитым среди них, самым шумным, веселым и — что особенно важно — самым большим является Муниципальный стадион имени Марио Фильо в Рио-де-Жанейро, знакомый миллионам болельщиков по звучному и необычному имени «Маракана».

Начнем с имени. «Маракана́» (с ударением на последнем слоге: «Мар-ра-ка-НА») — индейское слово, которым много веков назад индейцы племени тупинамба̀, обитавшие на том месте, где впоследствии вырос Рио, назвали маленькую речушку. Много воды утекло с тех пор в этой речке. Все тупинамба давным-давно уничтожены принесшими на эту землю «цивилизацию» португальскими колонизаторами, а речушка сохранилась. Она превратилась в грязный ручей, омывающий с юга ограду стадиона. В период тропических ливней этот ручей превращается в бурлящий и грозный поток, разливающийся на громадное пространство. В эти часы стадион становится островом, болельщики — пленниками, а сотни автомобилей, ожидающих своих владельцев, уносятся грозной Мараканой за сотни метров от тех мест, где они были оставлены водителями.

Один из таких ливней обрушился на стадион во время матча «Васко-да-Гамы» и «Ботафого» в феврале 1971 года. День тогда был солнечным и жарким. Никто из спешивших на стадион болельщиков не обратил внимания на крохотную черную тучку, показавшуюся над горой, где раскинул свои цемент-

ные руки серый Христос, высящийся над Рио-де-Жанейро. Дождь начался по свистку судьи. Одновременно с первым ударом по мячу. А уже через восемь минут судья прервал поединок, поправ традицию: «матч состоится при любой погоде».

Это было что-то неописуемое. Мы, журналисты, сидевшие в ложе прессы, которая находится в самом центре трибуны — неподалеку от точки, где пересекаются средняя и боковая линии поля, не могли различить ни ворот, ни центрального круга футбольного поля, не говоря уже о противоположной трибуне: вода шла не потоками, не струями, а каким-то необузданным водопадом, низвергавшимся с неба ожесточенно и грозно. Через несколько минут после начала этого ливня на окружающих стадион улицах и площадях уровень воды поднялся до двух — двух с половиной метров. Из трансляционных репродукторов раздались тревожные призывы администрации стадиона с просьбой к болельщикам не покидать трибун во избежание несчастных случаев. Никто, впрочем, и не мог бы этого сделать. Особенно после того, как стало известно, что у шестнадцатых ворот (через которые въезжают на территорию «Мараканы» машины журналистов) погибли трое мужчин, пытавшихся форсировать несущийся по улицам бурный поток воды. Смерть наступила от удара электротоком: оборвался и упал в воду кабель, питавший энергосистему стадиона. Тело одного из них было обнаружено четыре дня спустя в заливе Гуанабара, километрах в шести от места гибели. Потоки воды протащили его через весь город!

Уже упомянутая нами всезнающая статистика зафиксировала, что 1970 год — год мексиканского чемпионата — стал для стадиона юбилейным: «Ма-

ракане» исполнилось ровно двадцать лет. Что металлоконструкции, затраченные на его сооружение, можно было бы (при желании и, разумеется, разрешении вышестоящего начальства) дважды уложить вокруг земного шара по линии экватора. И что из цемента, израсходованного на сооружение этого гиганта, можно было бы воздвигнуть колонну, вдвое превосходящую высоту самого высокого здания на земле — 103-этажного «Эмпайр стейт билдинг» в Нью-Йорке. Статистика знает также, что трибуны «Мараканы» имеют высоту 32 метра и вмещают 200 тысяч болельщиков. Однако самой волнующей цифрой, которую могут вам сообщить бразильские Константины Есенины, являются 56 миллионов, или, чтобы быть предельно точным, 56 102 366 болельщиков (составляющих более половины населения страны!), прошедших за эти двадцать лет через ворота стадиона на его трибуны. К сожалению, не все из этих 56 миллионов сумели вернуться домой: на трибунах «Мараканы» погибло 20 человек, два десятка страдальцев пали здесь смертью героев на поле брани — жертвы бурных инфарктов и инсультов, вызванных незабитыми голами, проигранными кубками и пенальти, пробитыми мимо ворот. Заметим, однако, что эти печальные потери были, хотя и в очень малой степени, компенсированы одной страстной поклонницей футбола, которая умудрилась благополучно разрешиться от бремени прямо на архибанкаде (втором ярусе) «Мараканы» во время одного из трех с половиной тысяч матчей, проведенных здесь за эти двадцать лет *.

* Для коллекционеров футбольных курьезов сообщим более точные данные: эти роды случились во втором тайме матча сборных Бразилии и Парагвая 31 августа 1969 года.

История стадиона неразрывно связана со всеми радостями и печалями бразильского футбола за последние два десятилетия. Построен он был в страшной спешке: полторы тысячи рабочих трудились днем и ночью, чтобы сдать его к открытию четвертого чемпионата мира, назначенному на 9 июля 1950 года. Первый матч состоялся здесь 15 июня. Играли сборные Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу. Первый гол был забит, как уже было сказано, Диди, выступавшим за сборную Рио. А всего лишь месяц спустя — 16 июля состоялся тот самый «трагический» в истории стадиона матч — финальная встреча с уругвайцами на первенство мира, проигранная бразильцами 1 : 2.

Но, сказать по правде, за двадцать лет своей жизни «Маракана» принесла своим завсегдатаям гораздо больше радостей, чем печалей. Самые счастливые страницы в ее истории связаны с матчами «золотой сборной» — «би-кампеонов», поразивших мир в Швеции и Чили. Здесь, на «Маракане», дважды завоевывал звание чемпиона мира среди клубных команд самый популярный бразильский клуб «Сантос». Здесь, на «Маракане», потрясал торсиду своим радостным искусством «Чарли Чаплин футбола» — Маноэл Франсиско дос Сантос, известный миру по шутливому прозвищу Гарринча. Здесь сыграл свои лучшие матчи и забил свой самый знаменитый — тысячный! — гол лучший футболист мира Эдсон Арантес до Насименто — Пеле.

Об этом событии, вероятно, самом ярком и самом незабываемом из всех ярких и незабываемых футбольных спектаклей, прошедших на стадионе за эти двадцать лет, стоит рассказать поподробнее.

К ноябрю 1969 года, когда сумма голов, забитых Пеле, приблизилась к тысяче, пресса заволновалась,

«Сантос» участвовал в то время в турнире «Серебряный кубок» и дважды в неделю играл в разных городах страны. После того как был забит 998-й гол, по пятам за командой стала ездить целая дивизия фоторепортеров, кинооператоров и телевизионщиков. Тысячный гол «короля» должен был быть запечатлен со всех мыслимых и немыслимых точек зрения, во всех возможных и невозможных ракурсах, в черно-белом и цветном вариантах. Когда был забит 999-й гол, спортивную прессу охватил истеричный ажиотаж. Следующий матч Пеле должен был играть в столице штата Баия — в Сальвадоре. Туда устремился цвет бразильской футбольной журналистики, сопровождаемый полчищами фотографов и операторов. Соперником «Сантоса» была довольно слабенькая команда с весьма посредственной линией защиты, и ни у кого не было сомнения, что 1000-й гол будет сделан именно в этом матче. Губернатор Баии заказал (и привез на матч!) мемориальную доску, которая должна была увековечить в торжественно-высокопарных фразах великое событие и благодарить Пеле от имени народа Баии за то, что он соблаговолил забить свой тысячный гол на этой гостеприимной земле...

Матч прошел с подавляющим преимуществом «Сантоса». Громоздившиеся друг другу на головы и спины фотографы и операторы, заполнив все свободное пространство за воротами местной команды, изнемогали от нетерпения, озаряя стадион вспышками «блицев» каждый раз, когда мяч попадал к Пеле. Увы, в этот день была подтверждена старая, как сам футбол, истина насчет того, что поле ровное, мяч круглый и что вообще в этой игре ничего нельзя планировать и предвидеть заранее, кроме незапланирован-

ных и непредвиденных сюрпризов. Однажды, минуты за четыре до конца матча, Пеле отделяли от тысячного гола какие-то несколько сантиметров: обыграв вратаря, он влетел с мячом почти в ворота. Когда мяч уже пересекал роковую белую линию, защитник хозяев поля сломя голову бросился в ноги «короля», выбивая его (мяч, а не Пеле!) из пустых ворот. Бронзовая мемориальная доска, заготовленная губернатором Баии, оказалась «вне игры». Ее можно было отправлять в музей футбольных курьезов.

Следующий матч «Сантос» играл 19 ноября на «Маракане». Утром этого дня все газеты страны отвели львиную долю своих страниц обсуждению животрепещущей проблемы: быть или не быть тысячному голу? Губернатор Рио-де-Жанейро, несмотря на печальный опыт своего коллеги из Баии, тоже заказал мемориальную доску. Погоня за билетами на матч превысила все ожидания администрации стадиона и руководителей клуба, которые довольно улыбались, предвидя внеплановые прибыли. Телестанции транслировали в записи самые знаменитые голы, отметившие путь «короля» по стадионам мира. Газеты и журналы публиковали списки его голов. Первый из них был забит тринадцать лет назад: 7 сентября 1956 года в товарищеском матче «Сантоса» против «Коринтианса» из города Санто-Андре, в ознаменование национального праздника Бразилии Дня Республики. «Сантос» выиграл тогда 7 : 1, и пятнадцатилетний мальчишка, которого за несколько месяцев до этого привезли из городка Бауру, дебютировал в основном составе команды рядом с прославленными мастерами, многие из которых входили в сборную страны: знаменитый вратарь Манга (выступавший, кстати, у нас в СССР в 1969 году в составе уругвайского

«Националя»), будущий «би-кампеон» Зито, Дель Векио, Жаир да Роза Пинто и другие.

Пеле появился на поле во втором тайме, когда судьба матча уже была решена. 6 : 1 вели «сантисты». Несколько минут спустя он получил высокий пас от Жаира, принял мяч на грудь, опустил на землю, мягким финтом оставил за своей спиной защитника и сухим щелчком послал мяч между ног вратаря Залуара. Вся команда бросилась поздравлять мальчишку с «боевым крещением», и никто из ветеранов «Сантоса» не мог тогда и предположить, каким длинным окажется его «послужной список», первая графа которого была заполнена в этот день.

Не прошло и года, как шестнадцатилетний Пеле забил свой первый гол, выступая за сборную страны. Этот матч был его премьерой в сборной. Спортивная пресса и болельщики тогда еще пребывали в недоумении: зачем понадобилось вводить в состав национальной команды этого мальчишку, пусть талантливого, но совсем еще не обстрелянного? Год назад он гонял мяч на пыльных улицах своего провинциального Бауру — и вдруг сразу же оказался в сборной. Его выпустили, когда команда проигрывала сборной Аргентины со счетом 0 : 1. Менее удачную обстановку для дебюта трудно придумать: бушуют недовольные трибуны «Мараканы», команда проигрывает, аргентинцы, почуяв запах победы, играют остро, резко, даже грубо... Спустя несколько минут мальчишка пробирается через частокол неприятельских ног и посылает мяч в какую-то, только одному ему видимую щель между защитниками и знаменитым аргентинским вратарем Каррисо, который даже не успел понять, в чем дело, как мяч оказался в сетке. Все же эту встречу бразильцы проиграли, но через два дня —

в ответном матче, который проходил в Сан-Паулу, Пеле вышел уже в основном составе и потряс болельщиков цепкой и напористой игрой. Этот матч был выигран бразильцами 4 : 1.

19 июня 1958 года Пеле забил свой первый гол в матчах чемпионатов мира. Случилось это в трудном матче против сборной Уэльса, в четвертьфинале, когда только победа позволяла бразильцам продолжать борьбу за кубок Жюля Риме. На 25-й минуте второго тайма, получив мяч от Диди, Пеле «разбросал» защитников быстрыми финтами, перекинул мяч через голову одного из них и с лета, почти без обработки послал его в правый нижний угол ворот. До сих пор он называет этот гол — единственный гол того трудного матча — одним из своих лучших и самым «важным» голом своей жизни. Спустя десять дней — 29 июня 1958 года Пеле (семнадцатилетний!) стал самым молодым в истории футбола чемпионом мира, и, возвращаясь на родину среди множества призов и подарков, увозил с собой охотничье ружье из России: специальный приз, врученный ему одной из советских газет, до сих пор украшающий его домашний музей и являющийся одним из самых дорогих и любимых призов «короля».

А всего лишь месяц спустя — 31 июля 1958 года Пеле (семнадцатилетний!) записал на свой лицевой счет 100-й гол, забив его на стадионе «Пакаэмбу» в Сан-Паулу в матче против клуба «Комерсиал». Не прошло и года (!), как он забивает 200-й гол. Это случилось в Ганновере (ФРГ) 13 июня 1959 года в матче «Сантоса» против команды «Нидерзаксен».

И снова менее года понадобилось Пеле для следующей — третьей сотни голов. Завершил он ее 13 мая

1960 года в Милане, в матче против «Интернационале». 28 июня 1961 года в Афинах в ворота греческой команды «АЕК» был забит 400-й гол, 5 сентября 1962 года — 500-й (в матче против команды «Ботафого» из Рибейрао-Прето), 22 августа 1963 года — 600-й (в ворота «Ботафого» из Рио-де-Жанейро), 18 апреля 1965 года — 700-й, тоже на «Маракане», в матче против хозяев поля — «Флуминенсе». 800-й гол был забит «королем» в Мадриде в ворота «Атлетико» 21 июня 1966 года. Это был гол с пенальти, пробитом в его знаменитом стиле, который именуют здесь, в Бразилии, словом «парадинья» — «остановочка». Разбегаясь перед тем, как пробить одиннадцатиметровый удар, Пеле за полшага до мяча неожиданно останавливается и меняет ударную ногу. Эффект в таких случаях обычно бывает один и тот же: вратарь летит в один угол, мяч — в другой. 900-й гол был забит 21 июня 1968 года в Нью-Йорке (обратите внимание, сколь богата и необъятна «география» одних только «юбилейных», «круглых» голов. По ней уже можно составить себе достаточно полное представление о международном «километраже» «короля»). Это произошло в матче против итальянского «Наполи», выигранном «Сантосом» со счетом 4 : 2. Прошел еще один год, и страна затаила дыхание, ожидая с минуты на минуту 1000-й гол своего кумира.

Конечно же, трудно было найти более подходящую сцену для этого события, чем «Маракана» — расцвеченная флагами, укутанная клубами ракетного дыма, звенящая многотысячным хором своей бескрайней архибанкады. Была и в этом своя глубокая логика, какая-то объективная закономерность, какая-то фатально-неизбежная историческая необходимость: 1000-й гол лучшего футболиста мира должен был

быть забит на крупнейшем стадионе мира, взлелеявшем и выпестовавшем этого парня.

...Зарядив две фотокамеры, я с трудом втиснулся между сотнями возбужденных фоторепортеров, наводнивших сектор за воротами «Васко-да-Гамы». Матч был упорный. Вратарь Андрада, купленный «Васко» в Аргентине, поклялся, что мемориальная доска, заготовленная в честь 1000-го гола, не будет вывешена сегодня. На этот матч прилетел из Аргентины отец Андрады.

В первом тайме Пеле почти не получал мяча: в то время как защитники «Васко» установили за ним неусыпную слежку, его партнеры — «сантисты», желая помочь «королю», засыпали его пасами и передачами, которые было невозможно реализовать. «Сантос» столь сильно заботился о 1000-м голе Пеле, что позабыл об охране своих собственных ворот, в результате чего «Васко» повела в счете.

В начале второго тайма опекун Пеле — Рене, пытаясь прервать адресованный «королю» пас, вогнал мяч в свои ворота. Счет стал 1 : 1. После этого обстановка накалилась. Пеле все чаще и чаще обыгрывал Рене. Однажды он, казалось, должен был во что бы то ни стало забить, но умудрился пробить выше ворот.

Заметно, как волнуется сам Пеле, как нервничают «сантисты», как застыли в напряженном ожидании трибуны. На 32-й минуте второго тайма Пеле неожиданно врывается в штрафную площадку, проскочив между Рене и Эбервалом. В последний момент, когда он заносит ногу для удара, Рене сносит его. Бесспорный, очевидный, не вызывающий и тени сомнения пенальти. Трибуны ревут. Игра остановлена. Судья ставит мяч на одиннадцатиметровую отметку. Но что это?! Пеле отказывается бить штрафной? С нашей

позиции за воротами Андрады хорошо видно, как он отрицательно качает головой и машет рукой, подзывая Карлоса Альберто — «штатного» пенальтиста «Сантоса».

«Этого не может быть!» — кричит взволнованный фотограф «Жорнал дос спортс», лежащий со своей камерой на моем левом плече. Хватается за голову стоящий на моей правой ноге оператор английской Би-Би-Си, прилетевший из Лондона ради этого матча, точнее говоря, ради этого гола. Трибуны тоже заметили нерешительность «короля». И где-то в недрах торсиды «Васко» рождается крик: «Пе-ле! Пе-ле! Пе-ле!» Сами болельщики «Васко-да-Гамы» требуют, чтобы пенальти в их ворота пробил Пеле. Их клич крепнет, растет и растекается по архибанкаде. Несколько секунд спустя его скандирует весь вскочивший на ноги стадион.

И Пеле подходит к мячу. Он волнуется и старается не глядеть на Андраду. Поправляет мяч. Нагибается и поправляет гетры. Распрямляется, вздыхает. Проводит рукой по волосам. У него такой вид, словно от этого гола зависит его судьба. Жизнь или смерть... На гигантской трибуне воцаряется тишина, от которой по спине начинают бегать мурашки. Пеле отходит. Андрада сжимается в комок. Замерли флаги, застыло все вокруг, замолчали десятки радиостанций, ведущих репортаж... Застрекотали камеры кинооператоров.

Пеле делает шаг, другой... Он разбегается, как всегда неторопливо, словно нехотя. И за полшага до мяча снова делает свою «парадинью», чуть заметно меняя ритм движений. Его нога касается мяча, взрываются единодушным треском тысячи затворов фотокамер. Мяч летит в левый от вратаря нижний угол

в метре примерно от земли, и за мячом в акробатическом броске летит Андрада. Он касается мяча кончиками пальцев, но не успевает изменить его траекторию...

Всколыхнув сетку, мяч замирает в глубине ворот...

И в это же мгновение «Маракана» взрывается, словно лопнувший вулкан. Пеле бежит в ворота мимо лежащего на земле вратаря, хватает мяч и целует его. И тут же на поле врываются, тесня друг друга локтями, сумками, штативами, операторы и репортеры, снимавшие гол, за ними бегут запасные со скамеек «Сантоса» и «Васко». Штурмуя ров, на поле устремляются сотни болельщиков с «жерал» — сектора для самых дешевых стоячих мест. Полиция и не пытается остановить это вторжение, потому что полиция и сама в восторге бежит по пятам за Пеле, который совершает круг почета на плечах журналистов. Кто-то накидывает на него футболку, где вместо «10» — традиционного номера Пеле — красуется «1000». Чиновники стадиона бегут в раздевалку «Сантоса», где спешно приколачивается мемориальная доска. Отныне и навеки эта раздевалка станет именоваться «раздевалка имени Пеле».

К лицу Пеле тянутся десятки микрофонов. Все еще сидя на плечах журналистов, он вытирает слезы, машет рукой, обернувшись к продолжающим неистовствовать трибунам, и говорит хриплым, запинающимся, каким-то чужим голосом, какой-то странной скороговоркой: «Сейчас, когда меня слушает вся страна, когда все вы смотрите на меня, я хочу сказать вам, друзья: давайте вспомним о наших бедняках, о нищих, о голодных, о детишках в фавелах! Давайте все вместе поможем им! Ведь приближается рождество! А сколько людей встретят его голодными? Я сам был голод-

ным мальчишкой! И я знаю, что это такое. Давайте же, друзья мои, поможем бедным детям, сиротам, всем детям Бразилии, которым я и посвящаю сегодня свой тысячный гол!» *

Впереди еще больше десяти минут игры, но никого не интересует исход встречи. Болельщики и журналисты, картолы и операторы — все бросаются к раздевалке, куда унесли на плечах Пеле. Ясно, что доигрывать он этот матч уже не будет. Ясно, что досматривать этот матч никто не будет. У раздевалки разливается бескрайнее людское море в ожидании счастливой минуты, когда улыбающийся Пеле, поднявшись из туннеля, пройдет к автобусу «Сантоса».

Что еще вспоминается, когда думаешь о «Маракане»? Голы и восторги торсиды, буйный рокот барабанов, торжествующих победу, и печальные костры, дымящиеся на серых пустых трибунах после поражений, когда опечаленная торсида сжигала свои флаги. Вспоминается радостный матч сборной Бразилии со сборной «всего остального мира» душным ноябрьским вечером 1968 года, когда непривычно доброжелательные к гостям трибуны «Мараканы» бурно аплодировали именитым соперникам, которых выводил на поле капитан сборной мира Лев Яшин, рукоплескали мастерству Шестернева, Мазуркевича, Метревели, Джаича и другим «звездам» футбола, прибывшим на торжества в связи с пятидесятилетием Бразильской федерации футбола и десятилетием победы в Швеции.

Вспоминаются и печальные эпизоды, омрачившие

---

* Этот трогательный и наивный призыв не был услышан: спустя полтора года в одном из своих интервью Пеле признал, что все его попытки создать специальный фонд для помощи детям бедняков не нашли отклика в сердцах и... кошельках тех, кто имел возможность оказать эту помощь.

славную историю стадиона — побоища, разыгрывавшиеся иногда на зеленом ковре «Мараканы». Вроде того, которое вспыхнуло в финальном матче чемпионата Рио-де-Жанейро 1966 года, когда за 20 минут до конца встречи все основные и запасные игроки «Фламенго» и «Бангу» устроили грандиозную потасовку под оглушительный свист публики. Судья удалил всех с поля, матч остался недоигранным, а судьба чемпионата была решена в кабинетах местной футбольной федерации. Или не менее кровопролитная драка, вспыхнувшая в товарищеском матче сборных Перу и Бразилии 9 апреля 1969 года, после того как Жерсон сломал ногу защитнику гостей Де ла Торре. Глядя на это побоище, плакал тренер перуанцев Диди и кричал репортерам: «Мне стыдно, что я родился бразильцем!»

В 1968 году на «Маракане» был установлен порядок, разрешающий бесплатный вход на стадион детям до четырнадцатилетнего возраста. Этим решением не просто увеличивалась армия торседорес на трибунах, но, что еще важнее, оно позволило сотням тысяч детей бедняков из окрестных фавел — завтрашней смене Пеле и Гарринчи — регулярно посещать матчи, учась у своих кумиров. О том, как широко пользовались дети этой возможностью, свидетельствует тот, например, факт, что на матче сборной СССР с командой «Васко-да-Гама» в феврале 1969 года они составили свыше трети от общего числа зрителей. Казалось бы, этому нельзя не радоваться. Ан нет, в недрах футбольных клубов послышалось глухое ворчание недовольства столь резким увеличением количества зрителей, проходящих на стадион бесплатно. А вскоре в печати появилось интервью президента «Мараканы» Абеларда Франса, который обнажил еще одну удру-

чающую сторону этой проблемы: «Каждый вечер после матча я и мои сотрудники, — жаловался чиновник, — вынуждены до полуночи обшаривать самые потаенные закоулки «Мараканы», потому что тысячи бездомных и беспризорных детей, пришедших на матчи, пытаются найти на стадионе убежище и на ночь. Мы их вытаскиваем из раздевалок и туннелей, из-под прилавков и лестниц. Я не знаю, что делать с этими несчастными. Пытаюсь отправлять их в канцелярию судьи или в комиссию по делам несовершеннолетних, но там для них тоже нет места, и их выдворяют на улицу. И когда настает день очередного матча, они снова появляются на стадионе...»

Эти слова упали, как подарок всевышнего, в руки руководителей футбольных клубов. Дельцы в мгновение ока разрубили гордиев узел: на совещании президентов клубов Рио-де-Жанейро было принято решение запретить бесплатный вход детей на стадионы города. Коварство этой меры усугублялось еще и тем, что она была объявлена менее чем за сутки до начала интереснейшего матча «Ботафого» — «Васко-да-Гама», решавшего судьбу лидерства в чемпионате. Не зная о запрете, десятки тысяч детей собрались у ворот «Мараканы». Полицейские, помахивая для острастки, дубинками, преградили им путь, отгоняя от ворот, в которые вкатывали, сверкая лаком, лимузины тех, кого не волнуют все эти земные проблемы. Вместе с сиятельными папами улыбались в лимузинах физиономии детей, которые имеют возможность попасть на стадион за любые деньги. Их были сотни, этих счастливчиков. Тысячи остались за воротами.

С чем сравнить слезы и горе мальчишек, которые не могли купить себе билет? Как описать их тщетные усилия проникнуть на стадион любой ценой? Как пе-

редать их волнение в момент, когда с далеких трибун донесся первый взрыв восторга: гол!.. Чей? Кто забил? Кому забили? В бессильной злобе мальчишки начали хватать камни, палки, все, что подвернется под руку, и закидывать стоянки нарядных лимузинов. Зазвенели разбитые стекла. В ответ послышалось цоканье подков: гася протест гаврошей, у которых нет ни денег на билет, ни крыши над головой, конная полиция ринулась на восстановление законности и порядка.

Накануне следующего матча стадион был окружен еще более плотным заслоном полиции. А мальчишки не могли смириться. Одни бегали, выпрашивая деньги у взрослых, другие, более предприимчивые, занялись коммерцией. «Сеньор! Сеньор! Пожалуйста, купите апельсин! Купите скорее, а то начнется матч, и я не посмотрю мой «Фламенго»!» — взывал негритенок у входа на трибуну прессы и почетных гостей. Матч «Фламенго» и «Ботафого» начинался, а ему все еще не хватало одного крузейро. «Один крузейро! Один крузейро!» — кричал малыш, и слезы катились по его щекам.

Да, «Маракана» многое повидала на своем веку. На ее «трибуне почета» горделиво восседали знаменитые кинозвезды и наследные принцы, миллионеры из Европы и генералы из США, затянутые в цветастые тоги африканские послы и сверкающие смокингами особы королевских кровей. Знаменитый брат знаменитого американского президента Роберт Кеннеди бегом бежал с этой трибуны в душную раздевалку и прямо под душем обнял роняющего мыльную пену, голого Пеле. Он знал, сколько голосов будет стоить ему эта фотография на предстоящих президентских выборах, до которых он так и не дожил. Английская королева

вручала здесь Пеле после устроенного в ее честь матча Кубок дружбы, и волнующиеся фотографы, пытавшиеся запечатлеть историческую встречу королевы с «королем», кричали истошными голосами: «Эй, королева! А ну подвинься! Встань поближе к нему!»

И для королевы, и для Роберта Кеннеди, и для тысяч прочих высокопоставленных визитеров «Маракана» явилась всего лишь мимолетным эпизодом в их пестрой и бурной жизни. А для тысяч простых кариок — жителей Рио — она стала родным домом. И не только в переносном, но и в самом прямом смысле этого слова: после страшных тропических ливней и наводнений, смывших в 1966—1967 годах с окрестных гор целые кварталы фавел, под трибунами «Мараканы» нашли убежище десятки тысяч бедняков, лишившихся крова. Долгие недели они ютились здесь, ожидая помощи правительства штата, голодая, страдая от сырости и зноя.

Как известно, «Маракана» является сугубо футбольным стадионом. На ее «центральном ядре» — как принято у нас говорить — нет ничего, кроме футбольного поля, огражденного рвом и барьером. Однако, кроме футбола, здесь проходит ежегодно еще одно, не менее ожесточенное состязание: каждую осень на архибанкаду стадиона приходят тысячи юношей и девушек, сдающих вступительные экзамены в университет и другие учебные заведения города.

Впрочем, не будем уклоняться от главной темы этой книжки, от футбола, и вспомним, что разговор о «Маракане» зашел у нас в связи с тем, что именно на этом стадионе должен был состояться «матч благодарности», отмечавший финал торжеств в связи с завоеванием «Золотой богини». Хотя этот матч не был

рекордным с точки зрения посещаемости: через рулетки контролеров прошло «всего лишь» 139 тысяч зрителей, он поставил иной рекорд — он стал самым радостным и веселым, самым праздничным и — не побоюсь этого слова — нарядным футбольным зрелищем, которое видели бразильцы за всю историю своего футбола. И дело было не только в праздничной иллюминации, в расцвеченных прожекторами гигантских воздушных шарах, которые подымали над футбольным полем лозунги: «Спасибо тебе, Мексика» и «Слава нашим «три-кампеонам». Дело было не в чинных эволюциях военного оркестра, не в цветах, усеявших трибуны, не в «папел-пикадо», усыпавшей поле разноцветным бумажным снегом. Нет, сам этот матч был удивительным и необычным. Еще бы: в этот день «три-кампеоны» впервые после Мексики выходили на поле, впервые появились перед своей торсидой, впервые играли в своем новом качестве — в звании покорителей «Золотой богини» — на самом большом стадионе Земли. Этот матч не был футбольным состязанием: над командами не висел дамоклов меч поражения или деклассификации, никто особенно не заботился о количестве забитых голов. Парни вышли на поле, чтобы порадовать своих соотечественников. И чтобы поиграть в свое удовольствие.

И они показали все, что они умеют! Они показали, на что они способны. Это был спектакль волшебников и фокусников, задиристый, остроумный футбольный мюзик-холл, веселая помесь балетного представления с цирковой клоунадой и искрящейся пантомимой. Мяч выписывал над полем самые немыслимые орбиты, скакал по коленям, спинам, катался по плечам и животам этих резвящихся в свое удовольствие молодых парней, которые совсем не походили сейчас на все-

могущих чемпионов, поставивших на колени весь футбольный мир.

Шутя были забиты два гола в ворота мексиканцев, а затем, словно демонстрируя великодушие и щедрое гостеприимство хозяев, «три-кампеоны» великодушно позволили гостям под занавес «размочить» счет. Так и закончилась эта встреча — 2 : 1. И долго еще вспыхивали над медленно пустеющими трибунами бенгальские огни, долго тлели головешки празничных костров, разложенных на архибанкаде. И среди них дымился маленький костер, организованный «Лузитанией», которая, разумеется, в полном составе прибыла на этот матч. В полном составе, кроме Дамиана, который не смог пойти вместе со всеми на архибанкаду: шесть крузейро — это не шутка! Таких денег старик никогда в руках своих не держал. Поэтому он вынужден был отправиться на стоячие места — «жерал», и весь матч маячил там, внизу, прижавшись к ограде над пустым рвом.

История одной жизни

По окончании матча с мексиканцами отведенная бразильской команде раздевалка «Мараканы» бурлила восторгами. Бронзовые мыльные «три-кампеоны» роняли белую пену на лакированные штиблеты спустившихся с трибуны почета чиновников СБД. Нервные репортеры бесцеремонно расталкивали мексиканских дипломатов, пришедших поздравить победителей. Долговязый Авеланж, скривив в снисходительной улыбке уголок тонкогубого рта, принимал поздравления и удовлетворенно покачивал головой. Его застывшее лицо сохраняло обычное выражение холодной учтивости. Кто-то обнимал Загало, кто-то дружески толкал под ребра Жерсона, кто-то пытался изображать хмельные пируэты самбы. Склонившись над млеющими в гигантских горячих ваннах чемпионами, репортеры хватали у них лихорадочные интервью, водя разнокалиберными микрофонами от носа к носу.

А неподалеку от входа, стараясь держаться подальше от эпицентра всех этих катаклизмов, стоял безразличный ко всей этой суете грузный человек. Глаза его серьезно и внимательно разглядывали происходящее, а на усталом лице застыла, словно забытая, улыбка. Она постепенно исчезала, просачиваясь сквозь глубокие морщины мясистых щек. Но каждый раз, когда мимо него проходил кто-то из футболистов, улыбка возвращалась.

— Ба! Да это сеньор Висенте!

— Как живете, сеу Висенте?

— Рады вас видеть...

Ему пожимали руки Тостао и Жаир, его хлопали по плечам Пеле и Карлос Альберто.

Его приветствовали только футболисты. Чиновники СБД равнодушно проходили мимо. Снующие туда-сюда репортеры не обращали на него внимания. Грузный старик олицетворял для них прошлое. Неприятное прошлое, о котором не хочется вспоминать. Репортеры ищут новость, событие, сенсацию. А этот человек, который на протяжении долгих лет был самой сенсационной новостью и самой новой сенсацией, сегодня уже не был способен, не мог взволновать читателей газет, жаждущих унюхать запах крови и ощутить кислый привкус порохового дыма, струящийся с газетных полос.

Я знал этого человека только по фотографиям. И, увидев его, замер. Я понял, что присутствую при историческом событии, которое не смогли оценить бразильские репортеры, занятые смакованием животрепещущих подробностей только что закончившегося матча, и футбольные чиновники, столпившиеся вокруг натягивавшего свои небесно-голубые брюки Пеле. Я понял, что на моих глазах происходит возвращение Висенте Феолы, его первая после 1966 года встреча со своими бывшими питомцами. Первая встреча с тех пор, как в холодном лондонском аэропорту он расстался со своей только что побежденной командой, возвращавшейся с опущенной головой на родину. Они возвращались тогда в Рио, а он оставался в Европе, желая отдохнуть немного от сумасшедшей горячки последних месяцев, от нервотрепки, от тяжелого потрясения, вызванного ливерпульской катастрофой. Он оставался лечиться и только через несколько месяцев тихо вернулся домой, в Сан-Паулу, никем не

встреченный, не узнанный, не вспомянутый. Его имя было вычеркнуто из штатных ведомостей СБД и из сердец безжалостных торседорес, которые всегда требовали от него только одного: победы!

Я подошел к нему и представился, сказав, что давно ищу случая побеседовать с ним. Феола добродушно улыбнулся и развел руками:

— Я с радостью поговорил бы с вами, но, к сожалению, через несколько минут прямо отсюда еду на аэродром, чтобы улететь в Сан-Паулу... — он посмотрел на часы, — с одиннадцатичасовым самолетом. Если не ошибаюсь, после этого рейса «воздушный мост» закрывается, и мне, если я опоздаю, придется сидеть в Рио до утра.

Он снова улыбнулся, словно извиняясь за то, что у него нет времени. А потом добавил:

— Но если вы сможете когда-нибудь приехать в Сан-Паулу, то я к вашим услугам.

Через несколько месяцев я приехал в этот суетливый и шумный город на чемпионат мира по баскетболу среди женских команд и в первый же относительно свободный день отправился в городскую штаб-квартиру клуба «Сан-Паулу», которая находилась по соседству с отелем «Инка», на шумной и дымной авениде Ипиранга, между слепыми стенами многоэтажных автоматических гаражей неподалеку от убогого театра-варьете «Сантана». Я знал, что Феола очень занят работой, и надеялся урвать у него хотя бы десяток минут для небольшого интервью. Обычного интервью: «Ваше мнение об итогах мексиканского чемпионата? А теперь — несколько слов о ваших планах на будущее. Благодарю вас, извините, до свидания».

Феола не забыл данного в Рио обещания. Он за-

крыл дверь своего рабочего кабинета и попросил секретаршу никого не пускать. Мы просидели с ним два часа в этот день, а затем, на следующий день, отправились на стадион клуба, который, если бы не было «Мараканы», был бы крупнейшим стадионом мира.

Феола рассказывал мне о своей жизни, рассказывал щедро, словно ему нужно было излить что-то накопившееся в душе человеку, совершенно ему незнакомому, не бразильцу, постороннему свидетелю, который слушал бы его, «добру и злу внимая равнодушно», не накладывая на его, Феолы, суждения и оценки собственных, грустных или радостных, воспоминаний, оставивших шрамы в душе каждого бразильца. На основании сохранившейся у меня магнитофонной записи я постараюсь изложить эту исповедь с протокольной точностью.

* * *

— Прежде всего, — сказал он, усевшись поудобней за стол и положив на него свои толстые руки со вздувшимися венами, — я хочу поблагодарить вас за возможность обратиться с вашей помощью к советским людям. Поверьте, это не просто слова вежливости, обращенные к гостю! Я храню самые теплые, самые радостные воспоминания о поездке в вашу страну. Я всегда с большим интересом следил за развитием советского футбола, всегда искренне желал вам успехов и побед и сегодня хочу начать нашу беседу именно с этого дружеского приветствия... А теперь, — улыбнулся он, кивнув на мой микрофон, — я к услугам Московского радио...

— Сеньор Висенте, — сказал я. — Для начала я хочу попросить вас рассказать о себе. О своей жизни

в футболе. Ведь вам есть что вспомнить, не правда ли?

— Да... — задумчиво сказал он, разглядывая свои короткопалые кисти, неподвижно лежащие на столе. — Сорок лет своей жизни я отдал спорту. Сорок лет... А может быть, и больше. И знаете, что я считаю самым главным делом своей жизни?

...Я подумал, что Феола скажет сейчас о победе руководимой им команды на чемпионате мира в Швеции, но он сказал:

— Строительство стадиона нашего клуба — «Сан-Паулу». Ведь это самый крупный в мире клубный стадион, поскольку «Маракана» — стадион государственный, построенный властями штата и принадлежащий правительству. А мы строили наш «Морумби» без всякой помощи со стороны властей.

Он задумался, словно вспоминая что-то, а потом отрицательно качнул головой:

— Впрочем, о стадионе я расскажу вам потом. А пока начну с самого начала.

Начал я свою жизнь так, как ее многие начинают в Бразилии: играя в футбол. В клубе «Палмейрас» здесь, в Сан-Паулу. С 1925 года. Играл, впрочем, недолго...

— Кем играли?

— Правым крайним. Но, повторяю, играл недолго. Сказать по правде, меня в юности смущали строгости тренера и жертвы, на которые надо было идти во имя режима и сохранения формы.

К 1935 году я уже поднялся до должности старшего тренера известного в то время клуба «Сирио-Ливанес» и поднял его с последнего места в чемпионате Сан-Паулу на третье.

В 1937 году меня пригласили в «Сан-Паулу» —

это, как вы знаете, крупнейший и один из наиболее известных и сильных клубов нашего штата, да и вообще Бразилии, и с тех пор жизнь моя неразрывно связана с историей этого клуба. Два года я был тренером, потом перешел на административную работу в руководящем совете «Сан-Паулу», затем — в 1941 году — снова стал тренером, и в этот год команда заняла второе место в чемпионате штата, сделав первый шаг к будущим успехам. До пятидесятого года я работал тренером «Сан-Паулу». В это десятилетие команда стала общепризнанным лидером футбола нашего штата. Таким же, каким в конце пятидесятых и в шестидесятые годы стал «Сантос».

Благодаря этому меня начали привлекать и к работе в национальной сборной: с 1949 года я стал официальным наблюдателем-селекционером сборной по штату Сан-Паулу. Это означало, что я должен был подбирать в нашем штате кандидатуры в сборную. В следующем, 1950 году меня назначили «супер-визором», это что-то вроде главного администратора команды, делящего вместе с тренером ответственность за ее судьбу. Тренером тогда был знаменитый Флавио Коста, но нам не улыбнулось счастье: мы проиграли четвертый чемпионат мира. Проиграли у себя дома, на «Маракане», хотя команда была отличной! Почему? Вероятно, потому, что не созрели еще для победы. Было рано. У нас не было опыта трудных боев на международной арене. Мы слишком долго варились в собственном соку.

Спустя пять лет — в пятьдесят пятом году — я впервые был назначен тренером сборной. Премьера получилась удачной: мы выиграли тогда кубок О'Хиггинса: есть такой приз, разыгрываемый между нами и чилийцами.

В 1958 году меня утвердили тренером команды, выезжавшей в Швецию на шестой чемпионат мира. Вернулись оттуда с победой, и я продолжал работу в «Сан-Паулу». А в 1961 году решил, точнее говоря, рискнул круто изменить свою судьбу. Поехал в Аргентину: меня пригласили руководить клубом «Бока Хуниорс». Соблазнился я тем, что, во-первых, это был самый популярный тогда в Аргентине клуб (говорили в шутку, что «Бока Хуниорс» — это 50 процентов плюс еще один человек от всего населения страны). Помимо этого, мне было просто интересно поработать в совершенно новой обстановке, в иной стране, с иным по сравнению с Бразилией «футбольным климатом».

Ну, поехал... Кое-кто, даже многие из моих игроков просили меня взять их с собой. Но я взял только Орландо. Решил, что не стоит приглашать других, так как это могло бы вызвать неудовольствие моих соотечественников.

В Аргентине поработал один год. Построил там стадион для «Бока Хуниорс». Потом вернулся в Бразилию и стал «техническим тренером» сборной. Была и такая должность в команде. Должность административная. А тренером стал Аймоpе Морейра, которого СБД пригласила после того, как я уехал в Аргентину. Подошел чилийский чемпионат, к которому мы готовили команду вдвоем с Айморе, но поехать туда я не смог: заболел. Правда, оставшись в Сан-Паулу, я поддерживал постоянный контакт с Айморе, мы переписывались все время, и я следил по телевидению, которое тогда уже у нас появилось, за матчами команды. Снова мы победили. Все были счастливы. Я тоже.

После выздоровления меня вновь пригласили руководить сборной: готовить ее к чемпионату шестьдесят шестого года. И тут я почувствовал себя в ловуш-

ке. В тупике. Я увидел, что выхода у меня нет. Я не верил в нашу победу в Англии и не хотел туда ехать. Но не мог отказаться, потому что не хотел прослыть трусом, который бросает свое дело в трудную минуту и бежит прочь.

Вы спросите: почему я не верил в нашу победу? Это не было каким-то предчувствием или ясновидением, нет! Я был уверен, что нам не удастся сыграть так, как в Чили или Швеции: потому что мы, бразильцы, тогда — накануне шестьдесят шестого года — зазнались. Именно зазнались. Я говорю не об игроках, а о нации в целом! Мы потеряли скромность, мы поверили в свою непогрешимость. Газеты кричали о победе как о чем-то уже решенном, как о деле, само собою разумеющемся. Нас провожали с победными маршами, с барабанами и с оркестрами, которые гремели на этих проводах громче, чем во время возвращений нашей команды с победных чемпионатов. А вы помните, какая была фанфарная шумиха в газетах? Когда я пытался говорить, что рано торжествовать победу, что чемпионат еще не начинался, от меня отмахивались, никто не хотел меня слушать. Считали, что я ворчу, как все тренеры, накануне трудных матчей. И никто не хотел понять, что я прав, что нельзя забывать старое мудрое правило, которое говорит, что завтрашний день и завтрашний матч всегда самый трудный.

...Феола рассказывал это, а я вспоминал, как, забыв горький урок пятидесятого года, газеты трубили победные марши, провожая команду в Англию. Как ликовал Рио, когда был выигран первый матч у болгар со счетом 2 : 0, по улицам Копакабаны шла ликующая карнавальная процессия, и из окон домов летел серпантин. А на следующее утро со всех газетных

киосков на прохожих, смакующих вчерашнюю победу, глядели радостные физиономии знаменитого дуэта — обнявшиеся и счастливые Пеле и Гарринча. Именно они забили эти два гола болгарам.

И никто не чувствовал, не понимал, не помнил, что старик Феола был прав, когда ворчал накануне отъезда, когда он говорил, что команды у него, по сути дела, нет: ветераны пятьдесят восьмого — шестьдесят второго годов уже ушли или уходили, а молодые Жаирзиньо, Тостао, Эду были необстрелянными новичками. Гарринча накануне чемпионата болел и утратил форму, Жерсон — тоже. Защита была обновлена очень сильно, и никто ее не испытывал в трудных боях.

Победа над болгарами, казалось, опровергала скепсис старого Феолы, но за ней последовал оглушительный, безапелляционный и совершенно неожиданный для ликующих бразильцев проигрыш венграм — 1 : 3. А за ним «трагический», «постыдный» матч с португальцами. Матч, который надо было выиграть с перевесом в три мяча, и который был проигран — 1 : 3. Матч, в котором был искалечен Пеле и окончательно повержены честолюбивые надежды восьмидесяти пяти миллионов его соотечественников. Матч, во время трансляции которого на Бразилию происходили самоубийства и автомобильные катастрофы. Когда громились лавки ни в чем не повинных португальских бакалейщиков. Когда Старый Педро впервые за три десятка лет своей жизни в Рио вынужден был закрыть свою «Лузитанию» в три часа дня: за час до начала трансляции матча. Старик как в воду глядел: только тяжелые стальные жалюзи спасли его бар от поджога.

На следующий день улицы Рио были расписаны ругательными словами и проклятиями в адрес стари-

ка, который сидит сейчас передо мной. На каждом перекрестке сжигались уродливые чучела. Благо, Феолу легко было изобразить в виде чучела: он был «Гордо» — «Толстяк», и достаточно было набить мешок или старый матрас поплотнее, чтобы вся злорадствующая улица, все соседи ликующе показывали пальцами: «Вон опять понесли сжигать старика!»

В одном из переулков близ улицы Сан-Клементе я видел, как какой-то здравомыслящий гражданин пытался вступиться за Феолу. «Старик не виноват, — сказал он парням, раскладывавшим очередной костер, — старик предупреждал, что выиграть будет очень трудно...» Через пару мгновений гражданину пришлось спешно уносить ноги. Если бы он промедлил, его уложили бы в костер вместе с чучелом Феолы.

Злорадствовали газеты, сообщая, что дом Феолы в Сан-Паулу закидан камнями, а его семья взята под охрану полиции. Появились слухи о том, что он боится возвращаться и намерен отсидеться в Европе. Действительно, команда приехала без Феолы. Узколицый Авеланж со скорбным, как на похоронах, лицом выступал по телевидению и, потупив глаза, глухим голосом говорил о роковом стечении обстоятельств, о фатальных неудачах, преследовавших команду, о неспособности ее тренера. И в конце своего выступления с видом оскорбленной добродетели брал всю вину за провал на себя.

Старого Феолу, доктора Гослинга и их сподвижников выгнали из сборной. Именно выгнали. Их даже не уведомили об отставке. Они узнали о ней из газет. Руководство СБД сделало вид, что никакого Феолы никогда не было в сборной. И все. И точка.

Я хорошо знаю об этом, но старику как-то неудобно признаваться, что его выставили на улицу, и он го-

ворит мне, а я делаю вид, что верю ему, что он сам решил уйти из сборной.

— Вообще нужно знать, когда уходить, — размышляет он вслух. — Вон, возьмите Пеле, например. Пару дней назад были тут два репортера из Рио, спрашивали, что я думаю об уходе Пеле. Вы небось тоже захотите задать мне этот вопрос?

Я киваю головой.

— Так вот: я считаю, что вопрос о том, играть Пеле или не играть, может решить только сам Пеле. И если уж он решил, что ему пришло время уходить из сборной, значит, он прав.

Люди, болельщики, трибуны ничего нам не прощают. И с «идолов», с кумиров своих требуют гораздо больше, чем с остальных. Я это знаю по себе. Мне не прощались не только поражения, но даже ничьи! И даже трудные победы с небольшим преимуществом не прощались мне. Болельщик верит в чудеса и требует их от своего идола. А чудес-то на самом деле нет: чемпион побеждает вовсе не потому, что он чемпион, как склонны верить трибуны, а потому, что он играет лучше других, работает над собой, тренируется как никто другой.

Да, чудес не бывает. И когда от меня их требовали, я пытался объяснять, что не могу их творить. А мне не верили.

Феола задумывается о чем-то, видно, вспоминает известное только ему одному, и продолжает своим негромким размеренным голосом:

— Чудеса... Если бы я умел их творить, я никогда не остался бы футбольным тренером. Я применил бы свои «чудодейственные способности», — он улыбнулся, и морщины на его грузном мясистом лице раз-

глаживаются, — в другой области, более полезной человеку. В медицине, например, или в науке.

Увы, от нас требуют чудес, потому что люди хотят верить в них. Таков уж футбол. И не только у нас в Бразилии. В любой другой стране, где футбол популярен, где он стал неотъемлемой частью жизни людей, происходит то же самое, что и у нас: он завладевает сердцами, превращается в страсть. А мы, тренеры и футболисты, частенько становимся игрушками этих могучих сил и страстей. В то же время развитие футбола приводит к тому, что в футбольной жизни разных стран появляется много общего, родственного. Не только и не столько в самой игре, в ее тактике или технике, сколько в жизни и деятельности клубов, в их организации и структуре. Это понятно: сходные проблемы порождают сходные решения.

Таковы, собственно говоря, главные выводы, к которым я прихожу сейчас, пройдя сорокалетний путь в футболе. Такова моя жизнь. И если вы хотите, я отвечу на все интересующие вас вопросы.

...Разумеется, я хотел этого! И разумеется, у меня вертелись на языке десятки самых разнообразных вопросов. Но я уже видел, что старик, говоривший без передышки почти час, устал, и поэтому решил не злоупотреблять его гостеприимством, а спросить только о самом главном, самом интересном:

— Вы явились создателем знаменитой тактической системы 4—2—4, поразившей мир на чемпионате 1958 года в Швеции. Расскажите, пожалуйста, об истории ее открытия или изобретения.

— Очень хорошо, что вы задали этот вопрос, — улыбнулся Феола. — Я давно хочу рассказать о том, о чем никогда до сих пор не рассказывал, и вы предоставляете мне удобный повод сделать это.

Я не считаю, что система 4—2—4 была открыта нами в 1958 году. Изобрели ее мы, бразильцы, но значительно раньше. До 1958 года многие наши клубы играли с четырьмя защитниками и двумя полузащитниками, играли не только у себя дома, но и на выездах, в Европе, например, и поэтому накануне чемпионата пятьдесят восьмого года многие из наших противников уже знали, что сборная команда тоже будет строить свою игру по такой схеме. И готовились к этому. Поэтому мы вынуждены были модернизировать схему 4—2—4, превращая ее в 4—3—3.

— В 1958 году? — переспросил я.

— Да, именно тогда, в пятьдесят восьмом году. Мы вынуждены были это делать в целом ряде матчей и игровых ситуаций, потому что нас к этому обязывали противники: зная о том, что мы в последние годы играем с двумя полузащитниками в средней зоне поля, они старались подавить нас здесь, на этом важнейшем участке, и выставляли против нашей пары полузащитников трех игроков средней зоны. Это делал даже ваш Качалин, и, если я не ошибаюсь, именно такую функцию — третьего вспомогательного полузащитника — выполнял тогда против нас Нетто.

И вот для того, чтобы не упускать контроля над серединой поля, мы вынуждены были усиливать нашу пару полузащитников. Каким образом? Проще всего это можно было сделать за счет оттягивания назад левого крайнего Загало. Его манера игры очень сильно помогала команде, потому что я считал необходимым децентрализовать игру в средней зоне поля, выводить ее из центрального круга, из узкого коридора между штрафными площадками на фланги. Это обогащало футбол. И к этому пришли потом многие.

Ну а как можно было децентрализовать игру? Мы

пытались находить разные пути: либо за счет выходов вперед крайних защитников, либо с помощью Загало, который, связав того самого добавочного третьего игрока противника, пытавшегося создать численный перевес в средней зоне, срывал замыслы соперников и позволял нам не только удерживать контроль над центром поля, но и, как я уже сказал, децентрализовать игру на фланги.

Это было одним из главных факторов, обеспечивших нам успех в пятьдесят восьмом году. Но не единственным. Не менее важно было и то, что наша команда тогда, так же как и эта, только что победившая в Мексике, была отлично подготовлена физически, а игроки прекрасно уживались друг с другом, сливаясь в единый ансамбль. Физической подготовке я всегда придавал очень большое значение. И всегда говорил игрокам: «Мы играем 90 минут, но бегать должны 120, и быть готовы играть все 150 минут! Подряд!» Мы так хорошо подготовили тогда футболистов, что они кончали матч с довольно большим запасом сил, а это позволяло нам постоянно варьировать нашу игру, изобретать что-то.

Нет, что там говорить: без ложной скромности могу утверждать, что команда наша была хорошей, умела развивать атаку, умела контролировать мяч. Когда мои парни получали мяч, я всегда был уверен, всегда знал, что они смогут довести атаку до какого-то логического конца. Не обязательно забить гол, это удается далеко не всегда, но, по крайней мере, я знал, что они всегда смогут создать голевой момент, острую ситуацию, произвести удар по воротам. Кстати, на мой взгляд, это качество вообще отличает классную команду от обычной: умение контролировать мяч, умение делать с ним то, что вы хотите. Я имею в

виду не индивидуальную технику (хотя это тоже очень важно), а командные действия: классная команда просто обязана уметь доигрывать мяч до логического завершения комбинации, до удара. Либо в случае нужды она обязана уметь держать мяч. Столько, сколько нужно!

С особым удовольствием я вспоминаю защиту той моей команды. Ведь до сих пор многие сборные и клубы играют так, как мы играли тогда. А это значит, что мы нашли верное решение задач, которые ставит перед защитниками современный футбол. Впереди линии защитников играл Диди, прикрывая опасную зону перед воротами, откуда неожиданными ударами издали нападающие пытаются застать врасплох вратаря и защиту. Сзади Диди — пара центральных защитников: Белини и Орландо. Вперед всегда выходил тот из них, по чьему флангу развивалась атака противника. Второй оставался в качестве «либеро». Нет, тогда мы и в защите играли весьма прилично. Если было нужно, назад оттягивались до восьми человек. Но как только мяч перехватывался, команда моментально шла вперед.

— Ну а психологическая подготовка? — спросил я. — Меня всегда очень интересовало, как это вы смогли добиться такого хладнокровия, такого спокойствия от игроков. Ведь это дьявольски трудная задача, особенно когда речь идет о бразильцах.

— Да, это правда, — улыбнулся Феола, — с нашими игроками это действительно трудно. В особенности раньше, десять, двадцать лет назад. Если перед матчем вы вдруг объявляли, что игра будет вестись не бразильским, а каким-нибудь иностранным мячом, — конец света! Все разваливалось! Никто не попадал по воротам, по мячу, совершались детские

ошибки! Попробовали бы вы объявить о смене футболок или трусов: происходило то же самое. Нужно было кончать с этим, нужно было духовно и психологически закаливать игроков. Но как это делать?

Я наблюдал за психологией и поведением наших футболистов с самого начала моей тренерской работы — с тридцатых годов. Присматривался, беседовал. Задавал им такие вопросы, какие им никто не задавал. Расспрашивал их о том, что никого ранее не интересовало. Старался таким образом понять, почему мы не смогли победить на предвоенных чемпионатах мира. Кое-что понял, кое-что продолжало оставаться загадкой.

На тренировках я всегда стремился ставить игроков в условия, которые им не нравились. Брал мокрые тяжелые мячи, затрудняющие выполнение технических приемов. Выводил команду тренироваться в дождь. Даже в сильный ливень. Как я потом был благодарен себе за эту настойчивость, когда в день финального матча со шведами мы проснулись, а за окном лил дождь. Было рано, игроков еще не будили, а ко мне уже подбежал один из прикомандированных к команде бразильских журналистов: «Ну все, сеньор Феола: мы проиграли!» — сказал он трагическим шепотом и махнул головой на мокрое оконное стекло. Разумеется, я первым делом постарался изолировать этого человека от команды.

Приехали мы на стадион и видим: рабочие снимают с поля покрытие, вытирают мокрую траву тряпками. Видно, шведам тоже не хотелось играть на скользком грунте. И наши парни увидели эту картину и окончательно успокоились.

Вы знаете, что был у нас и врач-психолог. Доктор Карвальяэс. В его задачу входило определение

психологического состояния игрока накануне матча. Он должен был сообщать мне, кто из них нервничает, кто собран, спокоен. Для этого он осуществлял с ними всякие тесты: парни рисовали ему картинки, чертили фигуры, отвечали на его вопросы. Случалось и так, что состояние и психологическая подготовка игроков менялись очень быстро и приходили в противоречие с выводами Карвальяэса.

Он, например, утром сообщал мне, что такой-то игрок выбит из колеи, нервничает, плохо спал, одним словом, психологически не готов к матчу. Я на свой страх и риск ставил этого парня на матч, и он вдруг успокаивался и играл безукоризненно. Бывало и наоборот: Карвальяэс давал кому-то оценку «отлично», а этот «отличник» выходил на поле и начинал нервничать, ошибаться, горячиться. Иными словами, я не мог целиком положиться на выводы профессора и стремился принимать окончательное решение, доверяясь моей интуиции.

— Могли бы вы, Феола, сделать то, чем так любит заниматься в последнее время пресса и болельщики: сравнить свою команду пятьдесят восьмого года с нынешней командой Загало и сказать, какая из них сильнее?

— Какая сильнее?.. — он задумчиво покачал головой, помолчал немного. Зазвонил телефон. Феола снял трубку и снова положил ее на рычаг. — Какая сильнее? Трудно сказать... Футбол с пятьдесят восьмого года, конечно, изменился. Но его главный принцип, который я всегда проповедовал, остался прежним: самое важное в игре не пропустить мяч!

— Что-что? — перебил я его. — «Не пропустить мяч?» Простите, сеньор Висенте, но это ваше высказывание кажется мне парадоксальным: ведь многие,

в том числе и бразильские футбольные теоретики, писали все эти двенадцать лет, что вашим кредо и кредо вашей команды всегда было нечто прямо противоположное: «Не так уж страшно, если нам забьют гол. В ответ на это мы должны суметь забить два...» Разве это не так?

— Ни в коей мере! — оживился Феола. — Никогда я так не считал, не говорил и не думал! Всегда моей главной заботой, моей основной задачей было не пропустить мяч. И именно поэтому я так тщательно и так много заботился о защите. Именно поэтому я создал в центральной зоне перед воротами плотное трио: впереди — Диди, а за ним — пара центральных защитников. Да, да, я всегда думал прежде всего об обороне своих ворот. В наше время иначе играть нельзя. Это раньше можно было пропустить мяч, другой, а потом идти в атаку всей командой и выигрывать. Сейчас тактическая вооруженность даже средних команд стала такой разнообразной, что, пропустив мяч даже от заведомо слабого соперника, вы никогда не можете быть уверены, что сумеете взломать его оборону.

Поэтому-то в современном футболе в первую очередь необходимо позаботиться о безопасности собственных ворот, а уже потом планировать голы в ворота противника. Это первый принцип современного футбола. Второй связан со скоростной и физической подготовкой футболистов. Раньше говорили так: по полю должен быстро перемещаться не футболист, а мяч. Раньше верили, что хорошему игроку, «звезде», «идолу» бегать не надо. Можно простоять весь матч, а потом получить мяч и с блеском показать весь свой класс. Сегодня это уже невозможно. Сегодня отличная физическая подготовка нужна всем футболистам:

и рядовым, и «звездам». Ведь если игрок не двигается, не перемещается по полю, то он выключается из игры, он присутствует на поле, а не играет! Поэтому я и утверждаю, что в отличие от прежних требований, когда говорилось, что по полю должен быстро перемещаться не игрок, а мяч, сегодня необходимо добиваться, чтобы быстро перемещались и игроки и мяч!

— Но вы, сеньор Висенте, ушли от моего вопроса о том, какая из двух сборных вам кажется лучшей?

— Честно сказать, я очень не люблю сравнивать игроков. И даже в своей команде стремился не выделять каких-то футболистов. Но раз уж вы настаиваете, то попробую сопоставить наши две команды: мою и Загало.

Пожалуй, та команда, завоевавшая в пятьдесят восьмом году звание чемпиона в Швеции, была более монолитной, более ровной по своему составу. Я, разумеется, ни в коей мере не хочу умалить значение победы, одержанной в семидесятом году в Мексике! Просто я обратил внимание на то, что в команде Загало линия защитников уступала в классе нападающим и полузащитникам. Вообще в Бразилии труднее подобрать защитников, чем игроков остальных линий. Хороших защитников у нас не так-то уж и много. И из них многие слишком грешат украшательством, любят демонстрировать свою технику. А защитнику это не может быть позволено ни в коем случае!

Я всегда старался предпочесть более жестких защитников. Именно более жестких, но не грубых, не хулиганов! До сих пор никто не может понять, почему я в первых матчах чемпионата пятьдесят восьмого

ставил в основной состав Де Сорди, а Джалму Сантоса держал на скамейке. Да потому, что Де Сорди был более надежен: он никогда не позволял себе злоупотреблять своей техникой, не увлекался обводкой в опасной зоне перед воротами. А Джалма частенько грешил этим. По этой же причине я предпочел в центре защиты Белини, а не Мауро, хотя Мауро был моим игроком — из команды «Сан-Паулу».

Что касается линии полузащитников, то здесь Загало можно поздравить: его линия просто превосходна. И это явилось одной из главных причин его успеха.

Что еще можно сказать о команде Загало? Нужно отдать должное их духу самопожертвования, их волевой закалке. Они сумели проникнуться мыслью о победе, подчинить ей все свои силы. А это удается не всегда и не всем.

Очень разумно был построен тренировочный режим команды. Вспомните, что произошло с англичанами: они приехали в Мексику уже весьма сильно измотанными своим национальным чемпионатом. Приехали почти на пределе сил. И попали в мексиканскую жару... О, я очень хорошо знаю, что такое мексиканское лето! Это страшная вещь! И вот, вместо того чтобы беречь остаток сил, англичане в панике пытаются акклиматизироваться, пытаются приспособиться к тем же условиям, в которых им придется играть. И проводят свои тренировки в полуденный зной, надеясь привыкнуть к нему. Решили клин выбивать клином. И окончательно надломились физически! А ведь спортсмен должен очень экономно расходовать силы во время таких продолжительных турниров. Достигнув пика формы, нужно уметь удержаться на нем, не сползти к решающим матчам. Нашим это

удалось. Благодаря работе тренеров по физподготовке и благодаря работе самого Загало.

— Кстати, что вы думаете, сеньор Висенте, об этой истории со сменой тренеров накануне чемпионата?

— Я думаю, что сборная в конечном итоге выиграла от прихода Загало. Этим самым я вовсе не хочу бросить камень в Салданью, который был и остается одним из моих самых близких и дорогих друзей. Я его считаю выдающимся знатоком футбола, очень люблю. Люблю за прямоту, честность. Он сказал в глаза многим нашим именитым «звездам», перед которыми иные тренеры пресмыкались, то, что до него не осмеливался говорить никто иной. И это, кстати говоря, тоже пошло на пользу сборной: после его ухода кое-кто, кого он критиковал, решил расшибиться, но доказать, что Салданья нападал на него зря. И это тоже послужило стимулом для улучшения игры. Но все же я считаю, что от смены тренеров команда выиграла: Загало внес спокойствие, утихомирил страсти, кипевшие вокруг команды, и все кончилось благополучно.

— А как вы оцениваете распределение мест в Мексике?

Феола улыбнулся и пожал плечами:

— Футбол всегда имел свои сюрпризы. Так было, так есть, так будет. Возьмите, например, Италию. Пусть меня извинят мои соотечественники: я ведь по происхождению итальянец, но итальянская команда совершенно не заслужила чести участвовать в финальном матче. Могу назвать целый ряд команд, которые по своей игре заслуживали этого в гораздо большей мере: те же англичане, например, или ФРГ, или даже Советский Союз.

— Кстати, что вы можете сказать о советском футболе и что вы могли бы посоветовать нам для того, чтобы мы смогли повысить уровень нашего футбола?

— В 1965 году я был в Москве: наша сборная, как вы помните, играла тогда с вашей командой, и мы победили 3 : 0. До сих пор у меня на глазах выступают слезы, когда я вспоминаю о потрясающем приеме, который нам был тогда оказан. По-моему, это был самый теплый прием, который когда-либо встречал нас к тому времени за пределами нашей страны. Я до сих пор помню, как даже на нашу тренировку явились тысячи зрителей и устроили нам бурную овацию. Как на матче, в ходе которого ваши футболисты проигрывали нам, зрители, демонстрируя удивительную объективность и понимание игры, бурно приветствовали наш успех. Как во втором тайме весь стадион стал скандировать: «Гар-ри-нча! Гар-ри-нча!» Ваши болельщики хотели увидеть легендарного нападающего, а ведь я-то знал, что Гарринча в те дни был не в форме, еще не залечил травму. Поэтому-то я и поставил на матч против вас Жаирзиньо. Но, уступая просьбам гигантской русской торсиды, я выпустил Гарринчу минут за пятнадцать до конца матча. Я не мог этого не сделать: это было бы неуважением к людям, которые нас так любили, так тепло и сердечно принимали.

Так, о чем я говорил?.. Ах да: о вашем футболе! Что я могу сказать? Я чувствую, что в вашей стране он становится такой же всенародной страстью, как у нас в Бразилии, что все больше и больше людей у вас играют в футбол. Ваши тренеры и ваши ведущие команды стараются занять хорошее место в мировом футболе. Вы уже добились заметного прогресса. Хотя

могли бы добиться и большего. Вероятно, там, в вашей стране, миллионы болельщиков раздраженно спрашивают друг друга: «Как же это так: мы, громадная страна, до сих пор не смогли создать мощной команды, способной завоевать первое место на чемпионате мира?!» В самом деле: что вам мешает добиться больших, чем вы добились, успехов в футболе?

Мне думается, что одной из главных причин этого является ваш климат: ведь вы можете играть в футбол только, если не ошибаюсь, полгода? Правильно?

Я киваю головой.

— А мы, — продолжает Феола, — играем круглый год. Вы видели, что даже во время рождественских каникул, когда запрещено проводить платные матчи, наши парни буквально каждый день гоняют мяч на пляжах. Это у них уже в крови. Они просто-напросто не могут жить без мяча!

Климатические условия очень важны для развития футбола. Я, например, абсолютно убежден, что через некоторое время Африка станет великим футбольным континентом, потому что там, как и в Бразилии, можно играть все время.

Но раз нет подходящего климата, то это не значит, что нельзя хорошо играть в футбол. Англичанам в отношении климата не очень повезло. А играть они умеют...

А вам, русским, я хотел бы пожелать: больше внимания уделяйте детскому футболу. Насаждайте футбол в ваших гимназиях, школах, учебных заведениях.

— Простите, сеньор Висенте, но и в этом нам

мешает наш климат: учебный год в школах начинается в то самое время, когда футбольный сезон заканчивается, — говорю я. — Сентябрь — это последний месяц в году, более или менее пригодный для занятий футболом. А с октября на большей части территории нашей страны начинаются дожди, погода холодает, и приходит зима. А когда она кончается, когда теплеет, а поля покрываются травой, кончается учебный год, и школьники расходятся на каникулы.

— Именно поэтому вы должны развивать «футбол-де-салон» — мини-футбол! Ведь его можно практиковать в любом спортзале, даже маленьком. Чем больше детей будет охвачено таким футболом, тем больше мастеров вырастет у вас, ведь техника, мастерство оттачиваются именно на маленьких площадках, где нужно уметь быстро распорядиться мячом на крошечном клочке поля, в окружении игроков противника. Смотрите, как у нас распространен «футбол-де-салон». В любых парках, скверах каждое воскресенье играют сотни команд. Дети и взрослые, ветераны и новички. В спорте количество рано или поздно обязательно переходит в качество: почему японцы стали такой грозной силой в волейболе? Да потому, что у них практически все население играет в волейбол. Я недавно бывал там и видел, что площадки волейбольные у них имеются буквально на каждом шагу. Любой пустырь, любой клочок земли, отвоеванный у зданий и мостовых, моментально превращается в волейбольную площадку. Точно так и в футболе: из миллионов игроков всегда можно подобрать полтора десятка «звезд». А если нет такой базы, если нет большого количества любительских, самодеятельных, детских команд, трудно надеяться, что ведущие команды

найдут игроков экстра-класса и смогут соперничать с лучшими зарубежными клубами, — сказал Феола.

Я подумал, как удивительно точно подметил одну из главных болезней, один из основных недостатков нашего футбола этот умудренный опытом человек: действительно, у нас в стране детский массовый футбол фактически отсутствует: несколько детских футбольных школ — это капля в море. Слушая Феолу, я подумал, что было бы целесообразно подумать о введении футбола как обязательного для мальчиков предмета на уроках физкультуры в наших школах. О необходимости проведения турниров по мини-футболу во всех школах между командами классов, в лагерях — между командами пионерских отрядов. О проведении летних турниров по мини-футболу между командами домов, дворов, улиц, используя для этого пустыри, баскетбольные площадки, пустующие летом площадки для хоккея с шайбой, имеющиеся в некоторых дворах.

— Да, футбол в Бразилии — это сумасшествие, — прервал мои размышления размеренный голос Феолы. — Футбол может толкнуть нас на дела, осуществление которых при иных условиях и ради иных целей показалось бы утопией, фантастикой. Возьмите «Маракану»: если бы этот стадион был задуман и построен как это делается в других странах, я хочу сказать, что если бы это строительство было бы распланировано, запрогнозировано и так далее, то никто никогда не поверил бы в возможность его завершения в такие сроки. А вот пожалуйста: нужно было построить — и построили! Засучили рукава и отгрохали стадионище за какой-то год. Нет, если бы любому из нас сказать заранее, что мы, бразильцы, можем воздвигнуть такое за один год... Мы бы умерли со смеху!

Такова наша Бразилия, наша «бразильская Бразилия», как мы говорим, с ее футболом, с ее страстями. А наш стадион — в Морумби — сколько сил было положено, сколько крови я испорил. И вот полюбуйтесь!

Феола достал из стола фотографию красавца стадиона с серой трехъярусной трибуной, опоясывающей зеленое футбольное поле.

— Ведь ни копейки не дали нам власти. Все пришлось добывать самим. И теперь можем гордиться: наш клуб обладает самым крупным в мире из клубных стадионов. Свыше ста пятидесяти тысяч мест! Хотите посмотреть его?

Отказаться от такого предложения было невозможно. Искушение было слишком велико, и, несмотря на занятость делами на баскетбольном чемпионате, я без колебаний кивнул головой.

На следующий день мы едем на стадион. Едем долго, через весь город. Феола сам ведет свой голубой «фольксваген», настроен он элегически и размышляет словно сам с собой о быстротечности времени. Он говорит о том, как удивительно быстро разросся этот гигантский город, как стремительно ползет он в разные стороны, поднимая пыльные пригороды.

— Совсем недавно мы ездили на этот ипподром, как в другой город, как на пикник или в деревню. А теперь он оказался чуть ли не в центре.

Потом все-таки начались пригороды: кварталы упрятанных в зелень особняков. Лужайки, рощи, но вдруг выяснилось, что и это не пригород, а Морумби — район, где обитает самая «чистая» публика: владельцы астрономических банковских счетов, модные певцы и герои светской хроники. На самом вы-

соком холме Морумби одиноко торчал светлый особняк — дворец губернатора штата.

— Наш болельщик номер один, — кивнул Феола. — Он приезжает на стадион без охраны, без мотоциклистов, проходит через служебный вход и идет в раздевалку. Беседует с ребятами, с тренером, потом... садится на скамейку запасных и сидит там весь матч.

Мы долго ходили с Феолой по стадиону. Деловито топтали ногой травяной — очень хороший, кстати сказать, — покров. Любовались серым кольцом трехъярусных трибун, вмещающих полторы сотни тысяч болельщиков.

— Строительство стадиона превратилось в грандиозную эпопею. Самым трудным было достать деньги: ведь федеральные власти да и прежний губернатор отказались помогать нам, — рассказывал Феола. — Пришлось обратиться к предпринимателям и к болельщикам. Болельщикам мы авансом продали несколько тысяч постоянных мест. Вот видите: самые лучшие, под крышей, защищены от ветра, дождя и солнца. Там на спинке каждого кресла выгравировано имя его пожизненного обладателя. Когда он умрет, кресло перейдет к сыну... Эти люди сделали первые взносы на строительство стадиона. Ну а предприниматели? Вон видите, например, через всю трибуну перекинут плакат: «Пейте пиво «Антарктика» — лучшее в мире»? Эта «Антарктика» дала нам большой заем с рассрочкой на долгий срок. И мы обязались «украсить» трибуны ее рекламой. Подобные же сделки были заключены и с некоторыми другими фирмами, банками, компаниями. А что поделать: без денег стадиона не построишь...

Нас сопровождал директор стадиона Жоао.

Он с гордостью демонстрировал подсобные помещения, удобные раздевалки, медкабинеты, которых нет даже на «Маракане». На втором ярусе трибун в самом центре разместились две закрытые, полностью изолированные от окружающего мира ложи. Одна из них принадлежит дирекции клуба. Другая — самая роскошная — президенту республики. Мягкие кресла, покоящиеся на толстом ворсистом ковре. Раздвижные стекла. Кондиционированный воздух. Позади ложи — салон, в котором при желании можно устроить прием для особ королевских кровей: ковры, серебро, мрамор, жакаранда — темное бразильское дерево, которое не старится веками. И нескончаемые ряды кубков, хрустальных чаш, статуэток, ваз — живая история клуба «Сан-Паулу», запечатленная в серебре, бронзе и мраморе.

В одном из бесконечных коридоров, пронизывающих трибуны, слышался стук бильярдных шаров, смех, топот ног.

— Наши парни — на «концентрации» перед завтрашним матчем, — сказал Феола. — Пока мы их держим здесь, прямо на стадионе, но вскоре построим специальную базу.

Мы подошли к футболистам, разговорились. В ответ на вопрос о том, почему он не приехал на прощальный матч Льва Яшина, Жерсон пожал плечами:

— По той же причине, по какой не приехал Пеле — нас слишком поздно позвали. У наших клубов уже были составлены календари матчей, и нас не смогли отпустить. А если бы приглашения пришли раньше, разумеется, мы бы поехали: ведь участие в матче Яшина — громадная честь для нас...

Во второй половине дня мы вернулись в Сан-Паулу. Солнце клонилось к горизонту, и на громады

небоскребов лег золотой багрянец. Они отливали золотом и излучали накопившийся за день жар, раскаляя и без того жаркий воздух серых ущелий городских улиц. В маленьком кафе на авениде Ипиранга подошла к концу долгая двухдневная беседа с этим старым и мудрым человеком. Потягивая ледяное пиво, он все так же тихо, словно разговаривая сам с собой, подводит итог. То ли нашей беседы, то ли собственной жизни:

— Когда посвящаешь свою жизнь футболу, нужно быть готовым ко всему. К разочарованиям и радостям, к крушению надежд и осуществлению самых несбыточных мечтаний. Жалею ли я о том, что я отдал свою жизнь футболу? Пожалуй, нет...

Я многое пережил, перестрадал, перечувствовал. Я познал радость великих побед и вкусил горечь тяжелых провалов. Но разве могло быть иначе? Разве есть в жизни путь, который усыпан одними только розами? И разве бывают розы без шипов?

И, может быть, самым дорогим в моей жизни, когда я оглядываюсь на пройденный путь, было сознание того, что мой труд доставлял людям радость. Или даже счастье. Ну а когда приходили иные дни, когда нас постигали неудачи... В такие дни вряд ли мог бы найтись человек, который бы страдал больше, чем я. Не потому, что проигран матч или чемпионат. А от сознания того, что я причинил страдания и боль моему народу.

У меня было много ошибок, но в одном я чист перед своей совестью и перед людьми, которые захотели бы судить меня: я всегда был честен с теми, кем мне приходилось руководить. Я никогда не перекладывал ответственность на чужие плечи. Я не принадлежал к числу тех тренеров, которые говорят:

«Я выиграл матч... Мы сыграли вничью... Они, футболисты, проиграли эту встречу». Я говорил: «Мы выиграли». Я говорил: «Мы проиграли». И, может быть, поэтому у меня никогда не возникало недоразумений с игроками.

Я оглядываюсь на пройденный путь. Сорок лет отданы футболу. Сорок лет. Это очень много. Вероятно, я имею право на отдых. Но почему-то мне не хочется отдыхать.

Счастлив ли я? Не знаю. Трудно ответить на этот вопрос. Наверняка знаю лишь одно: я не жалею о том, что пошел по этому пути. И если бы смог вернуться назад, то, вероятно, все повторил бы сначала.

Когда наступают будни

Футбол, даже бразильский, имеет не только праздники, но и будни. Те самые долгие недели и месяцы, когда закладывается фундамент грядущих побед или... провалов. Когда утихают страсти и озабоченно трещат арифмометры подтрибунных бухгалтерий. Когда тускнеет слава вчерашних героев, покрываются паутиной призы и кубки. Когда пустеют трибуны и уходят в отпуска редакторы футбольных еженедельников.

Именно о таком межсезонье и пойдет речь в нашей последней главе.

Советские любители спорта, наблюдавшие 18 июля 1971 года на экранах телевизоров товарищеский матч сборных Бразилии и Югославии на «Маракане» (кстати, это была первая в истории советского телевидения прямая трансляция из Южной Америки), ставший прощальным выступлением Пеле за сборную, задаются, вероятно, вопросом: «Почему этот спортсмен, находящийся в расцвете своих сил, в том самом «золотом» возрасте, когда еще не растрачены силы и уже нажит колоссальный опыт, решил уйти из команды, которую никто не представляет без него вот уже более двенадцати лет?» В самом деле: почему?

Как известно, это сенсационное решение было объявлено «королем» в марте 1971 года на первом после мексиканского чемпионата тренировочном сборе команды. Сбор не был «тренировочным» в полном смысле этого слова: спортсменов вызвали в конфедерацию бразильского спорта для медицинского осви-

детельствования в связи с предстоявшими в июле товарищескими матчами сборной команды. Где-то в коридорах госпиталя Мигель Коуто в Рио-де-Жанейро, переходя из рентгеновского кабинета к дантисту в сопровождении шумной толпы репортеров и фотографов, вот уже добрых полтора десятка лет не отстающих от Пеле ни на шаг, он и взорвал свою бомбу, спокойно заявив: «В июле я ухожу из сборной, сыграв свой прощальный матч. В крайнем случае, два: один в Сан-Паулу, другой в Рио-де-Жанейро. И в том и в другом случае я сыграю минут по десять, не больше...»

Не будем пытаться описать смятение и недоумение, охватившие страну после этих слов. В Бразилии футбольные сенсации всегда оттесняют на второй план события, происходящие в иных сферах жизни. Но сейчас потрясение было особенно большим. И вопрос «почему?» охватил с быстротой цепной реакции все слои футбольной общественности, от рядовых болельщиков до высших чиновников правительства. (Напомним, что общепризнанным «болельщиком номер один» является президент страны — генерал Гаррастазу Медиси, поклонник клуба «Фламенго», старающийся не пропускать важнейшие матчи своего клуба, не говоря уже о национальной сборной.)

На повторенный тысячи и десятки тысяч раз вопрос «почему?» Пеле сказал, что он, как и каждый спортсмен, имеет право выбрать наиболее удачное время для ухода. Лучше расстаться с футболом в зените славы, когда трибуны аплодируют тебе, чем меланхолически сползать на позиции стареющего «пенсионера», живого монумента, которому поклоняются, но в которого перестали верить. Лучше уйти, пока ты доставляешь людям радость, чем дождаться

момента, когда торсида начнет освистывать тебя, как это случилось с Гарринчей.

Кроме того, Пеле мотивировал свое решение семейными проблемами. Точнее говоря, желанием больше времени уделять семье. «Мы женаты с Розе-Мери уже более пяти лет, — сказал он однажды, — у нас родились уже двое детей, но недавно я подсчитал, что за все это время я пробыл в кругу семьи в общей сложности всего лишь несколько месяцев». В этих горьких словах скрывалась грустная правда о нелегкой жизни «короля». Судьба каждого спортсмена сопряжена с лишениями такого рода, с беспрестанными разъездами, тренировочными сборами. Однако вряд ли кому-либо приходится так тяжко, как Пеле: помимо беспрестанных разъездов со сборной и «Сантосом» (а этот клуб является рекордсменом Бразилии, а возможно, и мира, по протяженности и разнообразию своих «гастрольных» маршрутов), Пеле вынужден постоянно участвовать в колоссальном количестве иных мероприятий, проводящихся вдали от зеленого прямоугольника поля, но требующих подчас не меньше сил и... терпения: Пеле превратили в этакое подобие «свадебного генерала», без которого не могут обойтись ни выдающиеся церемонии, ни пышные манифестации, ни шумные кампании, не имеющие зачастую ничего общего ни с футболом, ни с самим Пеле.

Сам Пеле ничего об этом не сказал, но многие спортивные обозреватели писали, что ему надоело служить орудием политических комбинаций президента СБД Авеланжа, давно уже нацеливавшегося на президентское кресло в ФИФА и собирающегося сменить главу этой организации Стэнли Роуза. Сколачивая блоки своих сторонников и коллекционируя голоса на будущих выборах, Авеланж привык опираться на

Пеле: он таскал его за собой по коктейлям, обедам и приемам, устраиваемым периодически в футбольных органах европейских, американских и африканских стран.

Среди мотивов, побудивших Пеле принять это решение, следует упомянуть еще один: обиду. Пеле не забыл, как довольно большая часть спортивной, да и не только спортивной, прессы накануне отъезда команды в Мексику подвергала его довольно жестокой критике. Перечеркивая все былые заслуги своего лучшего футболиста, газеты весьма обидно и бесцеремонно кричали о «закате» Пеле, о том, что ему «пора на покой». Появились инсинуации о мнимых болезнях Пеле. Делались даже выводы о том, что его присутствие не принесет пользы команде. Доказав в Мексике беспочвенность этих «соображений», Пеле затаил обиду, которая в конце концов тоже сыграла свою роль в принятии рокового для бразильских болельщиков решения.

Итак, «мавр сделал свое дело, мавр может уйти»?

Как уже было сказано, реакция в стране на это решение Пеле была весьма бурной. Однако в поведении болельщиков и футбольных чиновников нельзя было не усмотреть существенной разницы. В то время как народ хотя и сожалел об уходе Пеле, проявил чуткость и деликатность, демонстрируя уважение и понимание глубоко личных, интимных мотивов, побудивших футболиста решиться на этот шаг, чиновники предприняли отчаянные шаги, стремясь заставить «строптивого», вышедшего из повиновения Пеле отказаться от своего «поспешного» решения. Пеле еще был нужен им. И для предвыборной кампании Авеланжа, и для намеченного на будущий год международного турнира «Индепенденсиа», где имя «короля», разу-

меется, явилось бы залогом кассовых сборов и финансового «успеха» этого мероприятия, задуманного чиновниками СБД для пропаганды бразильского футбола и проталкивания кандидатуры Авеланжа в ФИФА. Пеле подвергся открытому и завуалированному давлению, характерным примером которого является печальная история несостоявшегося «прощального церемониала», о котором стоит сказать несколько слов.

Вскоре после того, как Пеле объявил о своем решении, бразильская печать начала шумную кампанию с целью «мобилизовать нацию» для организации «достойных проводов» любимому футболисту. И дело было не только в том, что футболист действительно был и остается кумиром бразильцев: всего лишь за несколько недель до этого решения Пеле вместе с «Сантосом» побывал в Париже, и там ему был устроен поистине «королевский» прием, который, по мнению самого Пеле, был самым торжественным и шумным из всех, какие устраивались до этого в его честь как в самой Бразилии, так и за ее пределами.

«Короля» встречал в аэропорту министр социальных связей Жак Баумель, затем Пеле, осыпаемый цветами, проехал в открытой машине через весь город. Миллионы парижан превратили Елисейские поля в арену самой трогательной манифестации, которой не удостаивался до сих пор в Париже ни один из иноземных визитеров, в том числе самых высоких рангов. «Пеле остановил Париж!» — кричали на следующий день газеты, а коммунистическая «Юманите» с чисто французским юмором обратилась к читателям: «Извините, но сегодня мы впервые обязаны говорить хорошо о «короле»: среди нас находится Пеле...»

Поэтому-то бразильская печать потребовала «переплюнуть французов». Нельзя же было в самом деле

позволить, чтобы самые пышные почести самому великому бразильцу были оказаны за границей!

Для воплощения в жизнь этих требований специальным декретом министра просвещения и культуры была создана представительная комиссия, в которую вошли и правительственные чиновники, и видные журналисты, и руководители футбола. Со всех сторон посыпались проекты- один другого грандиозней. Если бы была выполнена хотя бы одна десятая их часть, французы были бы посрамлены! Предполагалось объявить 18 июля — день последнего матча «короля» — национальным Днем Пеле, объявить его выходным, провести в этот день торжественные акты во всех населенных пунктах страны, завершив их шумными карнавальными парадами, затмив торжества, всколыхнувшие страну после победы в Мексике. Предполагалось, что накануне этого дня он проедет на специальном поезде из Сан-Паулу в Рио-де-Жанейро. Поезд будет останавливаться на каждой станции, и Пеле будет «прощаться» с народом. Утром в день матча Пеле должен был принять участие в нескольких церемониях, в частности, быть почетным гостем шумного детского праздника, где он передал бы свою футболку завтрашним футболистам — своим «наследникам». На стадион Пеле должен был ехать в специальном открытом автомобиле, сопровождаемый миллионными колоннами жителей Рио, под грохот «батарей» — оркестров самбы, состоящих из ударных инструментов.

Увы, ничего этого сделано не было. Все провалилось. Точнее говоря, было провалено. За несколько недель до матча министерство просвещения и культуры распространило официальную ноту, в которой говорилось, что торжественные церемонии проводов

«откладываются» до того дня, когда Пеле уйдет из футбола совсем, а не только из сборной. На первый взгляд это решение может показаться не лишенным логики, однако нужно быть хорошо знакомым с бразильскими традициями такого рода, с поистине фанатичной национальной склонностью к всевозможным церемониям по любому поводу и без повода (в этой стране даже для сдачи в эксплуатацию обычного городского путепровода устраивается помпезный митинг, завершающийся коктейлем, с участием губернаторов и министров), чтобы понять, сколь бестактной показалась рядовому бразильцу отмена намечавшихся «проводов». Многие бразильские газеты утверждали, что сорвал их Авеланж, рассерженный решением Пеле и оказавший нажим на министерских чиновников. Репортеры, прослышав о министерской ноте, бросились к Пеле, который в это время километрах в двухстах от Сан-Паулу, в маленьком городке Браганса Паулиста, снимался в художественном фильме «Поход» в роли негритянского лидера, борющегося за освобождение своего народа от рабства и расового угнетения.

— Я никогда никого не просил устраивать мне пышные проводы, — сухо заметил Пеле. Это было все, что он сказал по поводу ноты. Но все же было заметно, что Пеле огорчен. Не отменой торжеств, а бестактностью чиновников, пытавшихся испортить ему радостный и грустный миг прощания с торсидой.

В день матча на «Трибуне почета» «Мараканы» не было видно министров и генералов. Рассерженная элита демонстрировала свое негодование. Но народ, хотя и огорченный уходом кумира, нашел в себе силы и такт и воздал ему должное. Трибуны стадиона рас-

цветились трогательными самодельными лозунгами и транспарантами со словами: «Спасибо тебе, Пеле!» И в ту минуту, когда по окончании первого тайма Пеле направился к центру поля, весь стадион в едином порыве встал на ноги, тысячи белых платков появились в руках людей. Гигантское кольцо архибанкады словно снегом покрыло: бразильцы прощались со своим национальным героем, с человеком, который прославил их страну за ее рубежами больше, чем все дипломаты, все правительства и генералы, вместе взятые.

— О-СТА-НЬСЯ! О-СТА-НЬСЯ! О-СТА-НЬСЯ! — гремело над стадионом, пока Пеле бежал вокруг поля, вытирая грязной футболкой слезы, катящиеся по усталому лицу.

Вместо послесловия

В жаркий декабрьский день пришел конец победному сезону 1970 года. Богиня Нике, завершив свои путешествия от Амазонки до памп Рио-Гранде, обрела покой в одном из сейфов бразильского национального банка. Пеле заключил новый контракт с «Сантосом». Старый Педро, хотя и с трудом, расплатился с долгами и оправился от удара, нанесенного «Лузитании» безрассудным банкетом Зеки и Флавио. Одним словом, год прошел. Еще один год. Можно было со спокойной совестью встретить рождественские праздники и отгулять футбольные каникулы, которые, как всегда кажется, тянутся удивительно долго, хотя на самом деле пролетают быстро. Не успев залечить прошлогодние синяки, футболисты начинают тренировки и товарищеские матчи уже в первой половине января. А потом открывается новый сезон.

В 1971 году он взял старт 31 января. В этот воскресный день в городах и селениях Бразилии состоялись сотни, а может быть — кто это сможет подсчитать? — тысячи футбольных матчей. Я расскажу о двух из них.

Первый приковал внимание всей страны. Он проходил в Сан-Паулу на стадионе «Морумби» — детище Висенте Феолы, — где в матче на кубок «Либертадорес да Америка» встретились прошлогодние чемпион и вице-чемпион страны — «Флуминенсе» и «Палмейрас». На поле вышли мастера, многие из которых неоднократно надевали желтую футболку сборной. И матч не разочаровал болельщиков. Он доставил

наслаждение самым строгим знатокам, самым капризным ценителям этой игры. И когда знаменитый Флавио, занимающий в списке бразильских «голеадоров» второе после Пеле место, забил два «сухих» мяча в ворота «Палмейраса», восторженные зрители приветствовали его бурной овацией.

В этот же самый день и в этот же самый час в ином городе страны встретились в товарищеском матче две другие команды, куда менее знаменитые, но не менее горячо жаждавшие победы. На границе штатов Эспирито-Санто и Минас-Жерайс в маленьком поселке Итарана, который на географической карте кружком означен не всегда, местный клуб «Фламенго» (не путать со знаменитым «Фламенго» из Рио!) принимал на своем поле команду «Ферровиарио» из соседнего поселка Айморес. В этот день в Итаране имел место праздник по случаю вступления в должность местного префекта, и хозяева поля пожелали отметить это выдающееся событие убедительной победой над своим традиционным соперником.

Увы, «мяч круглый, поле ровное», победа ускользала от тех, кто в ней особенно сильно нуждался. И минут через двадцать после начала встречи счет открыли гости. Подогреваемые разъяренными воплями оскорбленных в своих лучших чувствах болельщиков, футболисты Итараны бросились в ответную атаку. Удар! Другой! В панике разбегаются мирно пасущиеся за воротами «Ферровиарио» козы. Испуганная дворняжка прячется под бричку, на которой изволил пожаловать на стадион местный латифундист-помещик с женой, сыновьями и дочками и женихами дочек. В суматохе у ворот гостей мяч влетел в сетку. Взвыли болельщики, но судья заколебался: он видел, что нападающий «Фламенго» подправил мяч рукой.

Обе команды бросились к дрогнувшему арбитру. Он показал рукой: «Штрафной!» «Стало быть, гол не засчитывается?» Тренер команды гостей Ладислау Перейра побежал к судье: он чувствовал, что дело принимает плохой оборот. Он хотел увести своих парней в сторону. Но не успел добежать. Пущенный кем-то из толпы кирпич попал ему в голову. Ладислау упал. И словно стая хищных рыб пираний, почуявших запах крови, к нему ринулись сотни болельщиков. В ход пошли палки, ножи, кулаки. Двое беспомощных полицейских топтались вокруг, пытаясь растащить свалку. Потом как-то неожиданно все бросились в разные стороны. На земле осталось тело Ладислау. Когда его положили на носилки, он еще дышал. Кто-то пытался разыскать доктора, кто-то побежал за машиной. Все это было уже бесполезно. Не приходя в сознание, Ладислау Перейра, футбольный тренер команды «Ферровиарио» из поселка Айморес, скончался.

...Два матча, отразившие все противоречия, будоражащие беспокойный мир бразильского футбола. Мир, в котором находится место и удивительному мастерству Пеле, и не менее удивительному могуществу Шисто Тониато. Мир, в котором рядом с артистизмом Жаирзиньо или Тостао спокойно уживаются хулиганствующие «деревянные ноги» провинциальных клубов и животные страсти далеких футбольных провинций. Мир, впитавший в себя кричащие контрасты общества и эпохи.

Рио-де-Жанейро — Москва

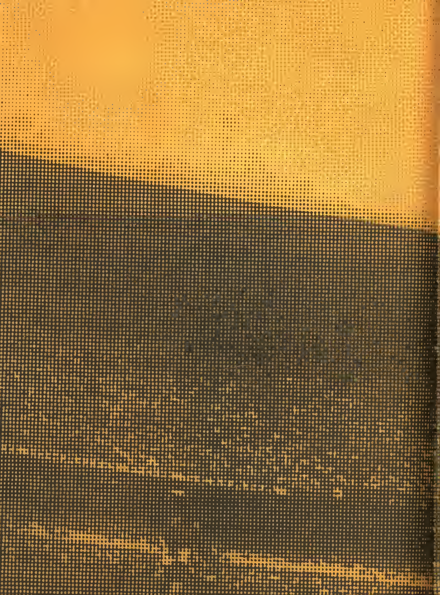

BRASIL

65 коп.
МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ